

Международный научный форум «Наследие»

27-28 сентября
2021 г.

Материалы
международной конференции

**«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ
ИСТОРИИ, МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И КУЛЬТУР СТРАН ВОСТОКА»**

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Гуманитарный институт
Кафедра востоковедения

НОЦ «Наследие»

Международный научный форум «Наследие»

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ, МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И КУЛЬТУР СТРАН ВОСТОКА**

Материалы IV Международной научной конференции

27–28 сентября 2021 г.

N* Новосибирский
государственный
университет
***НАСТОЯЩАЯ НАУКА**

Новосибирск
2021

УДК 327.5+323.2+94+7
ББК 63.0(0) + 66.4(4/8) + 85.7
А43

Сборник рекомендован к печати ученым советом Гуманитарного института
Новосибирского государственного университета

Отв. редактор сборника

канд. ист. наук, доцент *А. В. Варенов*

Председатель редколлегии

д-р ист. наук, проф., директор Гуманитарного института НГУ *А. С. Зуев*

Редколлегия

д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой востоковедения ГИ НГУ *Е. Э. Войтишек*

канд. ист. наук, профессор *С. А. Комиссаров*

канд. ист. наук, доцент *М. В. Дурова*

канд. ист. наук, доцент *А. С. Шмакова*

ст. преп. *А. А. Речкалова*

А 43 Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока :
Материалы IV Междунар. науч. конф. 27–28 сент. 2021 г. / Новосиб. гос. ун-т. — Новосибирск : ИПЦ
НГУ, 2021. — 174 с.

ISBN 978-5-4437-1268-0

В сборнике представлены труды участников международной конференции «Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока», состоявшейся 27–28 сентября 2021 г. на кафедре востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета в рамках научного форума «Наследие».

Конференция, проходившая в гибридном формате, получила широкий общественный и международный резонанс. Это подтверждает не только география участников из крупных востоковедческих центров Австрии, Чехии, России, Монголии, Узбекистана, Новой Зеландии, а также университетов и музейных организаций Китая, Кореи, Японии, но и научный статус докладчиков, известных специалистов и молодых исследователей в области истории, культуры, международных отношений, политологии стран Ближнего Востока, Центральной и Восточной Азии. В сборник включена подборка фотоматериалов, иллюстрирующих специфику организации научных прений и последующих полевых исследований.

This compilation presents works of the participants of the international conference titled ‘Topical Issues around Studies of History, International Relations and Cultures of Eastern Countries’, hosted on 27–28 September 2021 at the Department of Oriental Studies of the Humanities Institute of Novosibirsk State University as part of the ‘Nasledie’ Heritage Science Forum.

The conference, although held in an online/offline format, nevertheless received wide public and international support. This can be seen not only by the geographical reach as a result of participants from large oriental centres in Austria, the Czech Republic, Russia, Mongolia, Uzbekistan and New Zealand, as well as universities and museum organizations in China, Korea, Japan, but also by the scientific status of speakers, well-known specialists and young researchers in fields of history, culture, international relations and political science of Middle Eastern, Central and East Asian countries. The compiled collection includes a selection of photographs illustrating the specifics of organizing scientific discussions and field work investigations.

УДК 327.5+323.2+94+7

ББК 63.0(0) + 66.4(4/8) + 85.7

ISBN 978-5-4437-1268-0

© Новосибирский государственный
университет, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Варенов А. В.</i> От редактора.....	5
--	---

Наш юбиляр

<i>Комиссаров С. А., Шмакова А. С., Речкалова А. А.</i> Круг и полкруга: двойной юбилей профессора Е. Э. Войтишек.....	6
<i>Подалко П. Э.</i> Пять зодиакальных кругов: К 30-летию педагогической деятельности и юбилею д-ра ист. наук, профессора Е. Э. Войтишек.....	11
<i>Войтишек Е. Э.</i> К презентации новой монографии «Путь аромата. Ароматическая культура Восточной Азии (Китай)».....	14
<i>Войтишек Е. Э., Запорожченко А. В.</i> Проект по изучению азиатских коллекций в музеях Европы на кафедре востоковедения Новосибирского государственного университета	20

Экономика и политика

<i>Маслов А. А.</i> Зона «Большого залива» и новый китайский «юг»	25
<i>Gerstl A.</i> The Sino-US Rivalry in the Indo-Pacific: The Strategic Responses of Great and Middle Powers	36
<i>Пожилев И. Е.</i> Фу Боцуй: Боцуй: 20 лет не с КПК, не с Гомиьданом.....	41
<i>Шишикин В. Г.</i> Деятельность Royal Dutch Shell в Китае в 1940–1960-х гг.	46
<i>Филиппов С. И.</i> Протесты в СССР и КНР в конце 1980-х — начале 1990-х гг.....	52
<i>Кузовков М. А.</i> «Новый период сакоку»: политика коронавирусных ограничений по отношению к иностранным резидентам в Японии	55
<i>Ziehaus S.</i> The Qing in Global History and Empire Studies: New approaches and frontiers	59

История, археология и культура

<i>Philippov A. V.</i> Trends in the Historiography on Japan from the middle of the 19 th century to the early 21 st century (Japanese History manuals, reference books and monographs — editions in Russian and English)	67
<i>Подалко П. Э.</i> «Забытый герой»: генерал Н. Н. Муравьев и русская дипломатия XIX века....	74

<i>Varenov A. V.</i> Life and Works of Gai Shanlin (1935–2020) — a Prominent Chinese Rock Art Researcher	84
<i>Ахметов В. В.</i> Погребения знати в Бохэе и Силла: к вопросу о периоде государств севера и юга в корейской историографии	90
<i>Рассолова Д. В.</i> Затонувшее торговое судно «Наньхай-1» и развитие китайской подводной археологии.....	95
<i>Wallenböck U.</i> Connecting Foodways: Cultural Entanglement in Inner Asia	102
<i>Глазунов Д. А.</i> Становление и развитие городской системы Синьцзяна (середина XVIII — конец XIX вв.).....	110
<i>Победоносцева-Кая А. О., Кирпичёнок А. И.</i> Сехаране: сохранение идентичности курдистанских евреев.....	118

Литература, лингвистика и образование

<i>Малинина Е. Е.</i> Феномен «прощальных стихов» в дзэнской традиции	124
<i>Зинченко А. В.</i> Значение комплекса «Семь ритуалов» в контексте его связи с дзэн-буддизмом	131
<i>Фролова Е. Л.</i> Приложения к ежегодникам крупных японских газет как источник для ономастических исследований	137
<i>Кутафьева Н. В.</i> Различия в китайской и русской лингвокультурах на основе анализа зооморфной метафоры «пантера»	142
<i>Симонова Е. В.</i> К понятию грамматической синонимии	148
<i>Кирюхина Л. В.</i> Междометие в грамматической теории Ма Цзяньчжуна.....	153
<i>Родионова О. Ю.</i> Технологизация высшего образования в России и Китае.....	157
Фотогалерея.....	166
Указатель авторов.....	172

ОТ РЕДАКТОРА

Данный сборник представляет труды участников конференции «Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока», проходившей 27–28 сентября 2021 г. на кафедре востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета в рамках международного научного форума «Наследие».

Конференция, проходившая в очередной раз в гибридном формате, тем не менее получила широкий общественный и международный резонанс. Это подтверждает, прежде всего, география участников, представлявших крупные востоковедческие центры *Австрии* (Vienna University, Вена), *Чехии* (Masaryk University, Брно; Palacky University, Оломоуц), *России* (ИСАА МГУ, МГИМО, Институт Дальнего Востока РАН, Институт востоковедения РАН, все — Москва; СПбГУ, Санкт-Петербург; Алтайский гос. университет, Барнаул; Сибирский Федеральный университет, Красноярск), *Монголии* (Mongolian University of Life Sciences, Institute of Philosophy, Mongolian Academy of Science, Улан-Батор), *Новой Зеландии* (Massey University), а также университеты и музеи *Республики Корея* (Hanyang University, Jeongok Prehistory Museum), *Японии* (Aoyama Gakuen University, Токио; Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Сэндай). Свои доклады на четырех секциях в течение двух дней представляли не только известные, состоявшиеся специалисты, но и молодые исследователи в области истории, культуры, международных отношений, политологии стран Ближнего Востока, Центральной и Восточной Азии. Несмотря на взаимодействие в гибридном режиме, между участниками по разные стороны мониторов состоялись весьма оживленные и плодотворные дискуссии.

В рамках прошедшей конференции на кафедре востоковедения состоялось еще одно примечательное событие — празднование 30-летия педагогической деятельности и 60-летия профессора Е. Э. Войтишек, заведующей кафедрой востоковедения ГИ НГУ. С докладом о ее многосторонней деятельности выступили ученики и коллеги, прозвучали презентации и сообщения из разных городов и стран о совместной научной, преподавательской и организационной деятельности. В сборник включена также подборка фотоматериалов, иллюстрирующих основные моменты выступлений и научных дискуссий на конференции, а также во время последующего выезда на полевые исследования в Республику Алтай.

Отв. редактор сборника, доцент кафедры востоковедения
Гуманитарного института НГУ,
канд. ист. наук *А. В. Варенов*

НАШ ЮБИЛЯР

Елена Эдмундовна Войтишек (фото В. Дубровского)

УДК 387.12

DOI 10.25205/978-5-4437-1268-0-6-10

С. А. Комиссаров^{1,2}, А. С. Шмакова¹, А. А. Речкалова¹

¹Новосибирский государственный университет

²Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

КРУГ И ПОЛКРУГА: ДВОЙНОЙ ЮБИЛЕЙ ПРОФЕССОРА Е. Э. ВОЙТИШЕК

Статья приурочена к 60-летию и 30-летию юбилею педагогической деятельности заведующей кафедрой востоковедения ГИ НГУ, профессора Елены Эдмундовны Войтишек. В публикации приводятся факты личной и профессиональной биографии, дается характеристика педа-

гогических подходов и методик, раскрываются особенности научно-исследовательской, организационной, административной и публикационной деятельности юбиляра, оценивается вклад Е. Э. Войтишек в становление и развитие востоковедного центра в Новосибирске. Несколько плодотворных десятилетий развития востоковедения в НГУ свидетельствуют о большом потенциале этого направления в ряду современных перспективных гуманитарных специальностей.

Ключевые слова: Е. Э. Войтишек, Новосибирский государственный университет, востоковедение, изучение языков и культуры Восточной Азии

S.A. Komissarov^{1,2}, A.S. Shmakova¹, A.A. Rechkalova¹

¹ *Novosibirsk State University*

² *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation*

**CIRCLE AND HALF CIRCLE:
DOUBLE ANNIVERSARY OF PROFESSOR ELENA E. VOYTISHEK**

The article is dedicated to the 60th anniversary and 30 years of teaching of the head of the Department of Oriental Studies (Institute for the Humanities, NSU), Professor Elena E. Voytishek. The publication consists of facts of personal and professional biography, describes pedagogical approaches and methods, marks research accomplishments and management achievements, evaluates the contribution of Elena E. Voytishek to the establishment and development of the center of Oriental Studies in Novosibirsk. Several successful decades in the history of the Department of Oriental Studies NSU led by Elena E. Voytishek indicate the great potential of Asian Studies as an educational and research field among many others disciplines of the modern humanities.

Keywords: Elena E. Voytishek, Novosibirsk State University, Oriental Studies, study of languages and culture of East Asia

*Учитель категорически воздерживался от четырех вещей:
он не вдавался в пустые размышления,
не был категоричен в своих суждениях,
не проявлял упрямства и не думал о себе лично.*

«Лунь юй», IX, 4 (пер. Л. С. Переломова)

Юбилейные даты служат хорошим поводом для подведения некоторых итогов, с тем, чтобы наметить пути и методы дальнейшего развития. В октябре 2021 г. научно-преподавательская общественность отметила сразу 60-летие и 30-летний юбилей педагогической деятельности известного специалиста в области культурной антропологии, этнологии, а также истории традиционной и современной культуры обширного региона Восточной Азии, заведующей кафедрой востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, доктор исторических наук, профессор Елена Эдмундовна Войтишек. Ее профессиональный путь связан, в первую очередь, с Гуманитарным факультетом (с 2016 г. — институтом) НГУ, филологическое отделение которого она закончила в 1984 г.

Новосибирская школа гуманитарных наук многое дала Елене Эдмундовне как педагогу и исследователю. Она с большой теплотой вспоминает своих учителей — выдающихся специалистов в области гуманитарных знаний М. И. Рижского, О. П. Фролову, К. А. Тимофеева, Н. А. Лукьянову, А. И. Федорова, Г. И. Павлову. Определенное влияние на становление Е. Э. Войтишек как преподавателя и ученого оказали годовые спецкурсы по истории, литера-

туре, физической и экономической географии Китая, которые тогда читали молодые преподаватели ГФ С. А. Комиссаров и А. В. Варенов, которые и ныне ведут занятия на отделении востоковедения ГИ НГУ.

Сразу после выпуска Е. Э. Войтишек работала в качестве стажера-исследователя и переводчика в Институте истории, филологии и философии СО РАН (1984–2003), научного сотрудника в Институте археологии и этнографии СО РАН (1984–2006), преподавателя на кафедре иностранных языков СО РАН (1991–1998). В 2002 г. она защитила кандидатскую диссертацию по проблемам традиционной культуры Японии (научный руководитель — акад. А. П. Деревянко) в Институте археологии и этнографии СО РАН, а в 2010 г. после окончания докторантуры НГУ — докторскую диссертацию «Игровые традиции в духовной культуре Японии» (научный консультант — акад. В. И. Молодин) по специальности 07.00.07 — этнография, этнология и антропология в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера, Санкт-Петербург).

В НГУ Е. Э. Войтишек преподает с 1999 г., фактически со времени создания кафедры востоковедения на гуманитарном факультете, который тогда возглавлял А. С. Зуев; а в 2004 г., по предложению декана ГФ профессора Л. Г. Панина, она была избрана руководителем этого подразделения. В этом качестве Е. Э. Войтишек внесла значительный вклад в развитие востоковедного центра в Новосибирске: под ее руководством был завершен чрезвычайно сложный и трудоемкий процесс — получение лицензии на специальность в Министерстве образования и науки, разработан учебный план по специальности «Востоковедение и африканистика» — вместе с профилями «История стран Азии и Африки», «Языки и литература стран Азии и Африки», к которым в 2012 г. добавился профиль «Культура и искусство стран Азии и Африки». Она является автором десятков учебных программ, учебно-методических пособий и разработок, различных учебных материалов.

На счету у Е. Э. Войтишек обширный перечень дисциплин, который она читала и читает (в т. ч. вместе с коллегами по кафедре) для студентов направлений «Востоковедение» и «История»: в бакалавриате — «Этнология стран Дальнего Востока (Китай, Корея, Япония)», «История литературы Дальнего Востока (Китай, Корея, Япония)», «Историография и источниковедение истории стран Дальнего Востока (Китай, Корея, Япония)», «История искусства Дальнего Востока (Китай, Корея, Япония)»; в магистратуре — «Этнополитика в странах Евразии: история и современность»; «Практическое источниковедение (ориенталистика)»; «Культурная антропология стран Востока», «Прецедентные тексты мировой литературы». Помимо обязательных дисциплин, популярностью у студентов всех уровней и направлений подготовки пользуются ее спецкурсы «Игровая культура стран Восточной Азии (Китай, Корея, Япония)», «Ароматическая культура стран Восточной Азии (Китай, Корея, Япония)», «Письменный знак как основа коммуникации на Востоке» и др.

Педагогическая деятельность Е. Э. Войтишек не ограничивалась только НГУ, в разные годы она читала лекции в качестве приглашенного профессора в университете Саппоро, в Центре исследований Северо-Восточной Азии университета Тохоку (Сэндай, Япония), в Карловом университете (Прага), в Политехническом университете Гонконга (Китай) и др. Она регулярно выступает с докладами в ведущих академических и научных центрах России и зарубежья (университеты и государственные музеи Японии, Китая, Республики Корея, Австрии, Чехии), что способствует развитию партнерских отношений в области востоковедения.

Под руководством Е. Э. Войтишек на ее спецсеминаре «Культурно-исторические традиции Китая, Кореи и Японии» свой научный путь начинали многие выпускники кафедры востоковедения ГИ НГУ: к настоящему моменту 92 бакалавра и специалиста успешно защитили дипломы и выпускные квалификационные работы. Она выступила в качестве научного руководителя при подготовке и защите двух кандидатских диссертаций, в настоящее время

над диссертационными сочинениями трудятся еще несколько ее учеников. Тематический диапазон студенческих и аспирантских исследований ее подопечных включает в себя различные аспекты традиционной и современной культуры, истории и искусства в регионе Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии.

Первые шаги в науке для учеников Е. Э. Войтишек связаны не только с поиском своего академического стиля при написании публикаций, но и с представлением результатов исследовательских проектов на научных конференциях и симпозиумах. Елена Эдмундовна придает большое значение развитию навыков публичных выступлений и получению опыта общения с коллегами, поскольку без этого невозможно полноценное становление настоящего исследователя. Ее ученики участвуют не только в мероприятиях студенческого уровня (таких, как ежегодная Международная научная студенческая конференция в НГУ, конференция молодых востоковедов «Китай и соседи» в Институте Восточных рукописей в Санкт-Петербурге, Ломоносовские чтения в МГУ и пр.), но и на «взрослых» академических форумах (таких, как международный научный Конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки в СПбГУ, международная конференция «Проблемы литератур Дальнего Востока» в СПбГУ, международная конференция «История и культура Японии» в ВШЭ в Москве, международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока» в НГУ и проч.). Там они получают возможность обсудить с ведущими российскими и зарубежными специалистами ключевые проблемы и новейшие достижения современного востоковедения и получить экспертную оценку в отношении собственных научно-исследовательских изысканий. Такой подход очень помогает в профессиональном становлении научной молодежи, выработке у нее лекторских навыков. Вполне закономерно, что многие из ее учеников сегодня сами преподают в вузах и языковых центрах, сохраняя и передавая следующим поколениями традицию новосибирской востоковедной школы.

Научные интересы самой Е. Э. Войтишек сосредоточены на выявлении закономерностей межэтнических контактов в Восточной Азии, изучаемых в широком хронологическом диапазоне. В процессе научной деятельности ею разработаны методики, позволяющие комплексно изучать различные культурные явления и религиозные практики. Примером такой научно-практической деятельности может служить богатая коллекция предметов традиционной культуры, собранная в ходе научных командировок в Китай, Корею и Японию, которая послужила основой для доброго десятка выставок и мастер-классов, проведенных на открытых для посещения площадках Новосибирска и Москвы (например, в элитном Музее искусства народов Востока). Количество научных и методических публикаций Е. Э. Войтишек составляет более 200 статей и монографий, в том числе коллективных.

Трудовые заслуги Е. Э. Войтишек отмечены ведомственными знаками отличия в честь 55-летия и 60-летия НГУ, почетными грамотами ректората, а также грамотами Министерства науки и высшего образования РФ.

Наряду с научной и педагогической деятельностью Е. Э. Войтишек ведет активную организационно-административную работу в сфере образования. Будучи членом Президиума Федерального учебно-методического объединения по группе направлений 58.00.00 «Востоковедение и африканистика», Е. Э. Войтишек активно участвовала в разработке разных версий федерального государственного образовательного стандарта по указанной специальности. С ноября 2013 г. она имеет статус лицензированного эксперта по специальности «Востоковедение и африканистика» при Минобрнадзоре РФ (участвовала в работе комиссий в Высшей школе экономики, Институте стран Азии и Африки МГУ в Москве, в Кемеровском государственном университете). Она принимает постоянное деятельное участие в ректорских форумах универ-

ситетов России и Японии, а также России и Кореи, где вместе с руководством НГУ представляет отечественную высшую школу, способствует укреплению ее авторитета.

Уже много лет Е. Э. Войтишек бесценно возглавляет оргкомитет секции «Востоковедения» на Международной научной студенческой конференции, которая ежегодно проводится в НГУ, и экспертный совет по изданию предоставленных участниками тезисов и материалов, в том числе и для раздела на восточных языках. Она также руководит оргкомитетом ежегодной международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока», которая проходит в рамках общеинститутского форума «Наследие», и входит в редколлегию одноименного сборника материалов.

С 2007 г. по настоящее время Е. Э. Войтишек — ответственный соредактор выпусков «Востоковедение» научного журнала «Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология» (в 2020 г. издание вошло в международную наукометрическую базу данных Scopus). Е. Э. Войтишек также — член редколлегии «Вестника Санкт-Петербургского государственного университета (Востоковедение и африканистика)» и электронного издания «Eurasian Crossroads: International Scientific Journal», входит в состав редсоветов научных журналов «Японские исследования» и «Вэнь. Изучение китайского языка» и самого крупного востоковедного портала России «Orientalia Rossica». С 2012 г. она — член Правления Европейской ассоциации азиатского искусства и археологии (ун-т Любляны, Словения).

Нельзя не отметить такие качества Елены Эдмундовны Войтишек, которые помогают ей справляться с громадной педагогической и административной нагрузкой, как организованность, пунктуальность, трудоспособность. Ей удалось подобрать на кафедре высокопрофессиональный коллектив и поддерживать в нем благожелательную атмосферу, заводить и в долгосрочной перспективе поддерживать дружеские и профессиональные связи с коллегами по всей стране и за рубежом. Эти личные качества самым непосредственным образом связаны с профессиональными и обеспечивают надежную основу для новых достижений как самого юбиляра, так и руководимой ей кафедры востоковедения.

УДК 387.12

DOI 10.25205/978-5-4437-1268-0-11-13

П. Э. Подалко

Университет Аояма Гакуин, Токио, Япония

**ПЯТЬ ЗОДИАКАЛЬНЫХ КРУГОВ: К 30-ЛЕТИЮ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И ЮБИЛЕЮ Д-РА ИСТ. НАУК, ПРОФЕССОРА Е. Э. ВОЙТИШЕК**

С Еленой Эдмундовной Войтишек меня связывает очень многое, и не только в профессиональном плане, но прежде всего — в человеческом: мы знакомы со студенческих лет, дружим семьями, осуществляем совместные проекты, посильно стараемся, где можем, быть полезными друг другу... Поэтому я первым делом отброшу в своем приветствии сдержанность и беспристрастность — это явно не наш случай.

По-настоящему мы познакомились, страшно сказать — в прошлом веке: уже очень далеким, но до сих пор столь памятным и важным для нас летом 1989-го года, когда группа выпускников Гуманитарного факультета НГУ разных лет получила от мэрии японского города Саппоро приглашение посетить в качестве туристов этот главный город «японского севера». Как мы узнали потом, уже вернувшись домой, то был один из подготовительных этапов последовавшего вскоре установления побратимских связей между Саппоро и нашим родным Новосибирском.

Разумеется, мы были формально знакомы и до поездки: Гуманитарный факультет в те годы был самым маленьким в НГУ, и разница курсов совершенно не препятствовала узнаванию лиц. Мы регулярно виделись в коридорах университета, общались в ходе подготовки и проведения традиционных «Вечеров японской культуры» в Доме Ученых новосибирского Академгородка, где Елена Эдмундовна принимала всегда самое деятельное участие — но настоящее знакомство состоялось именно там, на японской земле, куда, перефразируя Льва Гумилева, отправились просто «молодые специалисты», а вернулись уже глубоко убежденные в правильности своего выбора японоведы: не книжное, а реальное знакомство с языком и культурой Японии окончательно определило наши пути во «взрослой жизни».

Но и тут положение Елены Эдмундовны существенно отличалось — и, разумеется, в лучшую сторону — от моего и остальных наших товарищей: у нее, помимо японского языка, на тот момент уже был в активе также китайский, эта «латынь Дальнего Востока», что делало ее уникальным, поистине «штучным специалистом». Поэтому меня несколько не удивило известие о том, что когда встал вопрос об укреплении в НГУ кафедры востоковедения, выросшей со дня своего основания в 1999 г. со временем в самостоятельное отделение, то кандидатура Е. В. Войтишек оказалась наиболее подходящей к тому, чтобы возглавить в 2004 г. это подразделение, выведя преподавание восточных языков и подготовку специалистов-востоковедов на новый, более высокий профессиональный уровень.

На сегодняшний день востоковедение — одно из наиболее динамично развивающихся и перспективных направлений гуманитарного сектора Новосибирского университета, и я

искренне надеюсь успеть стать очевидцем следующего этапа этого развития — с созданием «своей» магистратуры и докторантуры, о чем мы не раз мечтали вместе с Еленой Эдмундовной.

Для меня Е. Э. Войтишек — это живой человек из эпохи Возрождения, иначе не скажешь. Иногда возникает чувство, словно я знаю пять, нет — шесть разных людей: одна музицирует на виолончели с камерным оркестром Дома культуры «Академия» СО РАН, другая с ракеткой летает на корте, третья ведет исследовательскую работу в четырех странах на пяти разных языках, четвертая преподает и руководит кафедрой в своей «альма матер», пятая успевает при этом быть радушной хозяйкой, у которой так вкусно бывать в гостях, и одновременно — очаровательной супругой профессора и доктора физ-мат. наук, А. В. Войтишека, любящей мамой и — с недавних пор — заботливой молодой бабушкой... Как все это умещается в одной хрупкой женщине, откуда она берет энергию и силы на все перечисленное, что именно помогает ей в любых ситуациях сохранять свое фирменное жизнелюбие и столь неожиданный в Сибири, словно брызжащий шампанским, истинно французский кураж — ответа у меня, разумеется, нет, да и не нужно здесь никакого ответа — пусть это остается ее личной тайной, ведь без подобных тайн жить было бы так скучно!

Отдельно хочется сказать об очень важном моменте — едва ли не главном, когда речь идет о преподавателе вуза: о работе Елены Эдмундовны Войтишек по подготовке новых поколений востоковедов. Есть такое понятие — «Бремя взрослого человека»: оно подразумевает не только огромную ответственность, возлагаемую на нас самим выбором нашей профессии, но и глубокое осознание того, насколько мы в ответе «за всех, кого приручили».

Будучи сама весьма продуктивным исследователем, Елена Эдмундовна очень много ездит по миру. Почти всегда это так или иначе связано с работой: участие в конференциях, «наведение мостов» для дальнейшего сотрудничества в будущем, работа в библиотеках и музеях, встречи с зарубежными коллегами, и так далее. И каждый раз, когда предоставляется возможность, она берет с собой молодежь — студентов, аспирантов, молодых преподавателей — как испокон веку делали заботливые мамы, выводит их в свет, «ставит птенцов на крыло»; оказавшись в любом городе и стране, тащит их за собой в местные музеи и на выставки, знакомит с солидными иностранными профессорами, рекомендует и хвалит «своих», чтобы «там» их тоже непременно заметили и оценили. Всему этому мне не раз доводилось быть свидетелем, и я всегда немножко завидовал ее подопечным.

Список научных публикаций Е. Э. Войтишек включает более двухсот наименований, среди которых десять монографий (индивидуальных и совместных), статьи из перечня ВАК, из международных баз данных Scopus и Web of science, участие в многочисленных сборниках, изданных как в России, так и в ряде стран Европы и Восточной Азии. Она по-прежнему очень много работает как исследователь восточных культур, став своеобразным «мостом» между Россией и тремя ее соседями в Тихоокеанском регионе — Японией, Кореей и Китаем — находя и выявляя то общее, что связывает, казалось бы, совершенно самостоятельные, и не очень-то стремящиеся к ассоциации с другими, народы. Каждый раз, встречаясь с ней дома или на научной конференции, я радуюсь возможности вновь превратиться в восторженного слушателя — и благодарен Елене Эдмундовне за ту щедрость, с которой она вновь и вновь предоставляет мне такую возможность.

Возвращаясь к теме ответственности, хочу особо упомянуть черту, которая в моих глазах лучше прочих характеризует человеческие качества Елены Эдмундовны: будучи крепким и умелым администратором, она как-то сумела обойтись без всех тех приемов современного администрирования, которые делают наше время весьма суровым и несентиментальным. Она не любит увольнять людей, старается избегать жестких мер, что позволило сохранить коллектив в самые сложные годы — это говорит о многом, и говорит хорошо.

Русские любят красивые даты: едва ли не любое сочетание цифр с «пятеркой» или нулем на конце немедленно обретает у нас повышенную значимость, обыгрывается так или эдак, нередко при этом наполняясь неким «важным» значением, столь же внезапно придуманным. Восток на все это смотрит иначе: здесь мало обращают внимание на возраст человека, на «степень округлости» дат; по-настоящему на Востоке отмечают только наступление «канрэки» — когда человек проходит пять полных зодиакальных кругов, тем самым знаменуя обретение истинного знания и мудрости во всем, достижение совершенства и переход на новый качественный уровень бытия. Это — как раз наш нынешний случай, и я чрезвычайно рад быть приглашенным к участию в конференции в честь славного юбилея и рассматриваю это как знак особого доверия ко мне со стороны юбилярши.

Хочется пожелать Елене Эдмундовне здоровья, бодрости, сохранения сил и энергии на новые свершения — с тем, чтобы с Божьей помощью вместе отпраздновать следующую за «канрэки» вторую важную веху — «возраст риса» (88 лет) — и да будет так!

УДК 94+395+74+79

DOI 10.25205/978-5-4437-1268-0-14-19

Е. Э. Войтишек*Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия***К ПРЕЗЕНТАЦИИ НОВОЙ МОНОГРАФИИ «ПУТЬ АРОМАТА
АРОМАТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (КИТАЙ)»**

В статье представлен краткий обзор материалов, собранных в новой авторской монографии, подготовленной к публикации в издательстве «Восточная литература» (Москва). В издании будут освещены теоретические и практические аспекты, касающиеся развития традиционной культуры ароматов в Китае (включая виды благовоний и ароматического сырья; инструментарий и курительницы; китайские религиозные и гадательные практики с благовониями; способы измерения времени с помощью благовоний; феномен понятия «захоронение аромата»). Культурологические и искусствоведческие аспекты аромасферы Китая в монографии проанализированы через деятельность средневековых интеллектуалов-литераторов, а также различные виды декоративно-прикладного и процессуального искусства. Особое внимание при этом уделено медицинскому аспекту применения благовоний (включая методы ароматерапии); дана актуальная информация о современных региональных центрах по изучению и популяризации ароматической культуры в китаеязычной среде. Наряду с этим проанализированы особенности ароматической древесины агаровых (алойных) деревьев, обусловившие ее широкое использование как в религиозных ритуалах, искусстве и культовых практиках, так и в бытовых, лечебных целях. Работа снабжена иллюстративным приложением, в большинстве своем включающим авторские материалы полевых исследований автора более чем за 20 лет работы в различных регионах Восточной Азии. Книга адресована востоковедам, специалистам в области культурной антропологии, этнологии, литературы, искусствоведения и истории культуры, а также всем тем, кто интересуется восточными духовными практиками.

Ключевые слова: Китай, ароматическая культура, благовония, агаровое дерево, аквилярия

Elena E. Voytishak*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia***FOR THE PRESENTATION OF THE NEW MONOGRAPH
“PATH OF THE AROMA: INCENSE CULTURE IN EAST ASIA (CHINA)”**

This article provides a brief overview of the materials collected in the latest monograph, prepared for publication by the ‘Vostochnaya Literatura’ (Moscow) publishing house. The publication highlights theoretical and practical aspects related to the development of traditional incense culture in China (including types of incense and aromatic raw materials, tools and censers, Chinese religious and div-

ination practices featuring incense, ways of measuring time with incense, the 'incense burial' ritual phenomenon). The culturological and art history aspects of China's incense culture are analyzed in the monograph through the activities of medieval literary intellectuals, as well as various types of arts and crafts and procedural art. Special attention is paid to the medical aspect of the use of incense (including methods of aromatherapy) as well as the latest information about modern regional centres dedicated to the study and popularization of incense culture in the Chinese-speaking environment. Along with this, features of the aromatic agarwood trees are analyzed, which have led to its widespread use not only in religious rituals, art and cultural practices but also for household and medicinal purposes. The monograph is supplemented with an illustrative appendix, which for the most part includes field research materials of the author compiled over 20 years of work in various regions of East Asia. The book will be of most interest to orientalists, specialists in the field of cultural anthropology, ethnology, literature, art history and cultural history, as well as to all those who are interested in oriental spiritual practices.

Keywords: China, incense culture, incense, agarwood, aquilaria

В данной статье представлен краткий обзор материалов, собранных в новой авторской монографии, подготовленной в 2021 г. к публикации в издательстве «Восточная литература» (Москва). В издании будут освещены теоретические и практические аспекты, касающиеся традиционной культуры ароматов в Китае, которые заложили основу для развития национальных вариантов этой традиции в других странах Восточной Азии.

В странах Восточной Азии ароматическая культура издавна играла важную символическую и социокультурную роль, отражая общие тенденции развития культуры в разные исторические периоды. Зародившись в древности на территории Китая, к настоящему времени она представляет собой сложнейший комплекс историко-культурных явлений в странах синоегроглифического региона (Китай, Корея, Япония, Тайвань). Она охватывает религиозно-магическую обрядность, санитарно-гигиеническую сферу, область традиционной медицины, совокупность духовно-целительных практик, ритуалов даосско-буддийского, синто-буддийского и конфуцианского характера. Ряд аспектов аромакультуры справедливо рассматривать через анализ и интерпретацию археологических памятников и артефактов, письменных источников, игровых традиций, а также изделий декоративно-прикладного искусства, что позволяет говорить не только о культуре ароматов, но и об искусстве благовоний.

В Восточной Азии и в самом Китае за несколько тысячелетий накоплен колоссальный опыт использования ароматического сырья растительного, минерального и животного происхождения: написаны тысячи трактатов и справочников, изучены свойства отдельных благовоний и их сочетаний, составлены подробные классификации, выработаны принципы религиозных культов и обрядовых практик. Вместе с прикладным значением благовоний развивалось и эстетическое отношение к ароматам, что неоднократно обеспечивало периоды бурного расцвета ароматической культуры в древности, средние века и на пороге Нового времени. В настоящее время на фоне очередного всплеска интереса к этой сфере традиционной культуры в регионе проводятся многочисленные конференции, выставки-ярмарки, фестивали, создаются общества, открываются музеи и арт-галереи, издаются художественные альбомы и каталоги, публикуются статьи и монографии, что остается практически неизвестным за пределами стран Восточной Азии.

Научное осмысление различных аспектов развития ароматической культуры в восточно-азиатском регионе началось со второй половины XX в. в рамках методологической парадигмы антропологических, историко-этнологических, религиоведческих и искусствоведческих исследований. Можно сказать об интенсификации таких исследований в последние 20 лет на фоне нарастания в мире глобализационных процессов. Вместе с признанием важной роли нацио-

нальных культур и возвратом к их традиционным ценностям в настоящее время в странах Восточной Азии можно наблюдать резкий взлет интереса к истории использования ароматических снадобий, их функциям, специфике возжигания различных благовоний, способам изготовления курильниц, методам «слушания» аромата и т. п.

В западном и российском научном сообществе тема сравнительного анализа общих черт и характерных особенностей ароматической культуры региона Восточной Азии находится на периферии исследований, тогда как ее комплексное изучение не исчерпывается культурологическими или искусствоведческими изысканиями, — оно имеет большое значение в таких сферах, как история, археология, антропология, этнология, религиоведение, литература, медицина, ботаника, химия и фармацевтика, косметология и парфюмерия. Круг научных задач в изучении аромакультуры затрагивает и вопросы экологии, поскольку массовое хищническое истребление ценных пород ароматической древесины (прежде всего, агарового и сандалового деревьев) на юге Китая и в странах Юго-Восточной Азии приводит к нарушению экологического баланса, что обуславливает необходимость выращивания этих деревьев на специальных плантациях. Эти меры вписываются в стратегии многих современных международных проектов, направленных на бережное использование природных ресурсов и формирование грамотного экологического пространства.

В связи с этим автору представлялось целесообразным рассмотреть основные тенденции развития ароматической культуры в трех важнейших регионах Восточной Азии — в Китае, на Корейском полуострове и на Японском архипелаге. Систематизация большого массива накопленных данных по основным параметрам развития аромакультуры в Китае, Корее и Японии, выделение общих закономерностей и отличительных особенностей в процессе формирования культуры и искусства ароматов на сопредельных территориях позволит выявить пути и формы длительных межэтнических взаимодействий.

Учитывая определяющую роль китайской культуры в истории Восточной Азии, методологически оправданным видится обращение к материалу, связанному, прежде всего, с Китаем. С этой целью автором проанализированы многие авторитетные материалы на китайском, корейском и японском языках в области изучения различных аспектов ароматической культуры (привлечены также немногочисленные данные, опубликованные на западных языках); осуществлен историографический, источниковедческий и методологический анализ найденных публикаций. Для анализа привлечены также материалы из музейных и частных собраний, храмовых коллекций, арт-галерей, частных торговых компаний из разных регионов. Большое значение для выявления основных путей и форм адаптации китайской ароматической культуры на территории Кореи и Японии имеют археологические находки, этнографические данные, письменные литературные источники, изделия декоративно-прикладного искусства и различные вещественные материалы из сопредельных стран (Россия, Тайвань, Вьетнам, Таиланд и др.). Изучение культуры ароматов соседних регионов способствует выделению архаических пластов и в самой культуре Китая, помогая проследить траектории развития многих социокультурных аспектов. Использование этих материалов позволит выявить место и значение аромасферы в традиционной культуре Кореи и Японии, поможет оценить различные региональные аспекты развития ритуалов и традиций, а также степень их трансформации в настоящее время.

В данной книге представлена первая часть задуманного цикла монографий — материал, собранный автором более чем за 20 лет работы над изучением различных аспектов традиционной и современной культуры стран Восточной Азии и, в частности, Китая. Круг теоретических вопросов, охваченных в монографии, касается выявления особенностей функционирования запахов в символическом культурном коде основных ароматических культур мира, а также анализа традиций развития культуры ароматов в Китае. Практические аспекты функционирования ароматов рассмотрены в разделе о технике и ритуале (виды благовоний и аромати-

ческого сырья; инструментарий и курительницы; китайские религиозные и гадательные практики с благовониями; способы измерения времени с помощью благовоний; феномен понятия «захоронение аромата»). Культурологические и искусствоведческие аспекты ароматической культуры в Китае проанализированы в разделе об аромате, культуре и человеке (деятельность интеллектуалов *вэньжэнь* и благовония; аромакультура и декоративно-прикладное искусство; медицинский аспект применения благовоний; информация о современных региональных центрах по изучению и популяризации ароматической культуры в китаеязычной среде). Несколько разделов посвящено анализу различных аспектов, связанных с ароматической древесиной агаровых (алойных) деревьев, известной в мире с глубокой древности. Благоухающая агаровая древесина по праву занимает центральное место в культуре ароматов Восточной Азии, поскольку она обладает целым спектром важнейших характеристик, обеспечивавших ее повсеместное использование как в религиозных ритуалах, декоративно-прикладном искусстве и культовых практиках, так и в бытовых, санитарно-гигиенических, лечебных целях. Работа снабжена иллюстративным приложением, в большинстве своем включающим авторские материалы полевых исследований и экспедиций в различные регионы Восточной Азии.

При анализе представленного материала автор обращался к ключевым научным исследованиям, опубликованным авторитетными китайскими [Му чжун цзуаньши, 2014; Сяо Юаньдин, 2013; Фу Цзинлян, 2011; Чжоу Цзячжоу, 2014; Чэньсян шоуцзан..., 2014; Цзя Тяньмин, 2014; Янь Цзинсинь, 2014; Peace and Harmony, 2011], корейскими [Ан Чивон, 2006; Куннип..., 2006] и японскими [Дзимбо Хироюки, 2003; Ко:до:гу, 2005; Ко:до: ню:мон, 2010; Хата Масатака, 2001] учеными за последние 15–20 лет, а также к массе письменных, документальных, вещественных и художественных источников, добытых в ходе поездок из различных музеев, храмов и монастырей, арт-галерей, частных собраний разных регионов Китая (Пекин, Тяньцзинь, Харбин, Синьцзян-Уйгурский автономный район, провинции Внутренняя Монголия, Ганьсу, Шаньдун, Чжэцзян, Цзянсу, Гуандун, Хайнань, а также Гонконг и Макао). В связи с этим исследование носит ярко выраженный комплексный характер, который задается самой спецификой материала, накопленного за сотни лет в разных регионах Китая — разновидности ароматического сырья и благовоний, курительницы и разнообразный инструментарий (лопаточки, щипцы, ножи, шкатулки, футляры, подставки, ширмы, экраны, различная утварь и многое другое), культовые ритуалы и церемонии, виды игровой практики, медицинские и религиозные трактаты, эпиграфические, литературные и документальные источники, предметы декоративно-прикладного искусства, элементы садово-парковой и храмовой архитектуры и пр.

Актуальность настоящего исследования вытекала из насущной необходимости широкого обобщения имеющихся данных по отдельным регионам Восточной Азии, и прежде всего, на территории Китая. В монографии ароматическая культура Китая впервые предстает как самостоятельный объект изучения, достойный самого тщательного анализа. Впервые предметом изучения стали не только артефакты, источники и материалы богатейшей культуры ароматов Китая, — в процессе анализа были выявлены типологические связи между различными, на первый взгляд, явлениями и этнографическими предметами, а также выделено общее и отличное в локальных вариантах ароматической культуры. Широкий предметный, территориальный и хронологический охват предусматривал необходимость использования разнообразных методов и подходов, которые имелись в распоряжении автора.

Методология данного исследования основывалась на теории аккультурации, рассматривающей особенности формирования культуры в связи с историческими и этническими процессами на фоне длительных кросс-культурных взаимодействий. При этом культура выступает как внебиологически выработанный и передаваемый способ человеческой деятельности, связанный с адаптационными механизмами общества, тем самым традиционная для этнографии и антропологии предметная область расширяется за счет изучения культурного наследия об-

ширного региона, воспринимаемой как целостное явление и обладающей как этнодифференцирующими, так и типологически общими свойствами. Исследование предполагало не только фиксацию архаических компонентов в культурном наследии Китая, — оно в определенной мере воссоздает этнокультурные характеристики в связи с динамикой этнических процессов в Восточной Азии, что позволяет приблизиться к анализу проблемы национальной специфики в современной культуре. Такая постановка проблемы обуславливала многоаспектность исследования, подразумевающего применение методов археологии, этнологии, культурной и социальной антропологии, филологии, музееведения и искусствоведения.

Дальнейшее движение в этом направлении позволит наметить основные закономерности и тенденции развития аромакультуры в других частях региона Восточной Азии. Выявление форм и путей адаптации ароматической культуры Китая на сопредельных территориях, объединенных синоиероглифической традицией (Корейский полуостров и Японский архипелаг), представляет важную научную задачу. В дальнейшем автор предполагает сосредоточиться на сравнительном анализе различных аспектов ароматической культуры на Корейском полуострове и Японском архипелаге, разработав принципы выделения хронологических соответствий, набора элементов культуры ароматов как специфической субкультуры в рамках «культурного пространства» восточноазиатской цивилизации. В виду необъятности этой темы (во временном и пространственном смысле) исследовательские задачи будут сконцентрированы на выделении важнейших особенностей и тенденций в наиболее репрезентативных областях и аспектах культуры ароматов. На территории Корейского полуострова и Японского архипелага будут выделены основные региональные традиции развития аромакультуры, определены их взаимные связи в процессе расширения межкультурных контактов. Подобная обобщающая работа будет востребована не только китайскими, корейскими и японскими учеными, но и историками, этнографами, антропологами, искусствоведами России и Запада.

Освоение богатого опыта применения благовоний и ароматического сырья, управление запахами, создание новых запахов и ароматов — глобальный вызов, который человек третьего тысячелетия должен принять и научиться его использовать в разных сферах жизни — как в интересах науки, производства и медицины, так и для совершенствования своих нравственных качеств.

В этом может помочь длительный опыт использования ароматов и благовоний на Востоке, где считается, что аромат способствует нравственному и духовному совершенствованию. Изучение материальных и духовных аспектов развития ароматической культуры Востока помогает осознать известную истину, которая гласит, что «быть счастливым в одиночестве хуже, чем быть счастливым с другими».

Представленная монография адресована востоковедам, специалистам в области культурной антропологии, этнологии, литературы, искусствоведения и истории культуры, а также всем тем, кто интересуется восточными духовными практиками.

Список литературы

Ан Чивон. Корёый гукка пульгё ыйрева мунхва [고려의 국가 불교의례와 문화. 서울: 서울대학교출판부]. Буддийская обрядность и культура эпохи Корё. Сеул: изд-во Сеульского национального университета, 2006. 393 с. (на кор. яз.)

Дзимбо Хироюки. Ко:до:-но рэкиси дзитэн [神保博行。香道の歴史事典]. Словарь по истории искусства благовоний. Токио: Касива-сёбо, 2003. 454 с. (на яп. яз.)

Ко:до:гу. Тэнга то сэйти [香道具。典雅と精緻]. Инструментарий искусства благовоний. Изысканность и утонченность / Под ред. Аракава Хирокадзу, Коикэ Томио, Нагасима Мэйко. Танкося: Киото, 2005. 256 с. (на яп. яз.)

Ко:до: ню:мон [香道入門]. Введение в историю искусства благовоний. Киото, Токио: Танкося, 2010. 175 с. (на яп. яз.)

Куннип хэяньюмуль чонсигван. Синансон [국립해양유물전시관. 신안선]. Национальный музей морского культурного наследия. Корабль Синансон. Мокпо: Чунанмун хваинсве, 2006. 397 с. (на кор. яз.)

Му чжун цзуаньши: чэньсян шоуцан юй цзяньшан [木中钻石: 沉香收藏与鉴赏/文客编著]. Алмаз среди деревьев: коллекционирование и оценка древесины аквилярии / Под ред. Вэнь Кэ. Пекин: Синь шицзе чубаньшэ, 2014. 231 с. (на кит. яз.)

Сяо Юаньдин. Чэньсян пу: Шэньми дэ учжи юй нэнлян [萧元丁。沉香谱: 神秘的物质与能量]. Справочник по аквилярии: мистическая природа и энергетика. Тайюань: Саныцзинь чубаньшэ, 2013. 173 с. (на кит. яз.)

Фу Цзинлян. Чжунго сян вэньхуа [傅京亮。中国香文化]. Китайская культура благовоний. Цзинань: Цилу шушэ, 2011. 316 с. (на кит. яз.)

Хата Масатака. Каори га катару нихон бунка си: ко:сэндай [畑正高。香がかたる日本文化史: 香千載]. История японской культуры через рассказ об ароматах: аромат на века. Киото: Мицумура суйко сёин, 2001. 71 с. (на яп. яз.)

Чжоу Цзячжоу. Сян шэн [周家胄。香乘]. История благовоний. Пекин: Цзючжоу чубаньшэ, 2014. 560 с. (на кит. яз.)

Чэньсян шоуцзан жумэнь байкэ [沉香收藏入门百科. 张梵, 姜跃进编著]. Элементарная энциклопедия по коллекционированию агаровой древесины / Под ред. Чжан Фань, Цзян Юэцзинь. Пекин: Хуасюэ гунъе чубаньшэ, 2014. 156 с. (на кит. яз.)

Цзя Тяньмин. Чжунго сянсюэ [贾天明。中国香学]. Изучение благовоний в Китае. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2014. 102 с. (на кит. яз.)

Янь Цзинсинь. Шангу шо сян [鄢敬新。尚古说香]. Почитая древность, поговорим об ароматах. Циндао: Циндао чубаньшэ, 2014. 260 с. (на кит. яз.)

Peace and Harmony [祥和。中國香港沉香珍藏展]. The Divine Spectra of China's Fragrant Harbour. A Collection of 108 Aloes of Sacred Scripture and Related Artifacts / Ed. by Paul Kan. Hong Kong, 2011. 289 p. (на кит. яз.)

Е. Э. Войтишек¹, А. В. Запорожченко^{1,2}

¹ *Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия*

² *Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия*

ПРОЕКТ ПО ИЗУЧЕНИЮ АЗИАТСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ В МУЗЕЯХ ЕВРОПЫ НА КАФЕДРЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Изучение коллекций искусства стран Восточной и Юго-Восточной Азии, которые в силу ряда исторических причин оказались в музеях Европы, представляет собой важную научную и методологическую проблему. Цель проекта состоит в анализе музеефикации азиатского искусства в Европейском пространстве. Изучение историко-культурных, художественных практик и анализ просветительской деятельности специализированных европейских музеев (главным образом, Германии, Великобритании, Франции, Австрии, Греции, Польши, Швеции и некоторых других). Одна из задач проекта — составление карты коллекций этих музеев и создание истории их формирования. Работа объединяет преподавателей и студентов ГИ НГУ и призвана заложить основу для выявления отличительных особенностей, обстоятельств, целей и потребностей азиатских коллекций в музеях за пределами Азии.

Ключевые слова: коллекции восточного искусства, музеи Европы, искусство Азии, музейная деколонизация.

Elena E. Voytishek¹, Andrei V. Zaporozhchenko^{1,2}

¹ *Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia*

² *Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia*

THE STUDY OF ASIAN COLLECTIONS IN EUROPEAN MUSEUMS BY THE DEPARTMENT OF ORIENTAL STUDIES AT NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

The study of East and Southeast Asian art collections, which for a number of historical reasons ended up in European museums, is a significant scientific and methodological issue. The aim of the project is to analyze the museumification of Asian art in the European space. This includes the historical, cultural and artistic practices and the analysis of educational activities of specialized European museums (mainly Germany, United Kingdom, France, Austria, Greece, Poland, Sweden and others). One of the key project objectives is to map out these museum collections and the history of their formation. This study brings together faculty and students of Novosibirsk State University's Institute for the Humanities and aims to lay the foundation for identifying distinctive features, circumstances, goals and needs of Asian collections held in museums outside of Asia.

Keywords: collections of oriental art, European museums, Asian art, museum decolonization

Изучение коллекций искусства стран Восточной и Юго-Восточной Азии, которые в силу ряда исторических причин оказались в музеях Европы, представляет собой важную научную и методологическую проблему. Цель проекта, который уже почти десять лет в инициативном порядке ведет кафедра востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, состоит в анализе процессов музеефикации азиатского искусства в европейском культурном пространстве.

Особое внимание при этом уделяется изучению историко-культурных, художественных практик и анализу просветительской деятельности специализированных европейских музеев (главным образом, Германии, Великобритании, Франции, Австрии, Греции, Польши, Швеции и некоторых других). Одна из задач проекта — составление карты коллекций этих музеев и создание истории их формирования. Работа объединяет преподавателей и студентов ГИ НГУ и призвана заложить основу для выявления отличительных особенностей, обстоятельств, целей и потребностей восточных коллекций в музеях за пределами Азии.

Действительно, за последнее время в рамках музейной практики студенты-востоковеды разных курсов под руководством преподавателей кафедры востоковедения выезжали несколько раз во Францию, Чехию, Германию и Австрию, чтобы познакомиться с азиатскими коллекциями ведущих европейских музеев и создать свой авторский проект, касающийся того или иного собрания.

Так, за время выездной практики 2014 г. в Париж за неделю пребывания в столице студентами было осмотрено 11 музеев (причем, только в Лувре ребята побывали три раза). В задачи практики помимо изучения непосредственно азиатских коллекций входило знакомство с крупнейшими собраниями европейских музеев, с их выдающимися экспонатами, с архитектурой старинных и современных зданий, с музейным маркетингом. В числе этих музеев были такие, как Музей на набережной Бранли (Le musée du quai Branly), Лувр (Musée du Louvre), Музей д'Орсе (Musée d'Orsay), Центр современного искусства Ж. Помпиду (Le Centre Pompidou), Национальный музей восточного искусства Гиме (Musée national des Arts asiatiques / Musée Guimet), Национальный музей Средних веков (Musée national du Moyen Age / Musée de Cluny), Музей Оранжерии (Musée de l'Orangerie), Музей азиатского искусства Чернуски (Musée Chernuski), дворцово-парковый ансамбль Версаль (Château de Versailles) и др.

На зимних каникулах в 2017 г. студенты-востоковеды благодаря усилиям организаторов практики за одну поездку смогли посетить ведущие музеи трех стран — Чехии (Прага), Германии (Дрезден) и Австрии (Вена). Так, в Праге были осмотрены такие музеи, как Национальная галерея Праги (Narodni Galerie Praha), Новая галерея (Nova galerie), Дворец Кинских (Palác Kinských), Салмовский дворец (Salmovský palác), Музей современного искусства Велетржнни (Veletrzní palác), Музей А. Мухи (Muchovo museum), Картинная галерея Пражского града (Obrazarna Prazskeho hradu, Rudolfova galerie).

За один световой день в Вене студенты смогли посетить Музей истории искусств (Kunsthistorisches Museum), Галерею Бельведер (Galerie Belvedere) и кратко осмотреть музейный комплекс MuseumsQuartier. В таком же режиме за следующую однодневную экскурсию в Дрезден востоковеды познакомились с такими выдающимися музейными экспозициями, как Галерея старых мастеров (Gemäldegalerie Alte Meister), сокровищница «Зеленые своды» (Grünes Gewölbe), Галерея новых мастеров (Galerie Neue Meister). Познавательной ценности добавляли компетентные исторические комментарии и предварительные краткие лекции организаторов выездной музейной практики.

Методически оправданным для самостоятельной работы студентов было ежедневное ведение дневника музейной практики во время поездки, чтобы после возвращения было проще восстановить конкретные детали экскурсии и грамотно подготовить выступления с докладами на студенческой конференции.

Однако, осознавая, что подобными разовыми выездами невозможно решить поставленные задачи по изучению восточных музейных коллекций, руководители проекта с 2017 г. ведут со студентами целенаправленную работу по сбору и анализу информации о крупнейших европейских собраниях.

В рамках практики студенты-востоковеды в течение нескольких месяцев собирают сведения на западных и восточных языках о той или иной музейной коллекции, после чего по единому плану предоставляют подробный текстовый файл и презентацию, с которой они выступают на специальном семинаре с руководителями проекта.

План описания музея, располагающего крупными восточными коллекциями, строится по следующей схеме:

- История создания. Оригинальное название.
- Профиль. Форма собственности. Музейная архитектура. Место расположения. Удобные способы проезда.
- Структура собрания. Основные коллекции (отделы), история их возникновения.
- Описание наиболее значимых экспонатов.
- Анализ экспозиционной деятельности. Информационное обеспечение. Комфортность для посетителя.
- Музейный маркетинг. Внеэкспозиционная деятельность: медийная, образовательная, культурная. Социально-ориентированные программы.

За 2017–2019 гг. подобным образом собраны сведения по следующим странам: Великобритания (British Museum, Durham University Oriental Museum, Museum of East Asian Art, The Victoria and Albert Museum); Германия (Museum Fünf Kontinente, Museum für Asiatische Kunst); Франция (Musée d'Ennery, Musée national des Arts asiatiques / Musée Guimet, Le musée du quai Branly, Musée Chernuski); Польша (Asia and Pacific Museum, Manggha Museum of Japanese Art and Technology / Muzeum Sztuki i Techniki Japońskiej Manggha). Ряд крупных коллекций в это время был изучен по отдельным центрам восточной культуры — таким, как: Museum of Ethnology / Weltmuseum Wien (Вена, Австрия), Museum of Asian Art of Corfu / Музей азіяського мистецтва (Греция), Náprstek Museum (Прага, Чехия).

За это время в сферу интересов коллектива проекта попутно вошли и крупнейшие отечественные музеи, где собраны известные коллекции восточного искусства — Государственный музей искусства народов Востока (Москва), Музей антропологии и этнологии РАН им. Петра Великого (Кунсткамера, Санкт-Петербург), Государственный Музей Эрмитаж (Санкт-Петербург), а также известные коллекции в музеях Китая, Кореи и Японии. Так, уже собрана база данных на восточных языках по следующим музейным собраниям:

• Китай

1. Национальный музей Китая 中 家博物 (Пекин); Пещерные храмы Лунмэнь 石窟 (Лоян)
2. «Старый дворец» 故 古 (Пекин); Исторический музей 天津博物 (Тяньцзинь)
3. Шанхайский музей искусств 上海博物 (Шанхай); руины городища Цзяохэ 交河故城 (Синьцзян, Турфан)
4. Тайваньский государственный дворцовый музей (Гугун) 國立故宮博物院 (Тайбэй)
5. Исторический музей Синьцзяна 新疆 吾爾自治 博物 (Урумчи)

• Корея

1. Национальный музей Кореи 國立中央博物館 (Сеул); Сеульский музей истории 서울역사박물관 (Сеул)
2. Национальный фольклорный музей Кореи 國立民俗博物館 (Сеул); Национальный музей современной истории Кореи 大韓民國歷史博物館 (Сеул)

3. Национальный дворец-музей Кореи (Кёнбоккун) 國立古宮博物館 (Сеул); Hangaram Art Museum 한가람미술관 (Сеул)

• **Япония**

1. Музей Мико Ми Хо Ми Ю Гэ А М (Кокаси)
2. Национальный музей Киото 京都国立博物館 (Киото)
3. Национальный Музей Токио 東京国立博物館 (Токио)

В 2020–2021 гг. были подготовлены и проанализированы материалы по музейным коллекциям Востока следующих стран: Великобритания (Hastings Museum and Art Gallery, Horniman Museum); Германия (Linden Museum); Франция (Georges Labit Museum); Швейцария (Ethnographic Museum of Geneva, Rietberg Museum, Fondation Baur Musée des arts d'Extrême-Orient). В это время был изучен также материал и по отдельным центрам восточной культуры: Museo d'Arte Orientale Ca' Pesaro (Венеция, Италия); Musées d'Extrême-Orient (Лакен, Бельгия); Ceramic Museum Princessehof (Нидерланды); Rijksmuseum Volkenkunde (Лейден, Голландия); Museum der Völker (Швац, Австрия); Sweden Östasiatiska Museet (Стокгольм); Museu do Oriente (Лиссабон, Португалия).

На ближайшее будущее уже намечены конкретные планы по охвату восточных коллекций из остальных известных музеев Великобритании, Франции, Германии, Швейцарии, Италии, Бельгии, Нидерландов, Польши, Венгрии, Австрии, Швеции и др.

По замыслу руководителей проекта, весь этот материал будет собран и систематизирован в электронном учебном пособии, которое планируется к изданию в издательско-публикационном центре Новосибирского государственного университета.

Задуманный проект представляется чрезвычайно актуальным не только в отношении российской науки, он отражает растущий интерес академических кругов всего мира к этой категории коллекций, что выражается в большом количестве публикуемых монографий [Lo P., 2017], проведенных симпозиумов и конференций¹. В научных кругах растет интерес к теоретическому обобщению процесса деколонизации музейных коллекций, о чем свидетельствует, например, недавно опубликованное исследование о «процессах музейной деколонизации» в Швейцарии [Siegenthaler F., Bonilla A., 2019]. Основная идея заключается в том, что музеи должны отражать культурное разнообразие народов мира и активнее предоставлять слово тем этническим и культурным сообществам, которые произвели предметы, выставленные в экспозиции [Lonetree A., 2012; Onciul B., 2015]. Прослеживая происхождение предметов и изучая историю их приобретения, все большее число ученых и музейных специалистов призывают к эпистемологическому сдвигу в работе с коллекциями. По мнению сторонников музейной деколонизации, музейные предметы должны быть освобождены от «колониальных интерпретаций» и возвращены в изначальные культурные рамки [Tlostanova M. V., Mignolo W., 2012; Gamberi V., 2019]. На недавней конференции ИКОМ в Киото в 2019 г. была проведена специальная панельная секция, посвященная данной проблематике. В отечественной науке подобного рода исследования находятся на периферии научного поиска (в качестве приятного исключения следует отметить вышедшую в 2012 г. в США книгу М. В. Тлостановой), что задает теоретическую и практическую значимость данному направлению деятельности.

¹ См., напр.: Politics of Collecting Asia: 1800 — Present. SOAS, University of London on 28 April 2018. URL: <https://www.soas.ac.uk/jrc/events/28apr2018-politics-of-collecting-asia-1800---present.html>; Second Conference of the European Association for Asian Art and Archaeology, 24–27 August 2017, University of Zurich. URL: http://www.ea-aaa2017.ch/public/pdf/EAAA_Program%20and%20Abstracts_170814_opt.pdf (дата обращения 18.10.2021).

Список литературы

Gamberi V. Decolonising Museums: South-Asian Perspectives // Journal of the Royal Asiatic Society. Vol. 29. № 2. 2019. P. 201–218.

Lonetree A. Decolonizing Museums. Representing Native America in National and Tribal Museums, Chapel Hill: UNC Press Books, 2012. 248 p.

Onciul B. Museums, Heritage and Indigenous Voice: Decolonising Engagement, New York; London: Routledge, 2015. 267 p.

Lo P, Chiu D, Choet A. Inside the World's Major East Asian Collections. One Belt, One Road, and Beyond. Cambridge: Chandos Publishing 2017. 466 p.

Siegenthaler F, Bonilla A. Introduction: Decolonial Processes in Swiss Academia and Cultural Institutions. Empirical and Theoretical Issues // Tsantsa. № 24. 2019. P. 4–13.

Tlostanova M. V., Mignolo W. Learning to Unlearn: Decolonial Reflections from Eurasia and the Americas, Columbus, Ohio State University Press, 2012. 283 p.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

УДК 327.81

DOI 10.25205/978-5-4437-1268-0-25-35

А. А. Маслов

Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

ЗОНА «БОЛЬШОГО ЗАЛИВА» И НОВЫЙ КИТАЙСКИЙ «ЮГ»

Власти Китая с 2017–2019 гг. активно развивают проект «Зона Большого залива», который призван объединить в единый экономический комплекс несколько городов провинции Гуандун, а также Гонконг и Макао. На первый взгляд, это представляется чисто хозяйственно-финансовой инициативой, однако создание этой Зоны во многом связано с политическими традициями преодоления хозяйственно-культурного сепаратизма юга Китая, восстановления единства страны. В конечном счете это должно создать ведущий инфраструктурный, логистический, финансовый центр в Восточной и Юго-восточной Азии, потеснив Сингапур и отдельно взятый Гонконг. Это же позволяет и решить проблему более глубокой интеграции Гонконга и протестных настроений. Проект Зоны осуществляется через развитие исторически сложившейся агломерации в дельте реки Чжуцзян, но при этом сам регион тесно привязывается к остальной части материкового Китая, и это воспроизводит традиционное для китайской политической культуры страны стремление к «единству» как к одному из ключевых факторов национальной идеи.

Ключевые слова: Китай, Гуандун, Гонконг, культурно-экономическая зона, национальное единство, Зона большого залива

A. A. Maslov

*Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia*

THE GREAT BAY AREA AND THE NEW CHINESE SOUTH

The division of China into “south” and “north” has for centuries been one of the fundamental problems not only for the country’s economic and economic development but for its cultural and civilizational development. The “secession of the south,” its cultural and linguistic isolation, is, in fact, an eternal problem for both the Chinese state as a cultural community and the authorities proposed different solutions have at different times, from military invasion to unification or “harmonization” of economic

space to resolve the problem of “unity”. Any attempt to violate cultural and historical unity provokes a painful response from the Chinese state power because it strikes at the very core of the paradigm of the cultural community called “China”. There are several trends related to the “new Chinese south”. The PRC authorities have set a course to maximize the integration of the territories of southern China, which encompass the leading manufacturing cities of Guangdong Province, as well as Hong Kong and Macao. Ultimately, it should create a leading infrastructure, logistics, and financial center in East and Southeast Asia, pushing Singapore and Hong Kong separately out of business. It also allows to solve the deeper integration of Hong Kong, “blurring” its independence of protest aspirations. The Great Bay Area project is implemented through the development of the historically established agglomeration in the Zhujiang River Delta, but the whole region is closely tied to the rest of mainland China, and this reproduces the traditional desire for “unity” as one of the key factors of the national idea in the Chinese political culture. Formally, the idea of the GBA, as a project of economic integration, ultimately gravitates toward the stable patterns of Chinese culture associated with the unity of administrative and cultural space in a wide area of Asia.

Keywords: China, Guangdong, Hong Kong, cultural and economic zone, national unity, Great Bay Area.

Распадение Китая на «юг» и «север» в течение столетий представляло собой одну из важнейших проблем не столько хозяйственно-экономического развития страны, сколько культурно-цивилизационного. «Отпадение юга», его культурное и языковое обособление по сути представляет собой вечную проблему как для китайского государства как культурной общности, так и для властей как особого рода «хранителей» этого метакультурного единства, причем в разные эпохи предлагались и разные формы решения этого вопроса, от военного вторжения до объединения или «гармонизации» экономического пространства. Безусловно, «юг» — понятие не столько географическое, сколько культурное, и его точная локализация может определяться по-разному: от всего обширного пространства к югу от Янцзы до значительно более узкого пространства в бассейне реки Чжуцзян, что во многом совпадает с хозяйственно-культурными зонами Китая.

В традиционной китайской историографии главенствует мысль, что единство Китая — это норма, периоды разделения — отклонения от этой нормы. Но даже периоды единства никогда не были стабильными и попытки «откалывания» территорий происходили постоянно, особенно, например, в X–XII или XV–XVII вв. Пока выполнялись определенные минимальные условия существования единства территорий, и столичные власти четко постулировали необходимость этого единства в противоположность мнению региональных элит, государство существовало как единый хозяйственно-культурных механизм. Китайская правящая элита использовала вполне прагматический подход, чтобы гарантировать, что идеал единства всегда будет приближен к реальности Китая. При этом правящие элиты могли и не быть этническими ханьцами и варьировались от суннов до тюркских туцзюэ, чжурчжэней и монголов, но все они так или иначе декларировали единство государства как важнейшую часть своей культурной политики [Wang Gungwu, 2007].

Именно поэтому любые попытки нарушения культурно-исторического единства вызывают столь болезненную реакцию у китайских властей, поскольку это наносит удар по самому ядру парадигмы того культурного сообщества, которое и именуется «Китаем». Идея национального единства на фоне в целом успешного экономического развития оказалась под угрозой в 2010–2020 гг., что было связано прежде всего с событиями в Гонконге, а также с заметным ростом экономического благосостояния провинциальных экономических элит юга Китая.

Это вылилось, в частности, в протестные движение в Гонконге в 2014 г, получившее название «движение зонтиков» (юйсань ходун 雨傘運動), а также в протесты в Гонконге в 2019–2020 гг., которые наносили удар по концепции «одна страна — две системы» и не давали возможности для позитивного разрешения ситуации изнутри самого Гонконга. С другой стороны, стало очевидным заметное экономическое опережение южных провинций Китая, прежде всего провинций Фуцзянь и Гуандун, относительно остальных районов Китая. Здесь в дельте реки Чжуцзян (Жемчужная река) сложился отдельный урбанизированный кластер, который по своим границам практически точно воспроизводит традиционный «юг» Китая. Несмотря на то, что этот регион по своим масштабам меньше, чем два других крупнейших кластера в дельте Янцзы и вокруг Пекина, по глобальному индексу он опережает все остальные (табл. 1).

Таблица 1

Урбанизированные кластеры Китайской Народной Республики

Кластер	Число городов TOP 200	Основные города	Индекс экономической конкурентоспособности	Место в Китае	Место в мире	Глобальный индекс
Дельта Янцзы	14	Шанхай	0,8367	3	10	B+
		Сучжоу	0,7648	7	25	
		Нанкин	0,7261	8	42	
Дельта Чжэцзян	8	Шэньчжэнь	0,9337	1	4	B
		Гонконг	0,8873	2	13	C
		Гуанчжоу	0,8346	4	18	
Пекин-Тяньцзинь-Хэбэй	12	Пекин	0,8102	5	17	A
		Тяньцзинь	0,7866	6	23	

Источник: составлено по Global Urban competitiveness report 2019–2020 by UNHABITAT of the CASS.

Для формализации сложившейся ситуации китайские власти предложили создать в этом районе «Зону большого залива» (даваньцуй 大湾区, в дальнейшем — ЗБЗ), развитие которой решило бы сразу несколько проблем¹. Прежде всего это формирование «бесшовного» объединения уже сложившихся экономических систем Гуандуна, Гонконга, Макао, взаимная интеграция перевозок, финансовых систем, производства. Во-вторых, это «растворение» протестного, но экономически привлекательного Гонконга внутри одного большого региона и перетягивание от него финансовой логистики. Крайне важно, что эти районы были исторически едиными или близкими, но в результате событий XIX — начала XX вв. веков оказались «разрезанными» на разные зоны: провинция Гуандун, Гонконг, Макао, а также географически близкие Фуцзянь и Гуанси. В результате возникло несколько точек бифуркации, которые сегодня и волнуют китайские власти. Прежде всего, это экономические различия в формах хозяйствования регионов, во-вторых, складывание по сути различных региональных общностей («гонконгские китайцы», «материковые китайцы»), которые хотя и ощущают свое единство, тем не менее, сознательно подчеркивают свою особую идентичность. Формально экономические различия между Гонконгом и Макао с одной стороны и Гуандуном, с другой стороны, заметно нивелировались за последние десятилетия.

¹ Официальный сайт проекта <https://www.bayarea.gov.hk/sc/home/index.html>

Эту проблему было решено преодолеть через стимулирование создания нового урбанизированного мегакластера. Первоначально китайские власти противились созданию таких мегакластеров, однако быстро поняли, что использование мегаполисов формирует как минимум отличный символ развивающейся и рвущейся «вперед и вверх» страны, а поэтому вместо того, чтоб стремиться равномерно распределять урбанизированные ресурсы (например, создавать мегакластеры на северо-западе), стали поддерживать развитие мегаполисов в тех районах, где они возникали естественным путем. Как следствие урбанизация в Китае значительно изменила конфигурацию единого культурного пространства, независимо от социальных диспропорций [Luo Jian Ming, Chi Fung Lam, 2020].

По сути, власти Китая, исходя из традиционных торговых, социальных, экономических связей стремятся построить в этом районе «новый юг» — огромную макроэкономическую и, в дальнейшем, геостратегическую сферу, в рамках которой будут располагаться не только территории Китая, но и ряд близлежащих стран, прежде всего Малайзия, Сингапур, частично — Индонезия и Малайзия. Таким образом, Китай воспроизводит традиционную модель распространения экономического влияния, абстрагируясь от политических догматов и экспорта идеологии.

Теоретически создание ЗБЗ является частью общей урбанизации Китая и создания городских мегакластеров «мирового уровня». Непосредственно таковых в Китае намечено создать три. Первый — в дельте Чжуцзян, со специализацией на высокотехнологическом производстве. Как раз в этот кластер входят Гонконг, как всемирно известный финансовый центр, Шэньчжэнь с самым большим числом стартапов в Китае и инновационных продуктов, производимых этими стартапами; Гуанчжоу, центр обрабатывающей промышленности и логистики; Макао и Чжухай, центры отдыха и туризма. Вторым естественно складывающийся мегакластером является дельта реки Янцзы с Шанхаем в качестве центра роста, которая специализируется на передовом производстве, технологиях и инновациях. Третий — это регион Пекин–Тяньцзинь–Хэбэй — как политический, образовательный, культурный и научно-исследовательский центр, а также логистический центр (Тяньцзинь) и центр тяжелой промышленности (Хэбэй). Цель состоит в том, чтобы три основных кластера стали глобальными инновационными центрами, а малые города сосредоточились на более чистых и эффективных отраслях промышленности и, таким образом, добились устойчивого и высококачественного роста. Остальные 16 малых и средних кластеров, на которые приходится от двух до девяти процентов ВВП Китая, будут нацелены на стимулирование экономического развития на уровне провинций.

Район юга уже является самым интернационализированным регионом Китая: на провинцию Гуандун приходится 26% китайской торговли и 28% китайского экспорта. В целом же предполагается превратить регион в мировой центр передового производства, а также сосредоточиться на инновациях, финансовых услугах, транспорте и логистике, торговле, туризме и отдыхе. При этом для того, чтобы весь регион стал более конкурентоспособным на международном уровне, города в ЗБЗ должны отказаться от дублирования и производства с низкой добавленной стоимостью. В процессе трансформации этого региону придется преодолеть замкнутость между городами, особенно между провинцией Гуандун, Макао и Гонконгом — парадоксальным образом этот район в настоящее время менее интегрирован, чем, например, Европейский Союз и не имеет единой валюты.

В феврале 2019 г. правительство КНР опубликовало «План развития района Большого залива Гуандун — Гонконг — Макао» [Юэганго даваньцзюй фачжань гуйхуа ганяо, 2019]. При этом в ряде документов он именуется «Планом комплексной интеграции», что вызывает большое недовольство жителей Гонконга. Это плану предшествовало «Рамочное соглашение об углублении сотрудничества между Гуандуном, Гонконгом и Макао в целях содействия развития Зоны Большого залива», подписанное в июле 2017 г. между Народным правительством

провинции Гуандун, правительством САР Гонконг и правительством САР Макао [Шэньхуа юэганано, 2017]. Очевидно, что развитие ЗБЗ является одним из приоритетных проектов для китайского правительства в рамках плана перехода Китая от статуса производителя низкобюджетных товаров к статусу производителя высокотехнологичных товаров.

Как следует из названия инициативы, в состав ЗБЗ входят Гонконг и Макао, два специальных административных района Китая, и девять городов провинции Гуандун, в том числе Гуанчжоу, Шэньчжэнь, Чжухай, Фошань, Хуэйцзылоу, Дунгуань, Чжуншань, Цзянмэнь и Чжаоцин, а потому этот план также называют «9 + 2 города». При этом практически все политические части интеграционного плана касаются Гонконга или Макао, и объединяют эти города через различные виды сотрудничества с Гуандуном. Однако это не отменяет того факта, что более широкое сотрудничество с Гуандуном для Гонконга может быть экономически выгодным. Такая интеграция будет способствовать дальнейшему развитию китайских программ по развитию инфраструктуры и связей, таких как инициатива «Пояс и Путь», а также укреплению цепочек поставок в высокотехнологичном производстве и сфере услуг. После физической интеграции ЗБЗ окажется в более выгодном положении для достижения двух других важных целей инициативы: увеличения возможностей китайской экономики по созданию добавленной стоимости и ускорение интернационализации, что крайне важно для следующего этапа экономического развития Китая, особенно в условиях атаки США на ряд экономических инициатив Китая [Маслов, 2000. С. 211–235]

Общая площадь ЗБЗ составляет 56 тыс. кв. км, а общая численность населения — к 2020 г. достигло ок. 86 млн чел (около 6 % всего населения Китая) — примерно столько же, сколько и Великобритания. ВВП составляет 1,668 трлн. долларов, что близко к ВВП Республики Кореи или около половины ВВП Великобритании. Если бы ЗБЗ была бы отдельным государством, оно заняла бы 12-е место в мире, опередив Австралию (рис. 1).

ЗБЗ является центром развития некоторых наиболее инновационных технологических фирм, включая интернет-гиганта Tencent, производителя беспилотных летательных аппаратов DJI, телекоммуникационных инновационных компаний Huawei и ZTE, а также одного из крупнейших в мире производителей электромобилей BYD. Здесь же располагается центр китайского внутреннего туризма. Очевидно, что процесс интеграции городов в этом районе приведет

Рис. 1. Экономические показатели по южным регионам Китая (в USD)
(по данным Статистического бюро КНР 2019)

к тому, что возникнет единый урбанизированный кластер, один «мегагород» с развитой инфраструктурой и колоссальными возможностями для ведения бизнеса не только внутри Китая, но по всей Юго-Восточной Азии. Если амбициозные инициативы будут реализованы, ЗБЗ сможет соперничать с другими подобными зонами в мире, и превратит регион в глобальный экономический и деловой центр. И это же создает огромную конкуренцию Сингапуру как крупнейшему азиатскому логистическому центру. Это лучше всего иллюстрируется тем фактом, что общая пропускная способность контейнерных портов ЗБЗ в Гонконге и Шэньчжэне превысила среднемировую примерно в 4,5 раза, и это чем в Нью-Йорке, Сан-Франциско и Токио вместе взятых в 2017 году. Помимо этого, в Гонконге уже сейчас действует крупнейший в мире терминал авиаперевозок, пропускная способность которого еще больше увеличится, после 2023 г. после того, как будет завершено строительство третьего терминала.

С одной стороны, именно технология была ключом к быстрому росту региона, который эволюционировал от «мировой фабрики» на первом этапе до центра развития передовых технологий за последние десять лет. Еще в 2006 году IBM перенесла свою глобальную штаб-квартиру по закупкам в Шэньчжэнь, а группа JD.com построила сервисный индустриальный парк в Дунгуане стоимостью 2 млрд юаней (ок. 313 млн долл. США). Однако, с другой стороны, из-за высоких цен производства и повышения себестоимости рабочей силы сотни заводов в Шэньчжэне закрылись или переместились в страны с более низкой стоимостью, прежде всего во Вьетнам и Камбоджу. И, как следствие потребовалась новая модель развития китайского Юга: стало невозможным продолжать опираться только на массовое производство товаров — выход виделся в глубокой интеграции всего юга Китая.

Весь период 2019–2020 г. в развитии ЗБЗ был посвящен облегчению торговли и регулированию финансовых отношений между материком и Гонконгом, а также привлечению высококлассных специалистов в этот район. Так, в 2019 г. была введена особая налоговая политика в отношении индивидуального подоходного налога для жителей ЗБЗ. Распоряжением налоговой администрации КНР власти провинции Гуандун и Шэньчжэня субсидируют «высококласных талантов», работающих в районе ЗБЗ, чтобы покрыть разницу в налогах между материковым Китаем и Гонконгом. Меры также предусматривают привлечение в этот район высокопрофессиональных зарубежных специалистов, в которых нуждается ЗБЗ².

В мае 2020 г. Госсовет КНР принимает ряд решений о максимально широкой поддержке развития ЗБЗ. Основные усилия были сосредоточены на развитии трансграничной торговли и стимулировании инвестиций в этот регион, управлении иностранными инвестициями и упрощению движения капиталов в ЗБЗ, совместное управление банковскими счетами и активами. Все это стандартизировало финансово-банковские процедуры и создавало основу для еще большей интеграции Гонконга, с одной стороны, и материкового Китая, с другой³. В практическом плане это, безусловно, заметно упрощало взаимодействие, но технически китайский юань приобретал большее значение для трансграничных платежей, а гонконгский

² Гуаньюй юэгангао даваньюй гэжэнь содэшуй юхуэй чжэнцэ дэ тунчжи (关于粤港澳大湾区个人所得税优惠政策的通知 Уведомление о льготной политике в отношении индивидуального подоходного налога в районе Большого залива Гуандун-Гонконг-Макао). URL: <http://www.chinatax.gov.cn/n810341/n810755/c4148969/content.html> (режим доступа 12.10.2021)

³ Чжунго жэньминь инхан, чжунго инхан баосьянь цзяньду гуаньли вэйюаньхуй, чжунго чжэнцюань цзяньду гуаньли вэйюаньхуэй (中国人民银行 中国银行保险监督管理委员会 中国证券监督管理委员会 国家外汇管理局关于金融支持粤港澳大湾区建设的意见 Решение Народного банка Китая, Комиссии по регулированию банковской и страховой деятельности Китая, Комиссии по регулированию ценных бумаг Китая, Государственной администрации по валютным операциям о финансовой поддержке развития зоны Большого залива Гуандун, Гонконга и Макао от 14.05.2020). URL: <http://www.pbc.gov.cn/goutongjiaoliu/113456/113469/4023428/index.html> (режим доступа 09/10.2021).

доллар терял свою значимость. В феврале 2021 г. стартовала программа поддержки молодежи в ЗБЗ — «Молодежь для завтрашнего дня», из которой видно, что главная задача заключается в ускорении интеграционных процессов и размыть границы между регионами. Например, в речи Чжан Синя, заместителя руководителя провинции Гуандун, было констатировано, что гонконгские предприниматели включены в сферу субсидированной поддержки с материка, ряд должностей государственной службы и карьерных позиций в Гуандуне открыты для гонконгской молодежи и целевого отбора, а проекты под руководством правительств Гуандуна и Гонконга, такие как «Программа стажировки гонконгской молодежи», «Схема финансирования инноваций и опыта предпринимательской базы» и «Схема финансирования молодежного предпринимательства», реализуются одновременно всеми участниками проекта. Была также официально запущена новая «Программа занятости молодежи в Зоне Большого залива», а к началу 2021 г. в Гуандуне насчитывалось около 600 молодежных предпринимательских команд из Гонконга и Макао, в которых работали более 4 тыс. человек⁴.

К 2021 г. было выделено несколько основных направлений развития ЗБЗ. Во-первых, это новая схема трудоустройства молодежи в ЗБЗ, которая поощряет предприятия, работающие в Гонконге и Гуандуне, нанимать и направлять выпускников на работу в материковые города, предлагая ежемесячное пособие в размере 10 тыс. гонконгских долларов (ок. 1300 дол. США) на каждого выпускника на период до 18 месяцев. Во-вторых, это взаимное признание профессиональных квалификаций, позволяющее юристам Гонконга и Макао практиковать в девяти городах ЗБЗ. Наконец, это содействие взаимному признанию документов в области прав интеллектуальной собственности, которое поддерживает практикующих специалистов в области ИС и арбитражный процесс.

Еще одна группа инициатив касается инфраструктурных проектов. Крупнейшие из них это мост Гонконг–Чжухай–Макао, открытый в 2018 г. Во-вторых, это дорога Express Rail Link, которая также была открыта в 2018 году и соединяет Гонконг, Шэньчжэнь и другими городами Гуандуна, а затем смыкается с обширной высокоскоростной сетью железных дорог Китая. Наконец, третий проект, авто-коридор Шэньчжэнь–Чжуншань, который, как ожидается, будет завершен в 2024–2025 гг. год и сократит время в пути между Шэньчжэнем и Чжуншанем / Цзянмэнем примерно до 30 минут. К этой же группе относится ряд проектов по скоординированному развитию гражданской авиации с целью создания к 2035 году безопасного, экологичного и интеллектуального аэропортового комплекса мирового класса в ЗБЗ. Большое внимание уделяется и развитию беспроводных широкополосных систем в городском кластере и созданию комплексной системы защиты кибербезопасности.

Некоторые из проектов в ЗБЗ уже находятся в процессе реализации. Прежде всего был создан Фонд развития молодежи в размере 300 млн гонконгских долл. (ок. 38,5 млн долл. США) для оказания поддержки молодым бизнес-инкубаторам. Помимо этого, увеличен налоговый вычет для количественной оценки расходов на НИОКР в Гонконге, где первые 2 миллиона гонконгских долларов (ок. 260 тыс долл. США), будут иметь 300%-ый налоговый вычет, а остальные — 200%.

Создание в ЗБЗ зоны свободной торговли в Гуандуне делает регион более открытым для международных инвестиций в целевые отрасли. При этом очевидно, что основной упор делается не на массовое товарное производство, а на высокие технологии. Так, в январе 2017 власти провинции Гуандун и Гонконг договорились о строительстве технологического парка Lok Mau Chau Loop 落马洲河套地区. Расположенный в Гонконге, прямо на границе с Шэньчжэ-

⁴ 「灣區起跑線 青年創明天」起動儀式 致辭全文 Церемония запуска «Стартовой линии района залива для молодежи завтрашнего дня» URL: https://www.bayarea.gov.hk/filemanager/tc/share/pdf/Speech_by_Vice-Governor_of_Guangdong_Province.pdf (режим доступа 15.10.2021)

га и Макао, чтобы начать укреплять связи с материком. Критики плана опасаются, что такой акцент на правовой и экономической системах материкового Китая означает, что свободы и сравнительные преимущества Гонконга и Макао могут постепенно разрушиться в результате большей интеграции.

К 2047 г. преференциальные условия для Гонконга заканчиваются, равно как и приходит к концу модель «одна страна, две системы» в отношении этой территории. По этой причине, некоторые жители Гонконга считают, что это станет смертью Гонконга как самостоятельного города, финансового и сервисного хаба, а ЗБЗ рассматривается как еще один шаг в эрозии местной автономии. Развитие ЗБЗ и регулятивной конвергенции между Гонконгом и Гуандуном означает и то, что важность некоторых отраслей промышленности в Гонконге будет медленно уменьшаться. И как следствие Гонконг будет стремиться сохранить или даже развить новые области (прежде всего различные услуги и сервисы), чтобы сохранить свою финансовую устойчивость.

Гонконгу многие эксперты предрекали экономический коллапс, к которому могли привести как минимум два фактора: затяжные социальные протесты 2019–2020, а также тяжелые последствия коронавируса, в том числе и удар по доходам от туризма. Отметим, что такие предсказания о крахе Гонконга из-за глобальных и региональных вызовов высказывались и раньше, в частности, это связывали с мировым кризисом 2007–2008 гг. [Zhang Yang, 2009], хотя при этом власти весьма успешно отреагировали на кризис 1998 г. [Jao, 2001] Экономика Гонконга в значительной степени зависит от удовлетворения мировых потребностей в торговле и финансировании. В 2016 году сектор услуг в Гонконге обеспечивал 93% ВВП. В тройку лидирующих отраслей входили секторы торговли и логистики (21,5%), финансовые услуги (18,9%), а также профессиональные и производственные услуги (12,2%). В секторе торговли и логистики преобладали к этому моменту различные формы реэкспорта и перепродажи товаров. И то, и другое в значительной степени зависит от разграничения нормативно-правовой базы Гонконга с материковой. По мере того, как эта раздробленность начинает исчезать, Гонконг потеряет часть своего конкурентного преимущества. Более 58% реэкспорта приходится на материковый Китай [2016 Economic Background, 2017]. В течение долгого времени Гонконг является одной из наиболее выгодных зон для реэкспорта из-за низкой ставки корпоративного налога. Китайские производители часто продавали товары своим дочерним компаниям в Гонконге, которые затем реэкспортировали товары в конечный пункт высокой цене.

Преимущество состоит в том, что прибыль регистрируется в Гонконге, и производитель избегает уплаты налога по более высокой ставке, установленной в материковом Китае. Одно из таких направлений, где Гонконг может выиграть от интеграции с Гуандуном — финансовые и профессиональные услуги, получив более широкий доступ к рынку материкового Китая. Гонконг к 2018 г. экспортировал только 7,5% всех своих финансовых услуг в материковый Китай — лишь треть от того, что он экспортирует в Великобританию (рис. 2).

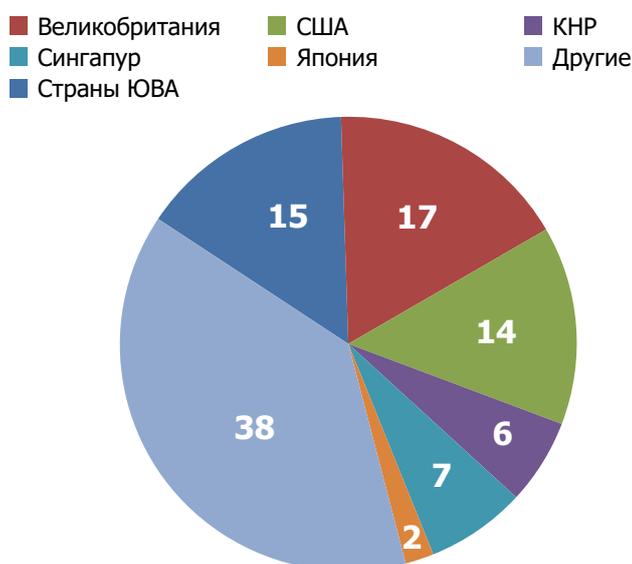

Рис. 2. Экспорт финансовых услуг Гонконга 2018, в %

Действительно, приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Гонконг заметно сократился в 2019 г., а поэтому плавное вхождение Гонконга в ЗБЗ считалось логичным и относительно безболезненным выходом из ситуации [2019 Economic Background, 2020]. Однако в 2020 году приток ПИИ вновь вырос, причем весьма заметно, на 61,7% до 119,2 гонконгских млрд долл. В известной степени это можно считать «постоквидным синдромом в экономике», когда «застоявшийся» бизнес пытается наверстать упущенное. К тому же властям КНР удалось обуздать протесты путем принятия жестких решений, в том числе ввести и закон о безопасности в Гонконге. И все это привело заметному оживлению экономики: общий объем экспорта товаров во втором квартале 2021 г. вырос на 20,2% в реальном выражении в годовом исчислении, и этом было связано с оживлением внешнего спроса и активной производственной деятельностью в регионе. Таким образом, Гонконг стал возвращать себе место крупнейшего в регионе экспортера товаров — экспорт услуг, связанных с грузопотоками и деловыми услугами, продолжал расти вместе с восстановлением мировой экономики. Подрост и экспорт услуг, хотя и скромнее — на 2,6% в реальном выражении. Многие отрасли так и не ожили до конца, так все услуги, связанные с туризмом, оставались в минусе, экспорт финансовых услуг незначительно снизился.

Выросли и расходы на личное потребление на 6,8% в реальном выражении в годовом исчислении на фоне отступления местной эпидемии и улучшения ситуации на рынке труда. Общие инвестиционные расходы выросли на 23,8% в реальном выражении в годовом исчислении [Economic Situation in the Second Quarter of 2021, 2021] В Азии же в 2020 Гонконг обогнал Сингапур, став вторым по величине получателем ПИИ только после материковой части Китая [World 2021 Investment Report, 2021] (рис. 3).

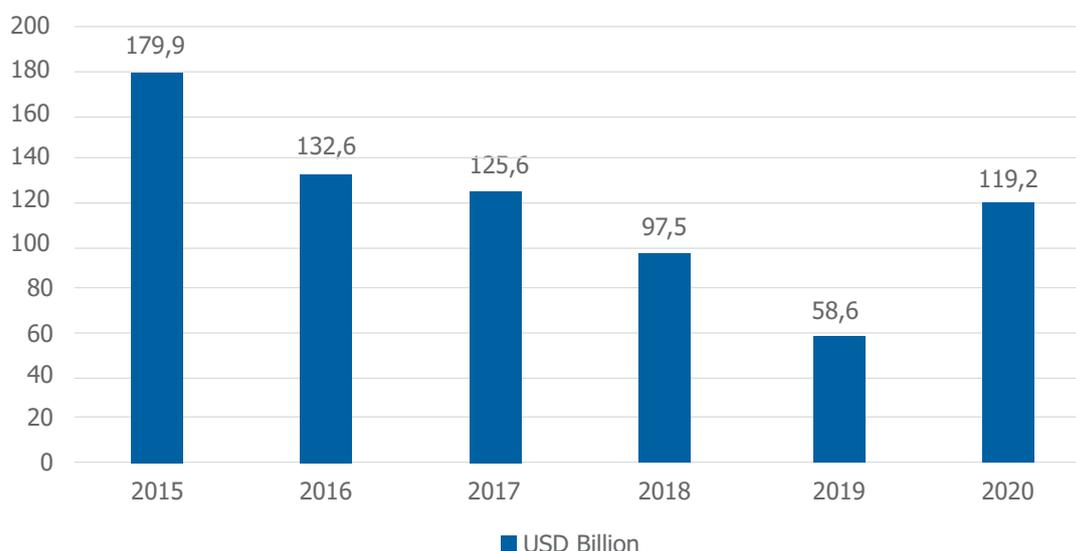

Рис. 3. Приток ПИИ в Гонконг 2020

Таким образом, мы видим несколько тенденций, связанных с новым китайским югом. Власти КНР взяли курс на максимальную интеграцию территорий юга Китая, который охватывают ведущие города-производители провинции Гуандун, а также Гонконга и Макао. В конечном счете это должно создать ведущий инфраструктурный, логистический, финансовый центр в Восточной и Юго-восточной Азии, потеснив Сингапур и отдельно взятый Гонконг. Это же

позволяет решить проблему и более глубокой интеграции Гонконга, «размывания» его самостоятельности и протестных настроений. Сам проект Зоны большого залива осуществляется через развитие исторически сложившейся агломерации в дельте реки Чжуцзян, но при этом сам регион тесно привязывается к остальной части материкового Китая, и это воспроизводит традиционное для китайской политической культуры страны стремление к «единству» как к одному из ключевых факторов национальной идеи. Формально, идея ЗБЗ, будучи проектом экономической интеграции, в конечном счете, тяготеет к устойчивым паттернам китайской культуры, связанным с единством административно-культурного пространства на возможно как можно более широком пространстве Азии.

Список литературы

Маслов А. А. Китай 2020: Пандемия, общество и глобальные альтернативы. М: Рипо-классик, 2020.

Шэньхуа юэганяо хэцзо, туйцзинь даваньцуй цзяньшэ куанцзя сеи (深化粤港澳合作 推进大湾区建设框架协议 Рамочное соглашение об углублении сотрудничества между Гуандуном, Гонконгом и Макао для содействия развитию зоны Большого залива, 2017) URL: https://www.bayarea.gov.hk/filemanager/sc/share/pdf/Framework_Agreement.pdf (Режим доступа 08.10.2021)

Юэганао даваньцуй фачжань гуйхуа ганяо (粤港澳大湾区发展规划纲要 Основные направления программы развития Зоны большого залива Гуандун–Гонконг–Макао). URL: https://www.bayarea.gov.hk/filemanager/sc/share/pdf/Outline_Development_Plan.pdf (Режим доступа 014.10.2021)

2016 Economic Background and 2017 Prospects. Economic analysis and business facilitation unit financial secretary's office government of the Hong Kong special administrative region Government of the Hong Kong Special Administrative Region. February 2017. URL: https://www.hkeconomy.gov.hk/en/pdf/er_16q4.pdf (режим доступа 02.04.2021)

2019 Economic Background and 2020 Prospects. Economic analysis and business facilitation unit financial secretary's office government of the Hong Kong special administrative region Government of the Hong Kong Special Administrative Region. February 2020 URL: https://www.hkeconomy.gov.hk/en/pdf/er_19q4.pdf (режим доступа 02.04.2021)

Economic Situation in the Second Quarter of 2021 and Latest GDP and Price Forecasts for 2021. Press release by Governmet of Hong Kong. URL: https://www.hkeconomy.gov.hk/en/pdf/21q2_pr.pdf (режим доступа 06.10.2021)

Jaо, Y. C. and Yue-Man Yeung. *The Asian Financial Crisis and the Ordeal of Hong Kong*. Greenwood Publishing Group, 2001.

Luo Jian Ming and Chi Fung Lam. *City Integration and Tourism Development in the Greater Bay Area, China*. Routledge, 2020.

Wang Gungwu. *Divided China. Preparing for Reunification 883–947*. World Scientific, 2007.

World 2021 Investment Report 2021 Investing In Sustainable Recovery 2021, United Nations UNCTAD/WIR. 2021 URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2021_en.pdf (режим доступа 08.10.2021)

Zhang Yang. Hong Kong's Economy in the Financial Crisis in: *East Asian Policy*, 2009, 1(2): 40–53.

УДК 327.5 / 327.8

DOI 10.25205/978-5-4437-1268-0-36-40

Alfred Gerstl*Palacký University, Olomouc, Czech Republic***THE SINO-US RIVALRY IN THE INDO-PACIFIC:
THE STRATEGIC RESPONSES OF GREAT AND MIDDLE POWERS**

All Indo-Pacific nations and those who have interests in the region, including outside actors such as the European Union, have to respond to the Sino-US rivalry. It is notably played out in the South China Sea where the South China Sea is a major area of conflict, as is the Taiwan Strait. The majority of the smaller and middle powers reacts to the great power rivalry with a hedging strategy: They deliberately avoid aligning with one of the great powers, while seeking economic and/or security benefits from both. The EU and Russia are welcomed as additional partners, but their influence on shaping the regional order remain limited. For both, the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) is the go through actor to play a stronger role in the Indo-Pacific.

Key words: Indo-Pacific, Sino-US rivalry, ASEAN, EU, Russia, hedging

Альфред Герстл*Университет Палацкого, Оломоуц, Чехия***СОПЕРНИЧЕСТВО КНР И США В ИНДО-ПАЦИФИКЕ:
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОТВЕТЫ ВЕЛИКИХ И СРЕДНИХ ДЕРЖАВ**

Все народы Индо-Тихоокеанского региона (Индо-Пасифики), а также Евросоюз и прочие сторонние участники большой политики, имеющие свои интересы в этом регионе, вынуждены реагировать на американско-китайское соперничество. Это противостояние наиболее ярко проявляет себя в Южно-Китайском море, которое наряду с Тайваньским проливом выступает основной ареной столкновений. Большинство малых и средних держав реагирует на соперничество крупных игроков, прибегая к стратегии уклонения: они старательно избегают принимать чью-либо сторону в надежде обезопасить себя и получить экономическую выгоду от обеих сторон. ЕС и Россия рассматриваются как возможные партнеры, но их влияние на ситуацию в регионе остается ограниченным. Ключевую роль же в Индо-Тихоокеанском регионе призвана сыграть Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский регион, американско-китайское соперничество, АСЕАН, Евросоюз, Россия, стратегия уклонения.

In 1991, the Cold War ended after the collapse of the Soviet Union. Today, exactly 30 years later, there is the risk of the emergence of a new Cold War — this time between the United States and the People's Republic of China. However, similar to the periods of *détente* between Washington and Moscow in which cooperation between the two rivaling blocs were possible, the rivalry between the two superpowers may also unfold in a more peaceful manner. Yet, the smaller and middle powers around the world need to prepare both for the scenario of a cooperative and a conflictive Sino-US relationship.

Since supreme leader Deng Xiaoping launched his opening-up and reform policy in December 1978, China developed in an economic superpower. Moreover, it also became a military force to be reckoned with, in particular in the Indo-Pacific region. Already in the 1990s, China's rise raised fears, as in particular the neighbor states in Northeast and Southeast Asia as well as in Oceania critically questioned the motives for China's increased defence spending. Beijing responded with a charm offensive, not least with supporting the most affected Southeast Asian countries financially to overcome the Asian Financial Crisis of 1997/98.

In the following years, it cooperated closely with the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) in a broad range of policy areas, in particular in economic affairs (Chiang, 2018). In 2020, ASEAN became China's largest trading partner, overtaking the European Union (EU). Most recently, Beijing used the COVID-19 pandemic to conduct a highly visible face mask and vaccine diplomacy. The vast majority of the beneficiaries are members of China's Belt and Road Initiative (BRI) of which the Health Silk Road forms a previously overlooked part. However, while China's vaccine donations were highly welcome in the beginning, there have increasingly been raised doubts about the efficacy of the Chinese vaccines. Beijing's vaccine diplomacy — and its soft power campaigns in general — was therefore much less successful as initially hoped and failed to create as much trust as envisioned (Zaini, 2021). In general, China's image worsened in the last years in many regions (Silver, et al., 2020) — despite the BRI and the remarkable public relations campaign China started to promote it. Noticeable exceptions are Russia and Serbia, where the perception of China improved (Turcsányi et al., 2020).

Launched in 2013, the BRI is an ambitious geo-economic and geostrategic initiative, aiming at better interlinking Asia with the Middle East, Europe, Africa, Latin America and the Arctic. The BRI is a response to President Barack Obama's pivot to Asia, a rebalancing to this increasingly important world region. Many politicians and scholars regard the BRI as a Chinese grand strategy to strive for regional, if not global dominance, while other regard it more as a flexible bundle of policies and actions (Gerstl, Wallenböck, 2021). However, even if we assume the Chinese leadership does not have the intention to rule the world, due to its size the BRI impacts directly and indirectly on the existing order, norms and values in the Indo-Pacific region.

Japan under former Prime Minister Shinzo Abe was the first country to react to the strategic challenge of the BRI by outlining its Free and Open Indo Pacific Strategy in 2017 (Ministry of Foreign Affairs of Japan, 2017). "Indo-Pacific" is a very recent concept; until 2010, "Asia-Pacific" was the preferred term. Enlarging the Asia-Pacific, notably with the inclusion of India, another rising giant, does not dwarf China, but let appear the PRC at least a bit smaller and less powerful. Australia, the United States and ASEAN followed suit with their Indo-Pacific strategies. Their strategies have in common that they emphasize the need for upholding the multilateral rules-based order in the Indo-Pacific. They also endorse ASEAN's regional centrality, as they only transregional structures were created by the Southeast Asian organization. In other words: They are wary of the growing influence of the PRC and their capacity to change the existing, Western-dominated order and create new rules and norms.

In principle, a stronger engagement of regional and outside great and middle powers in addition to China and the US is highly welcome by the smaller Indo-Pacific nations. Their intention is to engage them stronger in the region and use them to counter-balance China. However, the majority also

aims to avoid aligning with the US in order to keep their strategic autonomy. The list of actors who are welcome partners includes the European Union. In September 2021, the EU released its long-awaited Indo-Pacific strategy (European Commission and High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy, 2021). However, the strategy lacks both ambition and vision (Gerstl, 2021a). Yet, it can be argued that this is a highly realistic approach, as it reflects the EU's lack of military power. Therefore, despite its significant economic leverage — the EU is a key investor, trade partner and provider of development assistance for the majority of the Indo-Pacific nations — Brussel's impact on shaping the regional order is limited. To promote its interests, it has to cooperate with the regional actors, notably ASEAN. Accordingly, the new EU strategy supports ASEAN's regional centrality and the need to maintain the existing multilateral and rules-based order (Gerstl, 2021a).

All in all, however, the EU's Indo-Pacific strategy is a missed opportunity to deepen its cooperation with like-minded nations in the region. It also falls short of the expectations which were raised after the launch of the guidelines for a China strategy in March 2019. They portray China as partner, (economic) competitor and — for the first time ever — as systemic rival (European Commission and High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy, 2019).

More cohesive than the EU Indo-Pacific strategy are the respective strategies of the key EU member states Germany, France and the Netherlands, released in 2019 and 2020. Therein they argue in favor for a more prominent role of the EU and the major European powers in the region, even in security matters, notably in the South China Sea. Because freedom of navigation and trade is a vital objective for Europe. Right now, the Europeans have soft power, but lack coercive power. Similar to the US and Japan, the Europeans launched an alternative infrastructure and connectivity initiative, albeit it cannot match the geographic scope, ambitions and the funding of the BRI.

Unlike the former Soviet Union, Russia has a comparatively low profile in the Indo-Pacific, despite President Vladimir Putin's strategic objective to improve the relations as part of his "turn to the east" policy, announced in 2010. Moscow is, however, an important provider of weapons, notably for India, China, Vietnam and Malaysia (Storey, 2021). Also welcome is Moscow's experience in energy resource development, while conversely Russia seeks to attract investments for the development of its Far East. Moscow's closest political partner is traditionally Vietnam which has tense relations with China which in turn complicates the Russian-Vietnamese relations (cf. Denisov et al., 2021).

All Indo-Pacific strategies have in common that they emphasize the need to uphold the multilateral order, based on international law, dialogue and cooperation. Key for this order is the maintenance of ASEAN's regional centrality in the Indo-Pacific which is verbally also endorsed by China and Russia. The regional organization established since the end of the Cold War trans-regional forums to promote dialogue and cooperation in politics, economics and security, for instance, the ASEAN Regional Forum (ARF) and the East Asia Summit (EAS). However, whether ASEAN can maintain its strategic usefulness as go through actor for the great powers, remain to be seen (Tan, 2020. P. 147). It depends both on the hegemonic intentions of China and the US and ASEAN's ability to sponsor compromises among the great powers.

Washington remains under President Joe Biden critical of China. The most noteworthy change to the policies of Trump administration is that Biden returned to the traditional alliance policy, exemplified in the new AUKUS alliance (Australia, United Kingdom and the US). It can be expected that he will further intensify the security cooperation with Japan, Australia and India — all are members of the Quadrilateral Security Dialogue (Quad) and skeptical of China, as they feel threatened by China's rise. Japan is a traditional rival which has built strong partnerships with the Southeast Asian countries and Taiwan; India is concerned about China's string of pearls, i.e., a series of deep-water ports surrounding its territory; and Australia has been sanctioned by the PRC, its biggest trade partner, after uttering criticism on Beijing's handling of the COVID-19 outbreak in Wuhan in early 2020 (The Guardian, 2021).

Naturally, the smaller Southeast Asian countries, notably Malaysia, the Philippines and Vietnam have less influence than great powers on shaping the regional order. Therefore, they will most likely further follow their hedging strategy towards China (Gerstl, 2021b, 2020). Hedging is a mixed policy approach, as it consists of cooperative (bandwagoning) and confrontative (balancing) measures that can be simultaneously applied towards the hedging target (Kuik, 2016). Firstly, hedging allows the Southeast Asian countries to keep their strategic flexibility and autonomy, i.e., to refuse to bandwagon either with the US or China. This is absolutely crucial in a region that is keen on defending national sovereignty and is also wary of interferences into domestic affairs. Secondly, it enables the governments to reap economic benefits from the PRC, while they insure themselves via close security relations with the US against negative effects of China's strategies and behavior. While they can economically gain from the BRI — however, there are risks associated with China's debt-trap policy, the territorial dispute in the South China Sea poses strong security risks to their sovereignty and national security.

The South China Sea is together with Taiwan and the Korean Peninsula one of the hotspots in the Indo-Pacific that can lead to a military conflict, if not a large-scale war between China and the US. China claims about 90 percent of the South China Sea (illustrated in its nine-dash line), builds and militarize artificial islands and rapidly modernizes its navy (Mizokami, 2021). Disputing the legality of the Chinese claims, the US challenges the PRC by regularly conducting so-called Freedom of Navigation Operations (FONOPs), supported by its Western allies, as clearly highlighted in the respective Indo-Pacific strategies. The objective is to uphold freedom of navigation and trade in the South China Sea — which is essential for Asia and the Western world. However, as the Trump era and most recently the US withdrawal from Afghanistan demonstrate, Washington's partners in the Indo-Pacific must remain concerned about America's long-term presence in the region and its commitment to respect mutual defence treaties. Therefore, they must not only hedge against China's rise but also against the at least questionable US security commitments.

While there is a risk that the Sino-US rivalry culminates in a military confrontation with potentially dreadful consequences, there is also ample room for a peaceful settlement of the bilateral disputes. Thereby the regional organization ASEAN should further on play the central role in bringing together all major powers, including other regional organizations, in the Indo-Pacific to promote dialogue, cooperation and trust-building. Preventive diplomacy and mechanisms to enforce binding decisions of the multilateral institutions would be necessary further steps to ensure peace. For this, however, the existing multilateral ASEAN-led forums and the underlying principles of non-interference in domestic affairs and consensual decision-making must be reformed; also the possibility of imposing sanctions against norm-breakers must at least be openly discussed. To maintain stability in the Indo-Pacific will be crucial not only for the region itself but the whole world, as the Indo-Pacific will remain the global economic powerhouse and a driving force for the globalization process — but also a volatile region full of unresolved disputes and great power conflicts.

Bibliography

Chian M.-H. China-ASEAN economic relations after establishment of free trade area. *The Pacific Review*, 2019, vol. 32, iss. 3, p. 267–290.

Denisov, I., Paramonov O., Arapova E., and Safranchuk I. Russia, China, and the concept of Indo-Pacific. *Journal of Eurasian Studies*, 2021, vol. 12, iss. 1, p. 72–85.

European Commission and High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. *EU Strategy for Cooperation in the Indo-Pacific*. JOIN(2021) 24 final. Brussels, 16 September 2021, https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/jointcommunication_indo_pacific_en.pdf.

Gerstl A. Malaysia's Hedging Strategy towards China under Mahathir Mohamad (2018–2020): Direct Engagement, Limited Balancing and Limited Bandwagoning. *Journal of Current Chinese Affairs*, 2020, vol. 49, iss. 1, p. 106–131.

Gerstl A. Im Indo-Pazifik spielt Europa eine Nischenrolle. *Neue Zürcher Zeitung*, 4 October 2021a, p. 19. Available at: <https://www.nzz.ch/meinung/warum-europa-keine-strategisch-bedeutende-rolle-im-indopazifik-spielen-kann-ld.1646783>.

Gerstl A. The Gradual Softening of the Philippines' Hedging Strategy Towards China under President Duterte. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021b, vol. 20, iss. 1: History, p. 46–56.

Gerstl A. and Wallenböck U. Making analytic sense of the Belt and Road Initiative: a plea for multi- and trans-disciplinary approaches and eclecticism. In Gerstl A. and Wallenböck U., eds., *China's Belt and Road Initiative: Strategic and Economic Impacts on Central Asia, Southeast Asia, and Central Eastern Europe*. Abingdon and New York, Routledge, 2021, p. 1–20.

Kuik C.-C. How Do Weaker States Hedge? Unpacking ASEAN states' alignment behavior towards China. *Journal of Contemporary China*, 2016, vol. 25, iss. 100, p. 500–514.

Ministry of Foreign Affairs of Japan. *Diplomatic Bluebook 2017*. Tokyo, 2017. Available at: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2017/html/chapter1/c0102.html#sf03>.

Mizokami K. The Chinese Navy is On Serious Steroids. *National Interest*, 9 June 2021. Available at: <https://nationalinterest.org/blog/reboot/chinese-navy-serious-steroids-187329>.

Silver L., Devlin K., and Huang C. Unfavorable Views of China Reach Historic Highs in Many Countries. *Pew Research Center*, 6 October 2020, <https://www.pewresearch.org/global/2020/10/06/unfavorable-views-of-china-reach-historic-highs-in-many-countries/>.

Storey I. Russia's Defence Diplomacy in Southeast Asia. A Tenuous Lead in Arms Sales but Lagging in Other Areas. ISEAS — Yusof Ishak Institute, Perspective no. 33, 18 March 2021. Available at: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2021/03/ISEAS_Perspective_2021_33.pdf.

Tan See Seng. Consigned to hedge: south-east Asia and America's 'free and open Indo-Pacific' strategy. *International Affairs*, 2020, 96(1), p. 131–148.

The Guardian. Australia takes China to WTO over its trade sanctions on Australian wines. 19 June 2020. Available at: <https://www.theguardian.com/australia-news/2021/jun/19/australia-takes-china-to-wto-over-its-trade-sanctions-on-australian-wines>.

Turcsányi R. Q., Šimalčík M., Kironská K., Sedláková, R. et al. *European public opinion on China in the age of COVID-19. Differences and common ground across the continent*. CEIAS: Bratislava, Olomouc, and Vienna, 2020. Available at: https://ceias.eu/wp-content/uploads/2020/11/COMP-poll-report_3.pdf.

Zaini K. China's Vaccine diplomacy in Southeast Asia — A Mixed Record. ISEAS — Yusof Ishak Institute, Perspective no. 86, 24 June 2021. Available at: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2021/06/ISEAS_Perspective_2021_86.pdf.

УДК 338.246.2

DOI 10.25205/978-5-4437-1268-0-41-45

И. Е. Пожилов

Институт Дальнего Востока РАН, Москва, Россия

ФУ БОЦУЙ: 20 ЛЕТ НЕ С КПК, НЕ С ГОМИНЬДАНОМ

Статья посвящена уникальной фигуре в китайском политикуме новейшего времени — коммунисту и члену националистической партии Фу Боцую, вошедшему в историю страны бескомпромиссным апологетом и создателем альтернативного деревенского сообщества, вобравшего в свои основы лучшие и наиболее справедливые принципы устройства сельской общины, отличные от деревни советизированного типа и уходящего в прошлое архаичного, день ото дня ветшающего поселения на территориях господства Нанкинского правительства. В материале на основе оригинальных источников кратко анализируется жизненная стезя и деятельность зачинателя «новой деревни» в Китае, ее базовые ценности и необычные обстоятельства возникновения, независимого существования и развития в условиях непримиримого противостояния Компартии и Гоминьдана.

Ключевые слова: Фу Боцуй; «новая деревня»; КПК; Гоминьдан.

I. E. Pozhilov

Institute of Far Eastern Studies of Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

FU BOCUI: 20 YEARS NOT WITH THE CPC, NOT WITH GUOMINDANG

The paper is devoted to a unique figure in the Chinese politicum of modern times — a communist and member of the nationalist party Fu Bocui, who went down in the history of the country as an uncompromising apologist and creator of an alternative village community, which incorporated the best and fairest principles of organizing a rural colony, different from the village of the sovietized type and leaving into the past of an archaic, day by day decaying settlement in the territories of the rule of the Nanjing government. Based on original sources, the paper briefly analyzes the life path and activities of the founder of the “new village” in China, its basic values and unusual circumstances of the emergence, independent existence and development in the conditions of irreconcilable confrontation between the Communist Party and the Guomindang.

Keywords: Fu Bocui; “new village”; the CPC; Guomindang

«Господин из Фуцзяни», как называл Фу Боцуй (1895–1993) Мао Цзэдун, принадлежал к богатому и влиятельнейшему тамошнему клану, имел блестящее образование (окончил университет Васэда в Токио по специальности «юриспруденция»; тесно общался с Сунь Ятсеном

и состоял в его революционной организации; сотрудничал с крупным мыслителем-социалистом Японии начала XX в. Мусьякодзи Санэацу; изучал учение марксизма и анархизм; был не чужд толстовству и другим социально-политическим теориям), пользовался искренним почитанием не только среди земляков, но и в массах за пределами родного края, будучи партийным руководителем всего-навсего уездного звена. Мятущийся, сомневающийся и порой противоречивый в идейных пристрастиях, «человек-легенда революции», как нарекли его потомки, тем не менее всегда оставался последовательным сторонником народопророчества и демократии, гуманизма и справедливости, свободы личности и общества [Яо Диншэн, 1995. С. 5–6].

Пропагандируя среди крестьянства свои идеалы и в подтверждение высоких слов раздав крестьянам собственные земли, Фу Боцуй выступил непримиримым оппонентом «большевистского коммунизма», насаждаемого сталинской кликой в КПК, в свою очередь обвинявшей «крестьянского вождя» с его упованиями на «справедливый, бесклассовый, гуманный и экономически взаимовыгодный деревенский уклад», к которому он призывал коллег-партийцев, в «беспринципной демагогии». Более того, «выскочку-гуманиста» не раз подвергали суровой критике и грозили самыми суровыми мерами воздействия [Сунь Сяньян, 2009. С. 44–45].

С 1929 г. из-за острых разногласий с партийным руководством Фу Боцуй прекращает всякие контакты с КПК и вскоре официально исключается из партии¹. Но движение «бунтаря» и его последователей по «пути не с КПК и не с Гоминьданом», несмотря на непрестанные выпады коммунистов против «предателя революции», продолжалось ровно 20 последующих лет, вплоть до провозглашения КНР в 1949 г.

Нельзя сказать чтобы о Фу Боцуне много писали и пишут в современной китайской исторической литературе (в отечественной историографии работ, посвященных его личности и деяниям, нет вообще). Однако те немногочисленные публикации в Китае, основанные на имеющихся гриф «Для служебного пользования» документах, отличаются в целом и частностях сравнительно объективным и довольно широким подходом к исследуемой теме, характеризуются выверенностью и скрупулезностью в деталях, отличаются неортодоксальностью выводов и суждений, прежде немислимых в такого рода изданиях. К ним в первую очередь отнесем монографию Чэнь Сайвэня [Чэнь Сайвэнь, 1995] и ряд статей авторитетных авторов из ведущих журналов континентального Китая [Сунь Сяньян, 2009; Яо Диншэн, 1995; Хуан Даосюань, 2013; Юй Линьлин, 2009; и др.]. Невзирая на общий рационально-позитивный фон, в посвященной Фу Боцую литературе, к сожалению, встречаются опусы, словно перекочевавшие в современность из времен оголтелой борьбы с «ревизионизмом» и «буржуазными пережитками», мажущими черной краской любое проявление инакомыслия [Цзян Боин, 2018]. И вместе с тем, китайским авторам, по определению приверженным марксистской догматике и методологии, явно недостает требуемой непредвзятости и взвешенности заключений, что обуславливает необходимость дальнейшего, очищенного от идеологических наслоений исследования предмета в русле последовательного историзма.

Фу Боцуй, что достойно большого сожаления, не оставил мемуаров, и это добавляет немало трудностей в анализ его удивительной биографии и исполненной созидания деятельности. И все же в распоряжении исследователей имеется, на наш взгляд, достаточно информативных материалов, дабы воссоздать его правдивый портрет и комплекс идейных убеждений.

Прежде всего обращают на себя внимание научные штудии Фу Боцуй как в Японии, так и Пекинском университете (где ему также довелось учиться и активно участвовать в «движении 4 мая»), которые отличал целенаправленный поиск концепций, способных помочь вопло-

¹ В это время с целью заставить инертное до всего крестьянство участвовать в «аграрной революции» коммунисты проводили в деревне иррационально жестокую политику под подобающим лозунгом «Жги и убивай!».

титель в жизнь его мечту построить в деревне «царство свободы». Мощным толчком к этому послужила его поездка в префектуру Яманаси, где под эгидой Мусякодзи Санэацу была создана т.н. новая деревня, принципами существования которой являлись: «единение» (отрицание классовой дифференциации и классовой борьбы), «равенство», «независимость» (от государства и внешнего мира), «свобода», «гармоничное единство духовного и материального начал», норма «от каждого по способностям, каждому по труду». «Новая деревня» в Яманаси стала для Фу Боцую воплощенным в жизнь его идеалом. Воодушевленный обретенной «ценностью высшей пробы», молодой подвижник возвращается в Китай с единственной целью — чего бы то ни стоило, реализовать на родине японский проект с учетом самобытности Поднебесной [Чэнь Сайвэнь, 1995. С. 41–42].

Его колоссальные усилия воодушевить идеей «новой деревни» товарищей по партии и руководство провинциальной парторганизации, но, главное, командование 4-го корпуса Красной Армии во главе с Мао Цзэдун и Чжу Дэ (корпус временно дислоцировался в Западной Фуцзяни и его Фронтовой комитет представлял собой высшую инстанцию КПК по месту пребывания), как уже говорилось, натолкнулись на глухую стену непонимания. Мао с симпатией относился к фуцзяньцу и ставил его много выше других; кроме того, сам в свое время «переболел» планами построения «новой деревни»². Но дальше дискуссий их беседы так и не пошли. В конечном итоге корпусной комиссар по-дружески рекомендовал Фу Боцую присоединиться к войскам и уйти в Цзянси, дабы не раздражать амбициозных лидеров из местных уроженцев.

Мао Цзэдун оказался прав: вскоре после ухода корпуса фуцзяньская партийная верхушка организовала вооруженную вылазку в Гуцзяо, родные места Фу Боцую, где располагались его клановые земли и деревни семьи. Находившийся в труднодоступной горной котловине, район Гуцзяо сам по себе являлся почти неприступной крепостью, и на защиту своих домов встали как один все члены клана. Потерпев неудачу и познав непоколебимую прочность кровнородственных связей *цзунцзу* 宗族³, коммунисты впредь даже не пытались предпринимать подобных карательных походов⁴. Со своей стороны, и чванливым гоминьдановским властям было не с руки что-то менять в сложившейся ситуации; напротив, их вполне устраивала «самостоятельность» Гуцзяо, персонифицированная «отступником-коммунистом» и членом Гоминьдана (с 1926 г.), способным поддерживать общественный порядок в районе и не покушаться на их полномочия и прерогативы («налоги, правда, не платит...») [Хуан Даосюань, 2013. С. 81].

Весьма примечательно, что Фу Боцуй, — а этот факт обнаружишь не в каждой публикации, — не питал вражды ни к коммунистам, изгнавшим его из партии и прямо покушавшимся на его жизнь, ни к верным сторонникам основателя Гоминьдана. На стене его рабочей комнаты в Гуцзяо мирно соседствовали и портрет Сунь Ятсена, и красное знамя с серпом и молотом. Объяснял такую «несуразицу» он просто и ясно: «Я за КПК без классовой розни и насилия»; «Я за перевозданный Гоминьдан Отца нации» [Чэнь Сайвэнь, 1995. С. 92–93].

После разрыва с КПК и при попустительстве гоминьдановской администрации Фу Боцуй пришел к выводу, что «новую деревню» следует создавать не на голом месте, как в Японии с помощью приезжих волонтеров, но в родном гнезде, окруженном неприступными горами и непро-

² Идея «новой деревни» имела немало сторонников среди прогрессивной китайской интеллигенции. Достаточно сказать, что ею, будучи еще среди «левых» гоминьдановцев, увлекался Чан Кайши и пропагандировал преимущества «новой сельской жизни».

³ 宗族 — деревенская община в Китае, основанная на кровном родстве, по сути не знала серьезных и, тем более, антагонистических противоречий (сводились на нет неразрывными семейными узами, равнодоступными общественными землями, взаимовыручкой, заповедями моральной экономики и пр.).

⁴ Узнав о походе, Мао Цзэдун строго-настрого наказал своим подчиненным: «Пусть все идет своим чередом, только надо жить в мире и согласии» [Юй Линьлин, 2009. С. 25].

ходимыми водными преградами, которые всегда защитят от посторонних глаз и непрошенных гостей. Правда, в таком случае получалась бы не «деревенька», но целая конгломерация поселений, поскольку в его вотчину входили 41 деревня и пахотные земли площадью 450 кв. км. [Юй Линьлин, 2009. С.22]. Фу Боцуй не пугали трудности, и он с энтузиазмом принялся за дело.

На общем собрании представителей деревень глава клана выступил с программой действий и тезисно начертил, что он предлагает землякам. В частности, Фу Боцуй выступил за «справедливый передел земли между крестьянами, за «свободу и спокойствие каждого», «поставил вне закона классовую борьбу и попытки ее разжигания»; заявил о «приоритете интересов и чаяний простого крестьянина», объявил введение на всей территории «новой деревни» принципа «непартийности» (запрет на деятельность политических партий любого толка) и равенство всех граждан; предложил ввести всеобщее избирательное право для мужчин и женщин, достигших 18 лет; высшим органом власти объявил Совет самоуправления как «средоточие демократии и публичную трибуну свободного волеизъявления масс». Наконец, Фу Боцуй поставил перед собранием самый жгучий вопрос о форме землевладения, констатируя, что «наилучшим вариантом его решения может быть только коллективная собственность на землю». Кроме мелких помещиков за программу «молодого вождя», как уважительно стали называть Фу земляки, высказались все присутствовавшие [Хуан Даосюань, 2013. С. 83; Чэнь Сайвэнь, 1995. С. 101–102].

Практическими преобразованиями в деревнях ведал Комитет строительства во главе с самим Фу Боцуем, важнейшие решения которого предварительно обсуждались на общедеревенских сходах, а затем передавались на утверждение в Совет самоуправления [Юй Линьлин, 2009. С. 24].

Для финансирования реформ Комитет восстановил давно не работавшие мануфактуры, производившие предметы первой необходимости и орудия труда, была запущена бумажная фабрика, построена дорога для вывоза на продажу товаров и зерна в соседние уезды и рыночные города; организовано Кредитное товарищество для субсидирования всех нуждающихся; построены лечебницы, дом для престарелых; отремонтированы школы, в которых приступили к учебе и дети, и неграмотные взрослые; стала выходить в свет еженедельная новостная газета; проведены линии телефонной связи; и др. [Сунь Сяньян, 2009. С. 40–41].

Благодаря свободному труду масс и энергии Фу Боцуй деревни в Гуцзяо быстро обрели новый облик, появилось больше зажиточных хозяев и, напротив, сократилось число бедняков, еще больше стимулировали эффективный труд и рост доходов крестьянства «новой деревни» отныне светлые перспективы и ожидания благостного грядущего. О достижениях в обновленном районе стали писать в местной и даже центральной печати, на площадку небывалого эксперимента зачастили делегации, которые воочию убеждались в том, что «в "новой деревне" жизнь труженика на много лучше, сытнее и отраднее, чем в советских опорных базах или на территориях под управлением правительственных чинов» [Яо Диншэн, 1995. С. 212–213].

Вторжение японских агрессоров нарушило размеренное бытие жителей Гуцзяо и расстроило планы преобразований. С другой стороны, в политику «новой деревни» Фу Боцуй внес существенные коррективы. Чтобы противостоять общему врагу требовались совместные усилия и координированные действия. С этой целью с коммунистами было достигнуто «Соглашение о взаимодействии и разграничении боевых районов», а от гоминьдановских властей «молодому вождю» пришлось принять официальное назначение на должность командующего уездными отрядами самообороны. «Триединство сил» сыграло большую роль в партизанской войне с врагом, способствовало сплочению населения уезда, содействовало упорству сопротивления захватчикам [Чэнь Сайвэнь, 1995. С. 148–150].

В развернувшейся следом за победой над японским милитаризмом гражданской войне между КПК и Гоминьданом Фу Боцуй, напротив, придерживался «строжайшего невмешательства» в их вооруженную борьбу и не позволял себе ни единого шага, способного бросить тень на его нейтралитет. Однако к исходу схватки за власть Фу Боцую все-таки пришлось сделать

судьбоносный выбор и в мае 1949 г. повернуть оружие против «полностью скомпрометировавших себя националистов». Восставший Гуцзяо с радостью приветствовал приход в Фуцзянь передовых частей Народно-освободительной армии и принял участие в боестолкновениях с остатками войск Гоминьдана [Чэнь Сайвэнь, 1995. С. 178–179].

В Новом Китае по протекции Мао Цзэдуна его давний оппонент был назначен председателем провинциального народного суда, энергично занимался общественной деятельностью, неоднократно избирался депутатом Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК); не без участия Председателя пережил страшные годы «культурной революции». А в 1986 г., на 91-м году жизни, убедившись, что страна твердо идет по пути реформ и открытости, вновь стал членом Коммунистической партии, тем самым поставив точку в своей поразительной политической карьере.

* * *

Китайские авторы в своих публикациях нетривиальные перипетии в судьбе Фу Боцуй и, в частности, его детище «новую деревню» нередко называют «третьим путем», имея в виду коренные отличия его политики и практики от «коммунистической революции», исповедуемой большинством в КПК, равно как и «разительные контрасты с партийно-государственным курсом правящего Гоминьдана». Некоторая доля исторической истины в этом, несомненно, присутствует и имеет право на существование. Однако в чистоте использование термина «третий путь», по нашему мнению, не совсем или совсем не корректно. Фу Боцуй всегда оставался верен марксизму без его крайностей — классовой борьбы и насилия, никогда не изменял учению Сунь Ятсена с его базовым постулатом «каждому пахарю свое поле», но без пустого мечтательства и фантазерства. Его кредо неизменно заключалось в том, чтобы, заимствуя и применяя только рациональные зерна этих, а также иных идеологий, заниматься строительством общества гуманизма, свободы и справедливости. И, конечно же, «не с КПК и не с Гоминьданом».

Список литературы

Сунь Сянъян. Гэмин цижэнь Фу Боцуй дэ фэньюй жэньшэн [孙向阳。革命奇人傅柏翠的风雨人生]. Жизнь и судьба человека-легенды революции Фу Боцуй // Данши цзунлань [党史纵览]. 2009. № 2. С. 42–46. (на кит. яз.)

Хуан Даосюань. Цижэнь Фу Боцуй [黄道炫。奇人傅柏翠]. Легендарный человек Фу Боцуй // Луньянь данши цзыляо юй яньцзю [龙岩党史资料与研究]. 2013. № 32. С. 77–85. (на кит. яз.)

Цзян Боин. Цун гэмин дао фаньпань: 1927–1931 нянь Фу Боцуй дэ жэньшэн гуйцзи [蒋伯英。从革命到反叛: 1927–1931年傅柏翠的人生轨迹]. От революции к предательству: извилистый жизненный путь Фу Боцуй в 1927–1931 гг. // Суцьюй яньцзю [苏区研究]. 2018. № 5. С. 13–22. (на кит. яз.)

Чэнь Сайвэнь. Чуаньци жэнью — Фу Боцуй [陈赛文。传奇人物 — 傅柏翠]. Легендарная личность — Фу Боцуй. Пекин: Чжунго жэньши чубаньшэ, 1995. 256 с. (на кит. яз.)

Юй Линьлин. Гэмин цижэнь Фу Боцуй дэ фэньюй жэньшэн [俞琳玲。革命奇人傅柏翠的风雨人生]. Жизнь и судьба легенды революции Фу Боцуй // Данши цзунлань [党史纵览]. 2009. № 2. С. 19–26. (на кит. яз.)

Яо Диншэн. Цюйчжэ цянью баньшэн — Фу Боцуй чжуань [姚鼎生。曲折前半生 — 傅柏翠传]. Биография Фу Боцуй: извилистая первая половина жизни. Пекин: Чжунгун данши чубаньшэ, 1995. 285 с. (на кит. яз.)

УДК 339.92

DOI 10.25205/978-5-4437-1268-0-46-51

В. Г. Шишкин

*Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск, Россия*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ROYAL DUTCH SHELL В КИТАЕ В 1940–1960–х гг.

В статье идет речь об актуальной тематике, которая связана с эволюцией взаимоотношений между Китаем и одной из крупнейших топливных фирм мира Royal Dutch Shell в переломный для Восточной Азии период. На основе комплекса источников и научных работ зарубежных исследователей автор приходит к выводу, что англо-голландская компания была заинтересована в работе на китайском рынке даже после смены здесь политического режима и использовала для этого комплекс адаптивных механизмов. Исчерпание возможностей сохранить присутствие в КНР привело к тому, что Royal Dutch Shell переориентировалась на другие территории, закрепившись в качестве одного из ведущих игроков на энергетическом рынке Гонконга, и таким образом сохранила присутствие в регионе.

Ключевые слова: КНР; Royal Dutch Shell; топливно-энергетический комплекс; Гонконг; Восточная Азия; международные отношения; Великобритания; национализация.

V. G. Shishikin

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation

ROYAL DUTCH SHELL ACTIVITIES IN CHINA IN THE 1940s – 1960s

The article deals with topic related to the evolution of relations between China and one of the largest fuel companies in the world, Royal Dutch Shell, during a critical period for East Asia. Based on a set of sources and scientific works of foreign researchers, the author comes to the conclusion that even after the change of the political regime in China, the Anglo-Dutch company was interested in working in the Chinese market and used a set of adaptive mechanisms to accomplish this. The exhaustion of possibilities to maintain a presence in the PRC led to the refocus of Royal Dutch Shell on other territories, establishing itself as one of the leading market players in the Hong Kong energy sector, and thus maintain its presence in the region.

Key words: PRC; Royal Dutch Shell; fuel and energy complex; Hong Kong; East Asia; international relationships; United Kingdom; nationalization.

С начала XXI в. китайский рынок является привлекательным для многих зарубежных компаний. Его активное освоение европейскими фирмами началось еще в XIX в. и продолжи-

лось после падения Империи Цин и формирования республики. Одной из экономических организаций, активно действующей в регионе стала англо-голландская Royal Dutch/Shell, которая и в настоящее время работает с китайскими партнерами, демонстрируя устойчивый интерес к развитию сотрудничества в топливно-энергетической сфере и связанных с ней отраслей.

По исследуемой проблематике существует небольшое количество работ зарубежных авторов, что связано со спецификой самой темы, а также ограниченной доступностью документальной базы. Отечественные исследования по указанной тематике отсутствуют, однако можно отметить наличие переводной работы Д. Ергина, где рассматривается начальный этап деятельности Royal Dutch/Shell на китайском рынке в контексте развития мировой нефтяной отрасли в целом [Ергин, 2018]. Более подробный анализ мероприятий компании дан в исследовании Ф.-П. Ван дер Путтена, который отмечает важную роль Royal Dutch/Shell среди голландских фирм, работающих в Китае до Второй мировой войны [van der Putten, 2001]. Д. Клэйтон делает акцент на рассмотрении англо-китайских экономических связей послевоенного периода, отмечая заинтересованность бизнесменов Великобритании в продолжении сотрудничества, которое, однако, не было поддержано властями двух стран [Clayton, 2000]. По мнению Д. Хоулетта, британцам приходилось вести очень осторожную политику в КНР, опасаясь негативных последствий для национального бизнеса, представленного на китайском рынке, и для Гонконга, который оставался беззащитным перед лицом коммунистического режима [Howlett, 2015]. Власти КНР, по мысли А. Шайя, делали акцент на сотрудничество с СССР, поэтому постепенно выдавливали западные фирмы, среди которых была и Royal Dutch/Shell [Shai, 2003]. Иными словами иностранные авторы проработали разные аспекты деятельности Royal Dutch/Shell, но не дали комплексную оценку ее работы в указанный период.

С первых лет работы на рынках Восточной Азии и вплоть до начала Второй мировой войны Royal Dutch/Shell пришлось конкурировать с другими компаниями и постепенно расширять сферу влияния за счет освоения не только прибрежных районов, но и внутренних регионов Китая [Ергин, 2018. С. 75–81, 85–86, 137–142]. Ключевым товаром англо-голландской группы был керосин, который изготавливался из нефти, добытой на Суматре и Борнео. Европейским предпринимателям удавалось вполне успешно вести торговую деятельность в Китае, несмотря на политические перипетии и кризисные явления до тех пор, пока Япония не стала проводить полномасштабную экспансию. Начавшиеся боевые действия привели к замиранию торгово-экономической активности в Китае [van der Putten, 2001. Р. 75–82].

В первые послевоенные годы Royal Dutch/Shell пришлось проводить восстановление утраченных мощностей и инфраструктуры. Одновременно руководство осуществило структурную реорганизацию, объединив Северное (North China) и Южное (South China) отделения Asiatic Petroleum Company Ltd (APC) (именно так называлось азиатский филиал Royal Dutch/Shell — прим. авт.) в одну со штаб-квартирой в Шанхае. Консолидация активов должна была способствовать улучшению управляемости и одновременно диверсификации деятельности компании, которая осуществляла полный цикл работ, включая добычу нефти, ее переработку, хранение, транспортировку и продажу. При этом активность компании распространялась на Китай, Корею, Монголию и Макао [Looking to..., 2004. Р. 16]. Иными словами во второй половине 1940-х гг. шло не только возобновление работы Royal Dutch/Shell на китайском рынке, но и ее адаптация к новым условиям, вызванным изменениями экономической конъюнктуры и геополитическими сдвигами в регионе.

В середине XX в. в Китае стал востребован не только керосин, как несколько десятилетий раньше, но также бензин, мазут и различные смазочные материалы. Это отражало рост и модернизацию местной промышленности и транспорта, усложнение экономической и социальной системы страны. В этой связи у Royal Dutch/Shell появилось больше возможностей для расширения бизнеса. Ключевыми точками роста для компании оставались Шанхай и Гонконг, где

находились не только офисы фирмы, но и мощности по хранению, переработке и распространению топлива. Реорганизация деятельности была связана также с восстановлением работы местных отделений компании и возобновлением связей с региональными распространителями. При этом Royal Dutch/Shell открывала заправочные станции (в Шанхае — 16, а в Гуанчжоу — 14), что служило еще одним подтверждением преодоления кризиса военных лет [Looking to..., 2004. P. 17, 21]. Крупные города становились теми центрами, где в первую очередь оживала экономическая жизнь. Они же выступали в роли локомотивов развития территорий и, одновременно, в качестве объектов, за которые шла борьба между политическими силами Китая.

В ходе гражданской войны представители Royal Dutch/Shell стремились реализовать комплекс мер, позволивших им сохранить бизнес вне зависимости от того политического режима, который в конечном счете будет установлен в Китае. В этой связи можно провести параллели с ситуацией 1920–1930-е гг. Так после падения Империи Цин руководителям Royal Dutch/Shell пришлось договариваться с новым правителем Китая — Юань Шикаем, а параллельно и с японцами. В последующий период были достигнуты соглашения с Чан Кайши и военными вождями, находившимися вне юрисдикции Нанкина [van der Putten, 2001. P. 94–101, 114–128]. Англо-голландской фирме в целом удавалось успешно лавировать между различными политическими силами. В ход шли не только экономические меры воздействия на оппонентов, но и подключение к переговорам дипломатов, а также представителей других компаний, действующих в регионе. Власти Китая и Японии находились в двойственном положении. С одной стороны они обладали возможностями выгнать иностранные фирмы, в том числе Royal Dutch/Shell. С другой стороны подобные шаги могли привести к обострению отношений с государствами, которые представляли эти организации, а это было чревато в условиях политической нестабильности в Азиатском регионе и мировой экономической турбулентности. По сути, западные бизнес-группы выступали проводниками политики своих государств, и ущемление их прав могло привести к напряженности на дипломатическом уровне и обострению противоречий между странами.

Более того, деятельность Royal Dutch/Shell и других западных компаний помогала включить азиатские рынки в мировую хозяйственную систему и вела не только к перетоку ресурсов, но и оформлению новых экономических практик в регионе. Это было важно в условиях экономической асимметрии, когда более развитые страны выступали в качестве доноров (технологий, управленческих решений, финансов и пр.) для государств Азии.

Вторым направлением послевоенной деятельности Royal Dutch/Shell стала организация геологоразведочных работ на территории Китая. Первые попытки найти нефть западные компании делали еще до войны, но серьезных успехов не добились [van der Putten, 2001. P. 94–99, 126–128]. После завершения боевых действий возобновление попыток найти месторождения можно оценивать двояко. С одной стороны обнаружение нефти в самом Китае снижало издержки фирм-производителей за счет сокращения времени на доставку товара, его переработку, что благоприятным образом могло сказаться на конечной прибыли. С другой стороны, уже освоенные рынки нефтедобычи, такие как Суматра и Техас, позволяли Royal Dutch/Shell укреплять линии торговли и делать внутренний рынок Китая зависимым от зарубежных поставок. В 1947 г. специалисты Royal Dutch/Shell обследовали территории нынешней провинции Ганьсю: «Начав с Шанхая, первая исследовательская группа отправилась по воздуху через Ланьчжоу до горной системы Наньшань, а затем вернулась в Ланьчжоу и добралась до самого конца Великой китайской стены. Из Цзюцюаня группа добралась до Дуньхуана и в нескольких местах определила перспективные участки для более детального обследования» [Looking to..., 2004. P. 18–19]. Однако последующие события в Китае серьезным образом повлияли на возможности вести геологоразведочные работы. После завершения гражданской войны и провозглашения Китайской Народной Республики в 1949 г. западные компании начали покидать регион, осознавая, что в сложившейся политической ситуации их интересы находятся под угрозой.

В 1950 г. Royal Dutch/Shell осталась одной из западных фирм, которая сохранила присутствие в КНР. Хотя в подобных случаях новые власти могли пойти на крайние меры и изъять имущество зарубежных компаний, как это было, например, в Мексике, когда Royal Dutch/Shell лишилась своих активов¹.

В эти годы у Royal Dutch/Shell фактически не осталось конкурентов на топливном рынке Китая, так что можно было попробовать предложить услуги новым властям в поисках нефти, тем более что руководители Народной Республики были заинтересованы в обеспечении национальной экономики энергоресурсами. На перспективы проектов оказали влияние как минимум два неэкономических фактора. В 1950–1953 гг. по соседству с Китаем шла Корейская война, в которой КНР принимала непосредственное участие, противостоя международной коалиции, куда входили западные страны и их союзники. Еще одним важным фактором стало подписание договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и КНР в 1950 г. [Договор о дружбе..., 1950]. Таким образом, Royal Dutch/Shell попала в ситуацию, когда экономическая конкуренция во многом зависела от политической конъюнктуры. Влиять на власти КНР и Советского Союза было намного труднее из-за напряженных отношений между государствами и нестабильности первых лет холодной войны.

Несмотря на то, что к 1949 г. общие вложения в китайскую экономику составили примерно 200–300 млн фунтов стерлингов, крупные британские фирмы заявили о стремлении покинуть рынок КНР, тогда как раньше они стремились делать все возможное, чтобы расширять коммерческую деятельность [Shai, 2003. P. 104]. Однако Royal Dutch/Shell даже после нового витка политической турбулентности рубежа 1940–1950-х гг. сохраняли присутствие на китайском рынке. Делать это становилось сложно, учитывая, что власти КНР проводили политику «непрямой национализации», оказывая давление на зарубежные компании не за счет грубой экспроприации активов, а методов косвенного воздействия. Они усложняли иностранцам условия для ведения бизнеса в виде повышения налогов и принудительных подписок на государственные займы, активно вмешивались в коммерческие операции и трудовые отношения. Так первым генеральным менеджером, назначенным властями КНР в Royal Dutch/Shell, стал доктор Чен Куан Чи. После его смерти региональное отделение возглавила его супруга — Чен Ньен, занимавшая должность руководителя при трех последовательно сменявшихся британских директорах [Looking to..., 2004. P. 19]. Таким образом, шло внедрение в управленческое звено компании местных работников, которые контролировали экономические процессы и служили связующим звеном между Royal Dutch/Shell и местными властями, а также перенимали зарубежный опыт. Для борьбы с безработицей китайцы принуждали иностранные фирмы содержать избыточный персонал и оплачивать его работу или безделье [Shai, 2003. P. 104]. Так что китайские управленцы были нужны и для руководства работниками, набранными из местных жителей. Власти же получали возможность снизить напряженность в обществе, перекадывая часть социально-экономических проблем на плечи иностранных предпринимателей, которые просто не могли отказаться от такого предложения.

Экономические проблемы нового режима, отсутствие опыта управления сложными промышленными комплексами, средними и крупными предприятиями, городским хозяйством, нехватка подготовленных кадров вели к тому, что руководство КНР не могло в короткие сроки провести национализацию иностранной собственности, порвав налаженные экономические связи и производственные цепочки. Нужно было время, чтобы перенять зарубежные экономические практики и адаптировать их к новым хозяйственным реалиям. Важным было и то, что иностранные фирмы, такие как Royal Dutch/Shell, работали на местном рынке уже давно

¹ Mexican Expropriation of Foreign Oil, 1938. URL: <https://history.state.gov/milestones/1937-1945/mexican-oil> (дата обращения 30.10.2021).

и умели выживать при разных политических режимах и экономических обстоятельствах. Вместе с тем, сохранить иностранное присутствие в экономике КНР не представлялось возможным. Союз с буржуазией мог быть временным, пока не будут достигнуты цели нового режима по восстановлению хозяйства. Дальнейшее сотрудничество, исходя из идеологических установок, необходимо было прервать, а борьбу активизировать [Мао, 2021. С. 12–13].

Используя экономический прессинг и идеологическую риторику, власти КНР подталкивали зарубежные фирмы к перекачке средств, чтобы компенсировать расходы из-за повышенных налогов, подписок и содержания персонала. Можно отметить, что таким образом изменилось направление финансовых потоков. Если раньше иностранцы, вкладывая в китайские предприятия, получали прибыль и могли вывести ее за рубеж, то теперь им приходилось наоборот переводить деньги в Китай, чтобы сохранить предприятия на плаву. Таким образом, китайская сторона добивалась сразу нескольких целей. Иностранные предприятия не национализировались, продолжая работать, что являлось стабилизирующим фактором для местной экономики. У иностранцев сохранялась иллюзия, что они смогут преодолеть сложности переходного периода за счет выполнения установленных властями требований. Итогом стало повышение задолженности иностранцев перед КНР, которая постоянно нарастала. Одновременно у руководителей зарубежных компаний постепенно формировалась уверенность в том, что привычными методами трудности не преодолеть. Когда долги достигали таких размеров, что сравнивались или превосходили активы компаний, власти КНР предлагали соглашение о смене собственника с иностранного на китайского. Таким образом, Китай получал предприятия, работа которых была отлажена зарубежными специалистами в течение предыдущих лет [Howlett, 2015. P. 227]. Впрочем, это не отменяло того факта, что в последующем компания могла исчезнуть с ландшафта реформируемой китайской экономики. Иными словами конкурентная среда все больше подменялась диктатом властей. Так что Royal Dutch/Shell пришлось постепенно сворачивать торговлю нефтепродуктами, передавать местной администрации активы в виде складов, заправочных станций, иной недвижимости и сокращать операционную деятельность в КНР. При этом в Шанхае был сохранен головной офис и склад. Компания по инерции продолжала заниматься продажами удобрений и пестицидов вплоть до 1966 г., тогда как основные мощности были перенесены в Гонконг [Looking to..., 2004. P. 18–19]. Royal Dutch/Shell продержалась достаточно долго, учитывая стремительное сокращение английского бизнеса на китайском рынке. Так с 1949 по 1954 гг. численность британских фирм уменьшилась с 376 до 25 [Howlett, 2015. P. 227].

Деятельность британских компаний, в том числе Royal Dutch/Shell в Китае, тесно связана с общим вектором внешней политики Великобритании этого периода. На тот момент времени экономические отношения двух стран носили ограниченный характер [Clayton, 2006. P. 6]. Не менее важным оставался вопрос Гонконга, который мог оказаться в орбите влияния КНР, чего британцы стремились избежать. В этой связи они в 1950 г. признали КНР, надеясь, что это станет стабилизирующим фактором в двухсторонних отношениях [Peruzzi, 2017. P. 23]. Более того британский кабинет в 1950–1951 гг. взял курс на невмешательство во внутренние дела КНР и отказался выступить в качестве третьей стороны в переговорах между коммунистическим режимом и бизнес-сообществом Великобритании, представленном на китайском рынке. Речь шла об ограничении экономических связей с новым Китаем и нежеланием обострять отношения, которые могли привести к проблемам с Гонконгом [Clayton, 2006. P. 6].

Так что переориентация Royal Dutch/Shell на Гонконг имела целый комплекс причин, лежащих в политической плоскости (идеологический прессинг властей КНР и невозможность дипломатическими путями решить возникающие вопросы). Не менее важными были и хозяйственные аспекты, которые заключались в экономическом давлении китайских властей, постепенном закрытии страны для иностранцев и отсутствии серьезных перспектив. Более того, Гонконг в предыдущие годы являлся крупным перевалочным пунктом Royal Dutch/Shell и в по-

слевоенный период стал одним из центров восстановления деятельности фирмы в южных районах Китая. В 1950-е гг. Гонконг уже оправился от последствий японской оккупации и стремительно развивался как крупный промышленный центр. Новые отрасли требовали оборудования и сырья, в том числе нефти. Одновременно шло развития транспорта, что также подстегивало спрос на смазочные материалы и различные виды топлива. Не менее востребовано оно было среди населения, которое прибывало в Гонконг для работы на различных предприятиях и в компаниях. Потребление нефти за 1950-е гг. здесь утроилось, что позволило Royal Dutch/Shell частично компенсировать потерю рынка континентального Китая. Помимо сырой нефти компания занималась поставками мазута, газойля, керосина и сжиженного углеводородного газа, став лидером в этом сегменте топлива на местном рынке [Looking to..., 2004. P. 20–21].

Таким образом, в период 1940–1960-х гг. Royal Dutch/Shell провела комплекс преобразований, который позволил англо-голландской группе сохранить влияние на рынке Китая. Речь шла о структурной реорганизации и закреплении Шанхая в качестве региональной штаб-квартиры, а в последующем переносе ее в Гонконг, что было связано не столько с экономическими трудностями компании, сколько с политическими изменениями в Китае. Эти же причины привели к тому, что компания смогла лишь частично реализовать планы по геологоразведке, восстановлению торговой сети и расширению спектра предлагаемой продукции. Емкому, но все еще архаичному, находящемуся под воздействием разных политических катаклизмов рынку континентального Китая, Royal Dutch/Shell предпочла динамичный Гонконг. Иными словами речь шла о том, что группа не уходит из Китая, но смещает акцент с расширения деятельности на углубление своего присутствия в регионе, отдавая предпочтение работе в рамках рыночной экономики, а не жесткого административного диктата. Пример работы этой европейской компании является показательной демонстрацией умения выстраивать бизнес в фактически экстремальных условиях, постоянной смены экономической и политической конъюнктуры, необходимости непрерывно адаптироваться, но не покидать завоеванные рынки окончательно.

Список литературы

Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой. 14 февраля 1950 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 16 ноября 1950 г. № 36 (651). С. 4.

Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть / Пер с англ. М.: Альпина Паблишер, 2018. 944 с.

Мао Цзэдун Красная книжица / Пер. с кит. А. Петросян. М.: Эксмо, 2021. 160 с.

Clayton D. British Foreign Economic Policy Towards China 1949–60 // Electronic Journal of International History. URL: https://sas-space.sas.ac.uk/3393/1/Journal_of_International_History_2000_n6_Clayton.pdf

Howlett J. J. Decolonisation in China, 1949–1959 // Britain and China 1840–1970. Empire, Finance and War / Ed. R. Bickers, J. J. Howlett. Routledge, Abingdon, 2015. P. 222–241.

Looking to the Long Term — The Story of Shell in China. Beijing, 2004. 33 p.

Mexican Expropriation of Foreign Oil, 1938. URL: <https://history.state.gov/milestones/1937-1945/mexican-oil> (дата обращения 30.10.2021).

Peruzzi R. Leading the Way: The United Kingdom's financial and trade relations with Socialist China, 1949–1966 // Modern Asian Studies. 2017. № 1 (51). P. 17–43.

Shai A. The Indirect Nationalization of Foreign Firms in China in the 1950's // Annales historiques de l'électricité. 2003. № 1. P. 103–114.

van der Putten F.–P. Dutch Companies in China 1903–1941. Leiden University. 2001. 290 p.

С. И. Филиппов

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

ПРОТЕСТЫ В СССР И КНР В КОНЦЕ 1980-х — НАЧАЛЕ 1990-х гг.

Исследование посвящено анализу динамики успеха протестных движений на материале истории позднего СССР (конец 1980-х — начало 1990-х гг.) и событий на площади Тяньаньмэнь в Пекине в 1989 г. Показателями успеха протестных движений являются переход элит на сторону протестующих, а также существенные (гео)политические трансформации в обществах, где разворачиваются протестные движения. Анализ проводится на материале сопоставления контрастных случаев: относительно успешных протестных движений в советских республиках Прибалтики (1987–1991 гг.) и Москве (август 1991 г.) — с одной стороны — и неуспешных выступлений — демонстрации казахского студенчества в Алма-Ате в декабре 1986 г., а также волнений молодежи в Пекине, продолжавшихся с апреля по июнь 1989 г. Успех протестов объясняется антимиграционной идеологической альтернативой официальной интернационалистской доктрине сформулированной оппозицией и обладающей высокой привлекательностью для самых разных социальных и этнических групп населения в случае Прибалтики и неприменением насилия в отношении протестующих в Москве, что стало существенным фактором, способствующим росту протеста. Неудача молодежных выступлений в Алма-Ате и Пекине объясняется тем, что они воспринимались в логике молодежной агрессии, вызывая страх и отторжение как у элит, так и у населения (соответственно, как продолжение территориально-этнических конфликтов в случае Алма-Аты и как опасность широкомасштабного насилия в стиле культурной революции — в случае Пекина).

Ключевые слова: протест, элиты, лояльность, СССР, КНР

S. I. Filippov

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

PROTESTS IN THE USSR AND CHINA IN THE LATE 1980s — EARLY 1990s

The research deals with investigation into the conditions of the success of protest movement on the basis of the history of the late USSR (late 1980s — early 1990s) and the Tiananmen Square protests in Beijing in 1989. The defection of the elites to the protesters, as well as significant (geo)political transformations in societies where protest movements take place, are considered indicators of the success of protest movements. The analysis is based on comparing contrastive cases — relatively successful protest movements in the Soviet republics of the Baltic (1987–1991) and Moscow (August 1991) on the one hand as well as unsuccessful cases such as the demonstration of Kazakh students in Alma-Ata in

December 1986 and youth protests in Beijing which lasted from April to June 1989. A broad support of the protest movement striving for the reestablishment of the independence from the Soviet Union was based in the case of the Baltic republics on anti-immigration ideological alternative to official Soviet internationalism attracting different social and ethnic groups of Latvian population. As for Moscow, the non-use of violence against protesters was a significant factor that contributed to increasing street demonstrations in the capital of the Soviet Union. A relatively low social support of the protest movement in Kazakhstan was due to the lack of a broad ideological basis that could create solidarity between different social and ethnic groups that made up the population of Kazakhstan. Besides, the riots in Alma-Ata in 1986 with Kazakh students as main participants were perceived by local population as well as elites in the logic of ethno-territorial conflicts very common in late Soviet Kazakhstan and evoked therefore not solidarity but fear and anger. Similar reaction was evoked by the Tiananmen Square protests in Beijing in 1989 that resembled the surge in youth violence during the Cultural Revolution.

Keywords: protest, elite, loyalty, USSR, China

Исследование посвящено анализу динамики успеха протестных движений на материале истории позднего СССР (конец 1980-х — начало 1990-х гг.) и событий на площади Тяньаньмэнь в Пекине в 1989 г. Анализ проводится на материале сопоставления контрастных случаев: относительно успешных протестных движений в советских республиках Прибалтики, кульминацией чего выступили события в Вильнюсе и Дни баррикад в Риге (январь 1991 г.), а также противостояние ГКЧП и протестующих в Москве (август 1991 г.), за которыми последовали существенные (гео)политические трансформации и протестных выступлений, которые были достаточно эффективно подавлены и не привели к существенным политическим переменам, тем более, к смене режима, при этом консервативные силы упрочили свое влияние — выступления казахской молодежи в Алма-Ате в декабре 1986 г. («Желтоксан») и молодежных протестов в Пекине, продолжавшихся с апреля по июнь 1989 г. Существенное влияние на степень успешности протестных движений оказывает позиция элит. Если правители (индивидуальные или коллективные) всегда направлены на сохранение status quo, то поведение элит вариативно — они либо сплачиваются вокруг правителя, либо раскалываются с выделением контрэлиты и переходом в стан протестующих [Розов, с. 90]. Действительно, многие представители национальных советских элит прибалтийских республик, в том числе и силовых переходят на сторону протеста, например, независимость Латвии поддержало большинство местной милиции и прокуратуры, а позиция республиканского КГБ оказалась даже более радикальной, чем позиция сотрудников упомянутых двух ведомств [Блейере, 2005, с. 405], сходная ситуация складывается и в РСФСР, в особенности, в Москве, где обостряются противоречия между общесоюзной и республиканской властью, а городские органы власти в столице в начале 1990-х гг. состоят в значительной мере из представителей оппозиции. Казахстан последовательно выступал за сохранение СССР, и республика выходит из его состава последней — 10 декабря 1991 г. В Китае партийно-государственная элита также сохранила лояльность режиму в период противостояния на площади Тяньаньмэнь.

Переход национальных элит республик Прибалтики, прежде вполне лояльных союзному центру, на сторону оппозиции в конце 1980-х — начале 1990-х гг. был обусловлен успехами протестного движения, в том числе, и в силовом противостоянии с его противниками (события в Вильнюсе и «Дни баррикад» в январе 1991 г.). Широкую социальную поддержку протестного движения обеспечила антимиграционная идеологическая альтернатива официальной интернационалистской доктрине, обладающая высокой привлекательностью для самых разных социальных и этнических групп населения Латвии. Специфика Москвы того же периода времени состояла в том, что там, по сравнению с иными очагами протеста действовал своеобраз-

ный негласный мораторий на применение насилия по отношению к митингам оппозиции, что оказалось фактором, способствующим нарастанию публичного протеста.

Относительно высокая степень лояльности национальных советских элит Казахстана союзному центру вплоть до распада СССР объясняется эффективным подавлением протестных выступлений в декабре 1986 г., что послужило поводом для инициированных Москвой чисток национального партийно-государственного аппарата республики. Относительно низкая поддержка протестного движения объясняется отсутствием объединяющей идеологической альтернативы, а также восприятием протестных акций, социальной базой которых была, преимущественно, студенческая молодежь, местным населением и элитами в логике бытовых территориально-этнических конфликтов.

Отношение элит и населения КНР к выступлениям пекинской молодежи сходно со случаем Казахстана. Протестующие воспринимались, скорее, не как борцы за демократию, а как новые хунвэйбины — провозвестники следующей разрушительной Культурной революции, вызывая, тем самым, страх и отторжение, а не сочувствие. Кроме того, восставшая молодежь активно апеллировала к международному общественному мнению, что также противоречило нормам традиционной китайской культуры (как и сам феномен молодежного бунта) и только увеличивало дистанцию между протестующими и основной массой населения.

Список литературы

- Блейере Д., Буртулис И., Зунда А. и др.* История Латвии, XX век. Рига: Юмава, 2005. 474 с.
Розов Н. С., Пустовойт Ю. А., Филиппов С. И., Цыганков В. В. Революционные волны в ритмах глобальной модернизации. М.: Красанд, 2019. 408 с.

УДК 314.72
DOI 10.25205/978-5-4437-1268-0-55-58

М. А. Кузовков

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

«НОВЫЙ ПЕРИОД САКОКУ»: ПОЛИТИКА КОРОНАВИРУСНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К ИНОСТРАННЫМ РЕЗИДЕНТАМ В ЯПОНИИ

Статья выполнена в рамках проблематики, касающейся влияния пандемии COVID-19 на социальную политику Японии, на действия Кабинета Министров в отношении стабилизации эпидемиологической ситуации в стране. Рассмотрены меры по сдерживанию темпов распространения новой коронавирусной инфекции, поддержке населения и экономики. Особое внимание уделено интерпретации неоднократного введения в Японии режима Чрезвычайного положения, его особенностям, а также анализу отношения мирового сообщества к данным мерам. Актуальность темы определяется важностью изучения опыта борьбы с коронавирусом разных стран с целью выявления сильных и слабых сторон различных стратегий.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, Япония, иностранные резиденты, иностранные студенты, влияние пандемии

M. A. Kuzovkov

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

“THE NEW SAKOKU PERIOD”: THE CORONAVIRUS RESTRICTIONS POLICY REGARDING FOREIGN RESIDENTS IN JAPAN

This article was completed as part of the study of the impact of the COVID-19 pandemic on the Japanese state, as well as the policy of the Cabinet of Ministers aimed at improving the epidemiological situation in the country. Measures were considered to curb the spread of the new coronavirus infection and to support the population and the economy. In particular, special attention is paid to the repeated introduction of the state of emergency in Japan, its features, as well as the attitude of the world community to these measures. The relevance of the report is confirmed by the urgency and urgency, as well as the importance of studying the experience of combating coronavirus in different countries in order to determine the strengths and weaknesses of various strategies.

Keywords: COVID-19 pandemic, Japan, foreign residents, foreign students, influence of the pandemic

Пандемия новой коронавирусной инфекции нанесла колоссальный урон мировой экономике и подвергла человечество испытанию на прочность. Под удар вируса попало, в том

числе, и японское государство. Кабинет Министров Японии проводит довольно либеральную политику внутри страны, делая акцент на самосознании населения, принимает меры для предупреждения экономического кризиса. Для сдерживания темпов роста инфицированных новым типом коронавируса было закрыто авиасообщение с другими странами, а также не раз объявлено Чрезвычайное положение — либо только в префектурах с неблагоприятной эпидемиологической ситуацией, либо на территории всей страны.

В соответствии с чрезвычайной ситуацией работа большинства предприятий была остановлена, а людей попросили сократить встречи на 70–80% и по возможности оставаться дома, не выходя на улицу без крайней необходимости. Для снижения нагрузки на систему здравоохранения жителей страны попросили не обращаться в больницу по «тривиальным» поводам, т.е. при легком недомогании людям было предложено оставаться дома. При этом в отличие от некоторых стран, какие-либо материальные штрафы или уголовная ответственность за нарушение самоизоляции предусмотрены не были, по большей части правительство сделало акцент на самодисциплину граждан [Кузовков, 2020. С. 352–353].

Финансовая часть политики представляет собой набор бюджетных программ, направленных на борьбу с пандемией, поддержку населения, предприятий и секторов экономики, а также осуществление стимулирующих мер. В частности, приняты решения о выделении временной помощи в 100 тыс. иен каждому жителю Японии (в том числе иностранным резидентам, живущим в стране достаточно долго), о помощи семьям с детьми до 300 тыс. иен, о субсидировании аренды малыми и средними предприятиями (МСП) до 1 млн иен, о помощи МСП до 2 млн иен и многие другие меры [Белов, Тихоцкая, 2020. С. 18–19].

Правительство страны предпринимает ряд мер, направленных на защиту трудовой занятости. Прежде всего, Министерство здравоохранения, труда и социального обеспечения Японии осуществляет выплаты компаниям, финансовая ситуация которых ухудшилась из-за угрозы COVID-19, на возмещение средств сотрудникам, вынужденным уйти в отпуск или уволиться. Что касается иностранных стажеров, то в случае увольнения из-за влияния коронавирусной инфекции, при условии изменения статуса проживания они могут работать в других 14-ти сферах, например, в сельском хозяйстве. Некоторые специалисты считают, что для обеспечения работой выпускников компаниям следует расширить сферу деятельности, начиная с введения Интернет-услуг. Ежегодную кампанию по приему на работу выпускников также рекомендуют проводить в онлайн-режиме.

На протяжении эпидемии границы страны оставались закрытыми для въезда большинства иностранцев. Исключением стал небольшой промежуток с октября по декабрь 2020 г. — при этом въезжающим полагалось строго соблюдать карантинные ограничения. Для того чтобы попасть в страну, необходимо было:

1. получить два сертификата, подтверждающих отрицательный результат ПЦР-тестирования (один тест сделать за 72 ч до прибытия в Японию, второй — в специальной зоне аэропорта после прилета);
2. соблюдать двухнедельный карантин, зачастую за свой счет, в заранее согласованном помещении (в отеле, квартире и др.);
3. вести журнал здоровья;
4. установить ПО, определяющее местоположение прибывшего;
5. избегать использование общественного транспорта в течении двух недель после прибытия.

В конце декабря 2020 г. появление британского штамма вынудило правительство приостановить выдачу виз и ограничить въездной поток. С течением времени ситуация оставалась неизменной. В конце сентября 2021 г. правительство решило отменить режим ЧС на всей территории страны, однако границы также остаются закрытыми для подавляющего большинства

иностранцев. Япония является единственной из стран Большой семерки, до сих пор сохраняющей иммиграционные ограничения. Даже США, несмотря на свое неблагоприятное (относительно Японии) положение, открыла доступ для обучения и работы. Политика изоляции была подвергнута критике за «двуличность»: олимпийским спортсменам и высокопоставленным гостям был разрешен въезд, в отличие от других иностранцев.

В связи с наблюдаемой ситуацией, в мае 2021 г. группа иностранных студентов провела пресс-конференцию в онлайн-режиме, где обратилась к японскому правительству с просьбой ослабить ограничения. По разным оценкам около 27 тыс. студентов из разных стран до сих пор ожидают своей возможности на въезд: некоторые из них продали практически все имущество на своей родине, чтобы спокойно поехать учиться или работать. Тем не менее, ограничения поставили их в весьма неудобное положение: многим приходится жить у друзей или у родителей, надеясь на скорое изменение ситуации в лучшую сторону.

Онлайн-занятия, проводимые некоторыми языковыми школами, вынуждают студентов серьезно менять распорядок дня, ввиду разных часовых поясов. Спустя некоторое время это негативно отражается как на их работоспособности, так и психологическом состоянии. К тому же далеко не каждый согласится платить за обучение в языковой школе, чтобы в конечном итоге заниматься дистанционно.¹

В марте Японская организация студенческих услуг (JASSO) опубликовала свой опрос иностранных студентов в Японии за 2020 г. Общее число иностранных студентов в Японии сократилось на 10,4%, что выглядит удручающим, особенно на фоне нескольких лет роста этих цифр. Учитывая продолжающийся запрет на поездки, можно ожидать, что в 2021 г. число иностранных студентов еще больше сократится.²

В дальнейшей перспективе тенденция сокращения числа иностранных студентов может стать проблемой для правительства, которое в течение многих лет стремилось сделать японские университеты более глобально связанными и конкурентоспособными. Вероятно, такая политика, прежде всего, направлена на защиту японских граждан. Представляется, что японское государство в настоящий момент гораздо спокойней чувствует себя, находясь в изоляции от внешнего мира, ведь таким образом Кабинет Министров имеет возможность принимать более взвешенные решения и отталкиваться от особенностей менталитета жителей своей страны. К тому же нехватка рабочих рук ввиду коронавирусных ограничений чувствуется не так остро, поэтому необходимость в привлечении иностранной рабочей силы временно уменьшилась [Кузовков, 2020. С. 26]. Невольно возникают параллели с так называемым периодом *сакоку* (периодом самоизоляции Японии от внешнего мира, 1650–1842 гг.). Тем не менее, если такие жесткие меры продолжают сохраняться, Япония может утратить доверие и интерес иностранных студентов и работников, что практически обесценит успехи, достигнутые в этом направлении за последние годы.

Список литературы

Белов А. В., Тихоцкая И. С. Первая волна пандемии COVID-19 в Японии: социальные и экономические аспекты // Азия и Африка сегодня, 2020. С. 14–21.

¹ Voices from Limbo: Japan's Lockout Leaves Foreign Students Adrift // Информационный портал Nippon.com. URL: <https://www.nippon.com/en/in-depth/d00725/> (дата обращения 23.08.2021).

² Japan should reopen its doors to international student // Газета the Japan times. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2021/07/21/commentary/japan-commentary/japan-reopen-doors-international-students/> (дата обращения 14.08.2021).

Кузовков М. А. Влияние пандемии COVID-19 на положение иностранных специалистов на рынке труда в современной Японии // Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока, 2020. С. 24–27.

Кузовков М. А. Влияние пандемии COVID-19 на рынок труда в современной Японии // Япония XXI NOVA: эра и век, 2020. С. 347–356.

УДК 94

DOI 10.25205/978-5-4437-1268-0-59-66

Stephanie Ziehaus*Palacký University, Olomouc, Czech Republic***THE QING IN GLOBAL HISTORY AND EMPIRE STUDIES:
NEW APPROACHES AND FRONTIERS**

This paper aims at situating the Qing Empire in the field of Empire-Studies and to determine the place of the Qing in global history. In an effort to shift the focus from the center to the edges of the Empire, New Imperial History has reframed “Empire” as an analytical category, in order to offer a more nuanced perception of empires and include early-modern empires in studies of colonialism and imperialism. Especially with the rise of new paradigms in Empire Studies and the resurgence of national narratives in Chinese historiography, the discussion of approaches on how to integrate the Qing into a global history of Empires represents a timely and urgent addition to New Imperial History and Global History. Through a cross-fertilization of methodologies and approaches — local-historic approach and comparative analysis — Qing history is being placed within broader structures of Empire-Building and interactions between center and periphery. By analyzing the current patterns of Qing Empire Studies, such as the New Qing History and New Qing History Project, this paper is going to showcase points of connections for further future studies on the Qing, in a more globally and less nationally perceived framework.

Key words: Global History; Empire Studies; Qing Empire; Comparative Analysis

Штефани Цихаус*Университет Палацкого, Оломоуц, Чехия***ЦИН В МИРОВОЙ ИСТОРИИ И В ИЗУЧЕНИИ ИМПЕРИЙ:
НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ВОЗМОЖНОСТИ**

Данная работа ставит своей целью поместить империю Цин в контекст изучения мировых империи, а также определить ее место в мировой истории. Переосмысление самого понятия Империи как аналитической категории позволяет сместить фокус внимания с центра на ее окраины, перейти к более детальному ее изучению и в результате включить империи раннего Нового времени в исследования колониализма и империализма. С появлением новых исследовательских парадигм и возобновлением национальных нарративов в китайской историографии поиск возможных подходов к вопросу интеграции Цин в историю мировых империй представляет собой своевременную и неотложную исследовательскую задачу в рамках изучения империй и мировой истории. Благодаря взаимодополнению методологий и подходов (локально-исторического подхода и сравнительного анализа) история Цин рассматривается в более широком контексте по-

строения империи и взаимодействия между центром и периферией. Проанализировав в данной статье текущие направления исследований империи Цин, таких как проект «Новая история Цин» и «Проект новой истории Цин», мы продемонстрируем возможные точки соприкосновения разных подходов для дальнейших исследований Цин в более глобальном и менее национально обусловленном контексте.

Ключевые слова: Мировая история, изучение империй, империя Цин, сравнительный анализ.

Introduction

In recent years, the history of the Qing Empire has received increasing attention. In 2002, the National Project for the Compilation of Qing History (国家清史纂修工程) was officially launched in the People's Republic of China, while some years prior, on the other side of the globe the research field of New Qing History was established by American and British scholars [Crossley, 1999. Elliott, 2006. Hostetler, 2001. Rawski, 1996]. At the same time, in the field of Empire studies, the New Imperial Turn has led to re-evaluation of how empire-building, imperial structures, networks and agents are to be analyzed and introduced new interested in the Empire as an critical analytical category. In tandem with the re-conceptualization of what Empire Studies aim to be and do, there have been valiant efforts to include Empires not traditionally studied, such as the Qing Empire, into the fields of Empire Studies and, even, Global History.

In this paper, I seek to confront research approaches that aim at integrating the Qing Empire into the fabric of Empire Studies as well as into the field comprised under the term "Global History". The most common approach taken refers to the comparative analysis of the Qing with other Empires, mostly the group of "Eurasian Empires" — land-based, multiethnic empires following empire-building strategy of "old imperialism", such as the Russian Empire. This tactic has not only been pursued by the New Qing History scholars, but also — and not less importantly — by Russian scholars that seek to revitalize the study of the Russian Empire.

On the other hand, the research trend encapsulated in the paradigm shift of "New Imperial History" aims to redefine "Empire" as an analytical category, by expanding it to include more Non-European, early modern empires as well as by reconsidering patterns and processes that make up Empire-Building in connection to Post-Colonial Studies. I propose to combine the more traditional approach, connected to the "Eurasian shift", with the call for a more connected, global history of Empires proposed by the "New Imperial History", in order to successfully incorporate the Qing Empire into comparative works of Empire Studies and Global History alike.

The Qing in the early modern trade network

The earliest attempts of integrating the Qing into a global context can be found in the field of comparative economic history, namely Bin Wong [Wong, 2018] and Andre Gunder Frank [Frank, 1998], who seek to compare the Qing economy with Western European economies. They focus on the time period of High Qing between 1680 and 1800s, when China's advanced technology dominated the growing network of long-distance trade relations. Similarly, Matthew Mosca [Mosca, 2016. P. 110], in his chapter in "The Prospect of Global History", also concentrates primarily on the early modern period of the Qing Empire (1500–1800) and emphasizes the impact of global forces on the Qing and the Qing's contribution to those forces.

Since then, the premises of Global History have found their way into Chinese national historiography. These research approaches, intended to look for entanglements and connections, have been

implemented in order to tell a narrative of Chinese history, including the Qing, that underlines the national unity and integrity of the People's Republic. As a result, they emphasize Chinese unique position in a global and connected network of historical processes, in a way, that is opposed to the fundamental basis of Global History. The newest amongst publications that try to integrate Chinese history into Global History — “Global History with Chinese characteristics” [Perez-Garcia, 2021] — specifically addresses the role of Global History in Chinese historiography, posing the question whether global history can really be implemented within a neo-national, patriotic environment such as Chinese academia. The national narrative of “Chinese characteristics” [zhongguo tese, 中国特色] results in the accommodation of global history within a rhetoric that emphasizes China's uniqueness: Global history has emerged as popular tool of analysis within Chinese academia, especially the analysis of modern economic growth has fuelled the interest for global history within Chinese academia and made global history a popular tool of analysis for Chinese historians [Perez-Garcia, 2021. P. 11].

Departing from these attempts at integrating the Qing into a global and connected field of Studies, I want to turn to the Qing's position in the field of Empire Studies and how this relates back to the difficult accommodation of the Qing in the field of Global Studies.

Until recent years, the Qing Empire has been mostly absent from studies analyzing the 19th century as the age of imperialism. Peter Perdue has made the most successful attempt yet to examine the formation of the Qing Empire as an example of “Manchu colonialism” and thereby to place that process in comparative context [Perdue, 1998. 256]. Similarly, Millward proposed to identify the process of Qing empire-building as “old imperialism”, in juxtaposition to “new imperialism” [Millward, 1998. Pp. 8–11], practiced by European countries in the formation of overseas, economically oriented empires, and instead placed in a line with other “old” imperial, continental empires such as the Ottoman, Habsburg and Russian Empire.

Old Imperialism

In Empire Studies, the method of comparative analysis has been applied to all kinds of units of comparison, empires, regions, civilizations. One particular sub-field that I want to call “old imperialism” has since the collapse of the Soviet Union produced various publications on the Russian Empire and its place amongst more traditional, well-studied Empires such as the British and French Empire. “Old imperialism” takes part in two specific paradigm shifts, one incited by the so-called Eurasian turn, which encompasses Russia's pivot to the East, as well as the new, by now already well established direction of the New Qing History. An attempt of comparison between two or more heterogeneous, massive empires as are usually put into this category of “old imperialism” has to navigate a complex set of questions around the concept of “Empire” and how to write imperial history.

The term used in this paper — “old imperialism” — is intended to refer to the approach of grouping continental, multi-ethnic empires such as the Russia and Qing Empire, Ottoman Empire and Habsburg Empire together in order to compare and identify parallels in their strategies of Empire-Building. Old imperialism in this context is juxtaposed to “new Imperialism”, which commonly refers to the capitalist expansion of the Western European Empires of the 19th century [Harvey, 2003].

Several relevant studies have been published about the Habsburg Monarchy, Russian Empire, the Ottoman Empire, and the British Empire. However, systematic comparisons between the modern European empires and early-modern Eurasian empires have so far been the exception [such as Sugar, 1997, and Rieber — Miller, 2004].

Dominic Lieven's work [Lieven, 2002] on the expansion and decline of Russia includes valuable comparisons to the Habsburg Monarchy, as well as the Ottoman Empire, and the British Empire and is therefore able to tell a more comprehensive history of the Russian Empire-Building.

When focusing on this specific sub-group of Empires, several characteristics are highlighted, similarities that supposedly these empires share with each other. The Russian, Austro-Hungarian and Ottoman Empires are assigned the attributes of "land-based" and "early-modern", which seem to serve as very basic common denominators, but also represent the most contested characteristics. More important however, are the similarities in the Empire-Building processes and systems of these empires, namely the hub and spoke concept, when it comes to addressing the center-periphery relations, as well as the crucial factor of "multi-ethnicity".

The structures of imperial rule are conceptualized by the hub and spoke concept, or center-and-periphery relations. The imperial framework is likened to a rimless wheel, with the center (hub) and the spokes symbolizing each separate, individual relation the center has to its peripheries or colonies [Motyl, 2001. P. 16]. Emblematic of the study of multi-ethnicity as well as of the new interest sparked in the ethnic plurality of empires after 1991, is for example Andreas Kappeler's the Russian Empire as a multi-ethnic empire [Kappeler, 2008].

The New Qing History scholars pursue a similar approach as the scholars I have grouped together under "old" imperialism, in that they emphasize parallel patterns of political consolidation and cultural integration across Eurasia [Glahn, 2004. Pp. xi-xvi]. The spatial framework used by the New Qing History is the concept of "Inner Asia", a mental map encompassing Xinjiang, Tibet, Mongolia and Manchuria, therefore the territories outside of China Proper acquired by the Qing expansion in the 17th century. The New Qing History positions itself as directly opposed to Sinocentric notions of the Qing Empire as a "Chinese dynasty". Instead, they emphasize the Manchu identity of the Qing rulers and their imperial rule in Inner Asia, as well as the importance of the many different ethnic identities that can be found in the vast territory of the Qing Empire. The New Qing History strives to highlight that Qing ruling strategies were fundamentally different from those of Chinese empires (Ming), and were more in line with Eurasian empires [Schneider, 2020. P. 330]. Qing empire-building in Inner Asia is placed into the wider the context of Eurasian empires that pursued similar strategies as the Qing of integrating conquered regions and peoples. Post-Timurid empires [Darwin, 2008. Pp. 13-15] such as the Qing, Mughals, Ottomans and Russians employed so-called Altaic strategy of simultaneous rule [Perdue, 2005. P. 542]. By conceptualizing the Qing as a "Eurasian polity", the Qing Empire becomes comparable to Islamic "gunpowder empires" as well as Muscovite and Habsburg empires [Dunnell, 2004. P. 4]. As a result, it became possible for the Qing to take a new position in world history — even, if not global history.

The "Eurasian turn", on the other hand, represents a paradigm shift in how the history of the Russian Empire is told, with a focus on its eastern and far eastern colonies. Scholars following this turn seeks to reflect on Russia's imperial experience within a comparative framework that includes the metropole as well as the peripheries. Similar to the direction taken by the New Qing Historians, Russian empire-building is made sense through the grid of typologies of land-based versus maritime empires, which firmly places the Russian Empire alongside dynastic and multiethnic empires of Eurasia.

While historians are discovering important differences and similarities in institutions, processes and outcomes across the expanse of Eurasia, a notable drawback of this comparative empire research is the focus on static structures, leaving aside the various interactions and transfers between the empires. Comparative and entangled history of imperial imagination and practices remains underexplored and irregularities of imperial space remain overlooked. A closer look to the transfer of knowledge, people, or concepts across the empires' borders might be necessary to achieve a comprehensive comparative analysis.

Qing Studies in national Chinese historiography

Qing research in national Chinese historiography diverges from attempts to integrate the Qing into a framework for universal comparison between Empires. Instead, the field of Qing Studies is framed by the narrative of “unification” (統一 *tongyi*) or “great unification” (大一統 *dayitong*), often applied together with the theory of Sinicization. This puts several Chinese Qing scholars in direct opposition to the New Qing History, while Chinese historians are regaining their authority over the field of Qing Studies. As such, the National Project for the Compilation of Qing History (国家清史纂修工程) is intended to write a comprehensive Qing History (清史), based on a broad range of archival documents and as such departing from and surpassing the Draft History of Qing (清史稿), published in 1928.

Global history, as it is applied as a discipline in national Chinese historiography in regard to Qing history, serves a radically different purpose than in Western academia. Global History is intended to develop a new national narrative that should foster the unification of the country. The narrative of “Unification” seeks to tell the history of the Qing Empire as a shared common past of all current ethnic groups present in the PRC. Concerning for example the Northeastern nationalities, Lan Yanchao frames the history of the Butha-Eight Banner system as integral to the national history narrative, by safeguarding the Northeastern borderlands. He points out that the officers and men of Butha eight banners made great efforts in the process of guarding the border and defending the country, which laid a solid foundation for the security and stability of the border of the Qing Dynasty [Lan Yanchao, 2014. P. 121]. Instead of interpreting their ethnic diversity as a potential for destabilizing the borderland region, they are seen as a valuable asset to the national unity of China, as a whole.

When seeking to integrate the Qing into the field of Empire Studies, one has to pose the question, how non-Western history can and should be analyzed on the basis of concepts developed for Western cases and how to understand the analytical category of “Empire” in such a way that it fits a wide range of unique historical processes of Empire-Building.

In regard to the case of the Qing Empire, scholars remain split on how to conceptualize the “Qing formation”. While Ge Zhaoguang refers to the Qing as a “colonial enterprise” [Ge Zhaoguang, 2016], at the same time he insists that the meaning of Empire has to be adapted, to include the Qing case, or not be applied at all. The application of the term “empire” onto the Qing is seen as a Western imposition that not only is simplifying complex processes of empire-building to fit a pre-existing mold, but also does not fully grasp the role of Qing as a Chinese dynasty, by firmly concentrating on the Qing as a colonial empire.

Especially reflections on the multiethnic nature of the Qing Empire have to confront the problem of how to conceptualize “Zhongguo”, not just in regard to the Empire, but also in relation to the Republican era that followed. Gao Zhang points out that the Manchu Emperors expanded the definition of Zhongguo (中國) and made it “flexible” by using that term to refer to the entire empire and all of its subjects as “zhongguo zhi renmin” (中国之人民). He argues that China’s modern national identity as a multiethnic unified state stems from this re-interpretation by the Qing [Zhao, 2006]. A conceptualization of Qing history as a “colonial empire” is therefore also seen as a threat to territorial unity of China in regard to territories that were conquered under the Qing [Ge Zhaoguang, 2016].

New Imperial History

“New Imperial History” offers a novel approach to the study of Empire that intends to redefine the category of Empire and as a result include empires that previously remained at the fringes of the field.

The origin of “New Imperial History” lies in studies on the British Empire [Armitage, 2009], deployed to study the 19th and 20th centuries. At the same time, but quite apart from Western European histories, a body of new writing on Russian and Soviet history was developed around the journal *Ab Imperio*. Sergey Glebov and Ilya Gerasimov, to name two of the editors of *Ab Imperio*, pose questions regarding ethnicity and nationality, colonial relationships of domination, and altogether reflect on the potential of empire as a critical analytical category [Gerasimov, 2010. P. 7].

The paradigm shifts of the “Imperial turn” are conceived as a departure from conventional economy based theories of studying imperialism and no longer frames imperial expansion as imperialism. Instead, by framing imperial expansion as Empire-Building it puts an emphasis on the collaboration with local groups as mediators between center and periphery and as facilitators of Empire-Building. Empire-Building itself is framed as a process of negotiating and highlights the agency of local groups at the periphery. “New Imperial History” is moving away from Imperialism theories that frame imperial expansion as a result of economic problems of the center. Newer theories conceptualize Empire-Building as a hybrid process, in which both conquerors and conquered participated and in which transfer between periphery and center occurred in both directions [Hirschhausen, 2015. P. 756].

This approach strives for locality instead of universality, meaning it adapts a local perspective and uses less universal categories. By following this approach, scholars are looking for resemblances in local cases of Empire-Building. Often, researchers adopt a very broad definition of “Empire”, in order to include non-Western cases. However, in doing so, they run the risk of the category of “empire” essentially becoming meaningless.

The label “New Imperial History” is relatively new to the study of the Qing Empire. In order to apply the approach of “New Imperial History” to the Qing not only does one have to search for parallels and resemblances in Empire-Building strategies by adopting a local lens, but also has to put the focus on exchange of knowledge between Empires, not just within Empires and their subjects. The impulse for viewing empires no longer as unique cases that offer only imperfect points of comparison, but instead as connected and entangled, comes from the field of Subaltern studies. Supramanyan has made the for a “connected history of empires”, which seeks to uncover links that operated across formal borders of imperial formations [Subrahmanyam, 1997. P. 739]. Such an approach draws equally on the “comparative” and “connected” methodologies of imperial and Global historians.

Conclusion: Empires Studies and Global History

In conclusion, there are signs that a cross — fertilization of methodologies and approaches between Global History and Empire Studies is undertaken in the development of the “New Imperial History”. This convergence can lead to insightful results regarding the comparative analysis of Empire-Building. Global History is fundamentally the history of connectedness and holds great potential to locate Qing history within broader structures of Empire-Building and interactions between center and periphery.

The Qing are increasingly being recognized as an early modern Eurasian power, as a maritime as well as continental empire, and as a multiethnic empire, following a Non-Sinocentric approach. While the approach of “old” imperialism puts the multiethnic Qing state of Inner Asia at the forefront, to write a truly Global History of the Qing Empire-Building, I argue that the integration of approaches of the “New Imperial History” offers valuable additions, especially as writing a connected history of the Russian and Qing Empire.

The term “Empire” represents a category that holds great potential for the studying of the Qing History. While there have been made great strides in the analysis of Qing historical sources held in national archives, I argue that the history of the Qing should be written as a part of a global, connected history of Empires, which would be incomplete without the integration of the Qing.

Ultimately, the integration of the Qing Empire into the field of Global history can be achieved by treating the process of Qing Empire-Building at its peripheries, such as Northern Manchuria, as a local phenomenon that can and should be compared to other frontiers, such as the Russian Empire in Siberia. The best approach of including the Qing in analyses of Empire-Building and imperialism should make use of the comparative method, integral to the field of Global History, and assuming a local-historic approach.

References

- Armitage David*, *The British Atlantic World: 1500 – 1800*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009.
- Crossley Pamela K.*, *A Translucent Mirror: History and Identity in Qing Imperial Ideology*. The Philip E. Lilienthal Asian Studies Imprint. Berkeley: University of California Press, 1999.
- Darwin John*, *After Tamerlane: The Rise and Fall of Global Empires, 1400–2000*. London: Penguin, 2008.
- Dunnell Ruth W., Elliott Mark C., Foret Philippe, and Millward James A.*, *New Qing Imperial History: The Making of Inner Asian Empire at Qing Chengde*. Richmond: Taylor and Francis, 2004.
- Elliott Mark C.*, *The Manchu Way: The Eight Banners and Ethnic Identity in Late Imperial China*. Stanford, Calif.: Stanford UnivPress, 2006.
- Frank Andre Gunder*, *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley: University of California Press, 1998.
- Ge Zhaoguang*, 葛兆光. “Between Name and Reality — the Debate on ‘Sinicization’, ‘Colonization’ and ‘Empire’ [名实之间—有关「汉化」、「殖民」与「帝国」的争论] // *Journal of Fudan University* [复旦学报] no.6 (2016): Pp. 1–11.
- Gerasimov Ilya, Glebov Sergey, Kusber Jan, Mogilner Marina, and Semyonov Alexander*. *New Imperial History And The Challenges Of Empire // Empire Speaks Out. Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire*. Leiden: Brill, 2010. Pp. 1–32.
- Glahn Richard v.* Introduction // *Struve Lynn A.* (ed.) *The Qing Formation in World-Historical Time*. Cambridge, Mass.: Harvard University Asia Center, 2004. Pp. XI–XVI.
- Harvey David*, *The New Imperialism*. Clarendon Lectures in Geography and Environmental Studies. Oxford: University Press, Incorporated, 2003.
- Hirschhausen Ulrike v.*, “A New Imperial History? Programm, Potenzial, Perspektiven.” *Geschichte und Gesellschaft* 41, no. 4 (2015): Pp. 718–57.
- Hostetler Laura*, *Qing Colonial Enterprise: Ethnography and Cartography in Early Modern China*. Chicago: Univ of Chicago Press, 2001.
- Kappeler Andreas*, *Rußland als Vielvölkerreich: Entstehung — Geschichte — Zerfall*. Beck’sche Reihe 1447. München: Beck, 2008.
- Lan Yanchao, 兰延超, and Li Deshan 李德山. 清代布特哈八旗编设的历史作用 [Qingdai Buteha Baqi She de Lishi Zuoyong, The Historical Roles of the Establishment of the Butha Eight Banners in the Qing Dynasty] // *Academic Exploration* [学术探索] no. 6 (2014): Pp. 119–125.
- Lieven Dominic*, *Empire: The Russian Empire and Its Rivals*. New Haven: Yale UnivPress, 2002.
- Millward James A.*, *Beyond the Pass: Economy, Ethnicity, and Empire in Qing Central Asia, 1759–1864*. Stanford: Stanford UnivPress, 1998.
- Mosca Matthew*, *The Qing Empire in the Fabric of Global History // Belich James, John Darwin, Margret Frenz, and Chris Wickham. The Prospect of Global History*. Oxford: University Press, 2016. 108–123.

Motyl Alexander J., *Imperial Ends: The Decay, Collapse, and Revival of Empires*. New York: Columbia UnivPress, 2001.

Perdue Peter C., *China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 2005.

Perdue Peter C., *Comparing Empires: Manchu Colonialism* // *The International History Review* 20, no. 2 (1998): Pp. 255–62.

Perez-Garcia Manuel., *Global History with Chinese Characteristics: Autocratic States along the Silk Road in the Decline of the Spanish and Qing Empires 1680-1796*. Palgrave Studies in Comparative Global History. Singapore: Springer Singapore Imprint: Palgrave Macmillan, 2021.

Rawski Evelyn S., *Presidential Address: Reenvisioning the Qing: The Significance of the Qing Period in Chinese History* // *The Journal of Asian Studies* 55, no. 4 (1996): Pp. 829–50.

Rieber Alfred J. and *Miller A.I.* (ed.) *Imperial Rule*. Budapest: Central European University Press, 2004.

Schneider Julia C., *A Non-Western Colonial Power? The Qing Empire in Postcolonial Discourse* // *Journal of Asian History*. 54, no. 2 (2020): Pp. 311–42.

Subrahmanyam Sanjay, *Connected Histories: Notes towards a Reconfiguration of Early Modern Eurasia* // *Modern Asian Studies* 2, 31, 3, no. 3 (1997): Pp. 735-762.

Sugar Peter F., *Nationality and Society in Habsburg and Ottoman Europe*. Collected Studies Series 566. Aldershot: Variorum, 1997.

Wong Bin R., *China Transformed: Historical Change and the Limits of European Experience*. Ithaca: Cornell University Press, 2018.

Zhao Gang, *Reinventing China: Imperial Qing Ideology and the Rise of Modern Chinese National Identity in the Early Twentieth Century* // *Modern China* 32, no. 1 (2006): Pp. 3–30.

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

УДК 930+94(520)+913+008

DOI 10.25205/978-5-4437-1268-0-67-73

A. V. Philippov

St. Petersburg State University, St.Petersburg, Russia

TRENDS IN THE HISTORIOGRAPHY OF JAPAN FROM THE MIDDLE OF THE 19TH CENTURY TO THE EARLY 21ST CENTURY (Japanese History manuals, reference books and monographs — editions in Russian and English)

This article deals with an analysis of changes in Russian and English historiography on the history of Japan. The range of publications taken into account is restricted to the scholarship considering the history of Japan throughout its entire length — from Ancient times to the present days. The review covers the period from the middle of the XIX century (the revolution in Japan) to the turn of the XX–XXI centuries. In general, trends of changing in the nature of publications both in Russian and in English are often very similar. The second half of the XIX century provided the appearance of purely author's writings, in contrast to compilative works that prevailed earlier. At the turn of the XIX–XX centuries, there was a transition to professional works written by the true students of Japan, who had an experience of staying in the country (V. Kostylev 1888, F. Brinkley 1912, J. Murdoch 1903–1926). The dawn of the XX century in Russia had made it clear that there was a lot of lacks and omits in the Japanese studies and brought the understanding that the common weakness should be overcome. Soon, the next stage developed into a transition to Soviet power which led to compelled desperate attempts to find the ways to present scholarly results in a manner compliant with the new ideology (E. Zhukov 1939). In the second half of the XX century, a problem-oriented approach in the studies of Japanese history became an innovation, which looked similar enough both in Russian and English language publications (Kh.Eidus 1968, E.Reischauer 1958-1965, G.Sansom 1958–1963). At the end of the XX century, there was a trend to creation multi-volume collective monographs, in contrast to previous individual author's efforts on monographs writing (Cambridge History of Japan 1989–1999 in 6 volumes; History of Japan 1998 in 2 volumes, IOS RAS = IVRAN, Moscow). The early XXI century was marked by the beginning of collaborative research conducted by authors from multiple scientific institutes. Some similarity of changes in the nature of publications written by scholars from different countries during the XX century may be interesting for readers who are fond of Japanese history.

Keywords: Edwin Reischauer, Evgeny Zhukov, Frank Brinkley, George Sansom, Historiography on Japan, History of Japan as a whole, James Murdoch, Japanese History reference books and monographs, Khaim Eidus, Vassily Kostylev.

А. В. Филиппов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

**ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ИСТОРИОГРАФИИ ЯПОНИИ
В СЕРЕДИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА
(учебники и обзорные монографии на русском и английском языках)**

Данная статья посвящена анализу изменений в историографии по истории Японии на русском и английском языках. В расчёт принимались издания, где история Японии излагалась на всём её протяжении — от древности до наших дней. Рассматривается время с середины XIX в. (буржуазная революция в Японии) до рубежа XX–XXI вв. В целом тенденции изменений в изданиях на русском и английском языках имеют много общих черт. Для второй половины XIX в. характерно появление чисто авторских публикаций в отличие от трудов компилятивного характера, преобладавших ранее. На рубеже XIX–XX веков произошёл переход к профессиональным работам, написанным настоящими исследователями в области японоведения, имевшими опыт пребывания в Японии (В. Костылев 1888, Ф. Бринкли 1912, Дж. Мёрдок 1903–1926). На заре XX века в России стало ясно, что в японских исследованиях было много недостатков и упущений, общую слабость следует преодолеть. Вскоре следующий этап перерос в переход к советской власти, что привело к вынужденным попыткам найти способы представления научных результатов соответственно новой идеологии (Е. Жуков, 1939). Во второй половине XX в. новшеством стал проблемный подход в изложении истории Японии, нашедший схожие формы проявления в трудах и на русском, и на английском языках (Х. Эйдуз 1968, Э. Рэйшауэр 1958–1965, Дж. Сэнсом 1958–1963). В конце XX века наметилась тенденция к созданию многотомных коллективных монографий, в отличие от прежних усилий отдельных авторов по написанию таковых (Кембриджская история Японии 1989–1999 годов в 6 томах; История Японии 1998 года в 2 томах, ИВ РАН). Начало XXI века ознаменовалось появлением совместных исследований авторов нескольких научных учреждений и центров. Некоторое сходство изменений в характере публикаций, написанных учёными разных стран в течение XX века, может оказаться интересным для читателей, увлекающихся японской историей.

Ключевые слова: В. Я. Костылев, Дж. Мёрдок, Дж. Сэнсом, Е. М. Жуков, историография по Японии, история Японии в целом, учебники и обзорные монографии по истории Японии, Ф. Бринкли, Х. Т. Эйдуз, Э. Рэйшауэр.

The scholarly field of area studies on Japan has quite a long history in Russia. However, this essay suggests to mainly leave apart the very early stage of compilative publications on Japan in Russian (despite of their highly recognized value). First handwritten materials of the kind appeared in the late 17th century and included Cosmographies (world descriptions with rather vast maps set attached) or partly copied parts of them to be used by the representatives of Russian elite and aristocracy as reading for amusement, etc. This phase was followed by the appearance of the first printed editions that described Japan. This kind of books had been printed from 1734 to 1854 with the intention of creating a reliable image of the Land of Japan, almost unknown to Europeans that time. Probably, the assumed readers could be only upper society members or scholarly persons due the several reasons, like limited number of copies, their high price and relatively low literacy rate among the general population. The book of 1734 in three volumes was produced by the two generously talented translators from Academy of Sciences, who had compiled the book not only as translation, but as a result of involvement and revaluation of some available materials. The book creators, Stephan Korovin

Sinbirenin and Ivan Gorlitsky, entitled their edition *Depiction or Relation of Japan (...)*, or *Opisanie o Yaponie* [in Russian]. It is highly probable that the main source for the above mentioned book was the travel notes of Jean-Baptiste Tavernier, 1679. The compilation of such treatises in Russia, and in Europe as well, was a process full of creativity, pursuing new data, to probe trail to the abroad lands unknown and mysterious. In writings of this kind an author sometimes could have a motivation to give free rein to imagination and at the same time to use materials rarely accessible or imprecise (heard from somebody or mentioned someway somewhere). Those days, in the books it was not common (different from nowadays) to give exact indications for the source where data were taken from. Definitely, the work of a compiler, editor or translator was extremely laborious and responsible. The appearance of a publication (means, certain country-studies) on history, culture and geography sometimes determined the readers' perception of Japan for decades ahead (in some cases, for hundreds years).

First of all, the purpose of the essay is to analyze the changes in literature that led to the "true discovery of Japan" (means, someway understanding) for foreigners in the mid-XIX century. The next point is to trace the followed new scientific and methodological transformations in the genre of publications at the dawn of the XX century and later (the steady advance and genre changes were evident hereafter in the middle and in the late of the XX century). For detailed consideration of the problem, a need for restriction is obvious, so, the proposed review includes only books or monographs on Japanese history (even, just the works presenting and covering its entire history). Both the cases of books in English or in Russian, the "trends of change" turned out to be rather similar. Foremost, at the dawn of the XX century and even earlier, quite different to the old writings on Japanese studies, there was a transition to the coming of "unique and original authorship" works, and actually widely relying on author's personal "life-in-Japan experience". The first scholarly publications of those years abound with data on personalities, on the deeds of notorious historical figures. Among the English-written books on Japanese history, there are impressive one-volume opus of Frank Brinkley (publ. 1912) and the even more grandiose three-volume edition by James Murdoch (published in 1903–1926). As for the Russian scholarly works, the fundamental '*An Essay on the history of Japan*' was prepared by Vassily Kostylev in 1888 on the base of original Japanese documents and materials. Each of the three above mentioned authors had a significant practical experience of staying in Japan for a long time (due to diplomatic, journalistic or some other activities of an author). The above facts are quite enough to assess the depth and significance of these first scholarly publications on the history of Japan (Fig. 1).

The shifts in political history and global changes often proved to be a powerful push-factor for the emergence of new publications about Japan. For Russia, one of such a reasoning incentive was the Russo-Japanese war of 1904–1905. Another serious reasons for the speedy rise of the "publication activity" in Russia were the Japanese Siberian Intervention in 1918–1922 and, afterwards in the 1930s, — Japan's aggressive plans against China and Manchuria (including the Soviet-Japanese border conflicts on the lake Khasan 1938 aka the Changkufeng Incident, and on the river Khalkhin Gol aka the Nomonhan Incident 1939). The threads on Japan has become topical and had led to the emergence of a massive flow of publications, often politically and ideologically biased, but at the same time they were distinguished by an extremely lively speech and an approach to the raising of questions. However, in general the period specifics can be characterized as a variety of small forms and genres (from propaganda posters, cartoons, leaflets — and up to scientific publications, of course, fully accordant to ideology and the spirit of the times). In the frames of the theme discussed, it can be hard to draw any parallels somehow regarding the publications exactly on the history of Japan as a whole. However, it should be noted that for the U.S., that time turned out to be an extremely significant period of the very creation of such a scientific discipline as Japanese studies — thanks to the endeavours of Edwin Reischauer and Serge Eliseeff (an American born in Tokyo, and a Russian emigrant graduated from Tokyo Imperial University). For the Japanology in Soviet Union (despite the

Fig. 1. Vassily KOSTYLEV, 1888 [in Russian]. Frank BRINKLEY, 1912.
James MURDOCH, vols. I-III, 1903, 1910, 1926

incredible losses of qualified specialists on Oriental studies due to Stalin's repressions 1937–1938) it was the time when the Japanese studies in Soviet Russia (especially the vision and the treatment for the History of Japan) started acquiring its specifically Marxist peculiarities. Moreover, on the reason of ideologically compliant “decisions of the Communist Party and Soviet Government” in 1929 (about the purposes of Oriental studies) and 1934 (on the teaching of History), all the relevant subjects like History and Oriental studies as well, and, for sure, the History of Japan had been allocated as an independent fields of scholarly research and particular disciplines in science. Such circumstances formed the background for publishing of 'A History of Japan, a brief essay' by Evgeny Zhukov, 1939. Being the first consistent description of Japanese history done accordingly the perception principles of Marxist methodology, the book had gained the position of a fundamental manual and basic reference book on the history of Japan for many generations of Russian historians (at least until the end of the 1960s) (Fig. 2).

The second half of the XX century (1940s — 1980s) had brought a remarkable change — there was a transition to the problem-oriented historical approach in monographs. Among the Russian books that fully outline of Japanese history, there was such a big event as the publication of 'A History of Japan from Ancient Times to Nowadays' by Khaim Eidus, 1968. Perhaps, it is worth to make a special emphasis that this book was rather compact in volume, but impressively easy to read being very intelligible in terms. The problem-oriented historical approach combined with a focus on regional studies (in accordance with the spirit of time) was also embodied in the outstanding two-volume monograph by E.Reischauer (with co-authors). The two-volume 'East Asia' was published in English at the turn of 1950–1960 (U.S.); the volumes were named quite in line with the spirit of the “modernization theory” by E.Reischauer. The first volume was published under the title 'The Great Tradition' (1958), and the second one — 'The Modern Transformation' (1965). The problem-oriented approach is also evident in remarkable three-volumes 'History of Japan' by George Sansom (published in the U.S., 1958, 1961, 1963) (Fig. 3).

In the 1980s — 1990s, the tendency to produce fundamental publications or monographs prepared by a group of authors from one or another particular scientific institution, had started to prevail. The most ambitious project of this kind in English was the ‘*Cambridge History of Japan*’ in 6 volumes published in 1989–1999 in the United Kingdom of Great Britain (it took a dozen years to complete the project). Almost the same time, in Russian, ‘A History of Japan’ in 2 volumes was published by the Institute of Oriental Studies (Russian Academy of Sciences) and the Association of Japanologists, 1998 (Fig. 4). In addition, well-known for humanitarians, reference books and manuals on the history of Asian and African countries (ISAA, if to be abbreviated in Russian) published by Moscow and Leningrad Universities, as well as other institutions of higher learning had a lot of common with

Fig. 2. Evgeny ZHUKOV, 1939 [in Russian]. Khaim Eidus, 1968 [in Russian]

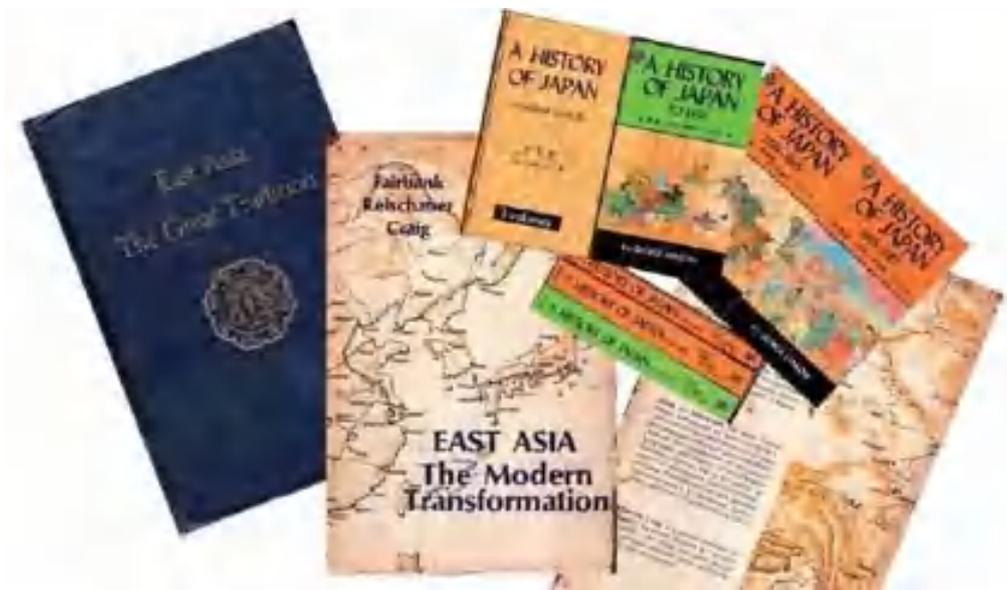

Fig. 3. Edwin REISCHAUER, vols. 1-2, 1958, 1965. George SANSOM, vols. 1-3, 1958, 1961, 1963 [in English]

these works (though not covering all periods of Japanese history, but with clear periodization division in middle ages, pre-modern, modern times, etc.).

The dawn of the XXI century in Russia revealed a new tendency in compiling collective monographs written by authors from several different scientific institutions. For example, among such works there is a number of books edited by Alexander Mescheryakov; 'A History of Japan' edited by Dmitry Streltsov, 2015, etc. A sort of an addition to this book could have been another important publication under his editorship — 'Japan in the Epoch of Great Transformations', 2020 (Fig. 5). Although this book does not set out the history of Japan throughout its entire length, it profoundly and convincingly presents a number of facets in the evolution of Japan over the last century and

Fig. 4. History of Japan 1998 in 2 volumes, IOS RAS = IVRAN, Moscow [in Russian]. Cambridge History of Japan 1989-1999 in 6 volumes [in English]

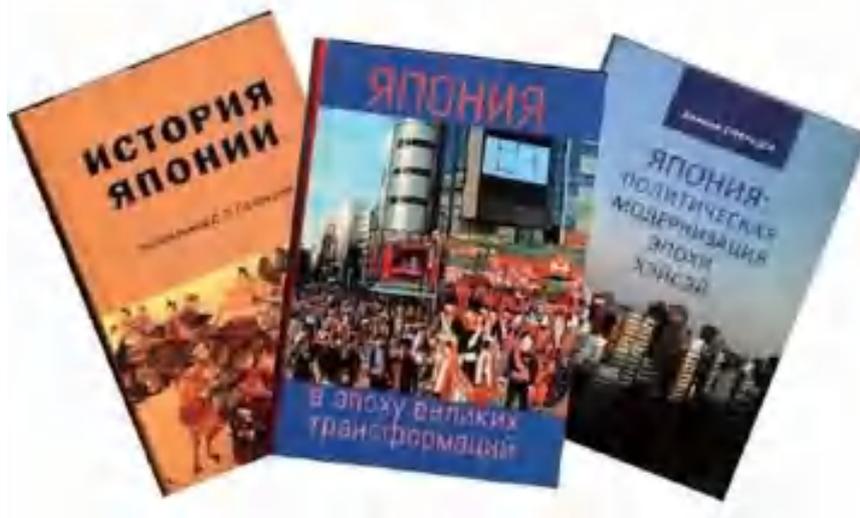

Fig. 5. [edited by Dmitry Streltsov] A History of Japan, 2015; Japan in the Epoch of Great Transformations, 2020, etc. [in Russian]

a half. Concluding this brief review of historiography on Japan (in Russian and in English publications), we should note that through the XX century scholarly approaches to the general review works on the history of Japan as a whole have changed significantly, showing the new trends hardly expected before.

References

Brinkley Frank. A History of the Japanese People from the Earliest Times to the End of the Meiji Era. London, New York: Encyclopaedia Britannica, [1912], 1915. 784 p.

Eidus Kh. T. Istoriya Yaponii s drevneishih vremen do nashih dnei: kratkii ocherk [A History of Japan from Ancient times to nowadays, a brief essay]. Moscow: Nauka, GRVL, 1968. 223 p. (in Russ.)

Fairbank J.K., Reichauer E. O. East Asia: The Great Tradition. Boston: Houghton Mifflin, 1958. 739 p.

Fairbank J.K., Reishauer E. O., Craig A.M. East Asia: The Modern Transformation. Boston: Houghton Mifflin; Tokyo: Tuttle, 1965. 954 p.

Istoriya Yaponii [A History of Japan], ed. by D.V. Streltsov. Moscow: Aspect Press, 2015. 560 p. (in Russ.)

Istoriya Yaponii [A History of Japan]. Vols.1-2, ed. by A. E. Zhukov. Moscow: IV RAN, 1998. 659, 703 p. (in Russ.)

[*Kostylev V.Ya.*] Ocherk istorii Yaponii, sostavlennii V.Kostylevym [An Essay on the History of Japan, compiled by V.Kostylev]. St.Petersburg: publ. by V.Bezobrazov & Co., 1888. 1, xxiv, 446 p. (in Russ.)

Murdoch James. A History of Japan. Vol.I: From the Origins to the Arrival of the Portuguese in 1542 [1st publ. 1903]; Vol.II: During the Century of Early Foreign Intercourse (1542-1651) [1st publ. 1910]; Vol.III: The Tokugawa Epoch 1652-1868; written 1917, posthumously ed. & revised by Joseph H.Longford (1926). London: Kegan Paul, Trench & Co, 1925-1926. 667, 743, 823 p.

Sansom G. B. A history of Japan. Vols.1-3. Stanford: Stanford Univ. Press, 1958, 1961, 1963. 500, 464, 272 p.

The Cambridge history of Japan. Vol. 1. Ancient Japan, ed. by Delmer Brown [1993]; Vol. 2. Heian Japan, ed. by Donald Shively and William H. McCullough [1999]; Vol. 3. Medieval Japan, ed. by Kozo Yamamura [1990]; Vol. 4. Early modern Japan, ed. by John Whitney Hall and James McClain [1991]; Vol. 5. The Nineteenth Century, ed. by Marius Jansen [1989]; Vol. 6. The Twentieth Century, ed. by Peter Duus [1988]. Cambridge: Cambridge univ. press, 1989-1999. 577, 739, 701, 812, 812, 826 p.

Yaponiya v epohu velikih tranformatsii [Japan in the epoch of great transformations], ed. by D. V. Streltsov. Moscow: AIRO-XXI, 2020. 320 p. (in Russ.)

Zhukov E. M. Istoriya Yaponii, kratkii ocherk [A History of Japan, a brief essay]. Moscow: Sots Ekgiz, 1939. 220 p. (in Russ.)

П. Э. Подалко

Университет Аояма Гакуин, Токио, Япония

«ЗАБЫТЫЙ ГЕРОЙ»: ГЕНЕРАЛ Н. Н. МУРАВЬЕВ И РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ XIX ВЕКА

История российской дипломатии, как и любой другой, знала периоды взлетов и падений; при этом наибольшие успехи, как локального, так и глобального масштаба, нередко достигались не профессиональными дипломатами, а лицами, как бы случайно оказавшимися «в нужное время в нужном месте», что отчасти подтверждает мысль мемуариста о российском «умении всегда пользоваться людьми обратно их талантам». Одним из таких, неизменно нужных, людей, многократно служивших России в самых разных сферах и сделавших немало для повышения ее международного престижа, был генерал Николай Николаевич Муравьев-Карский (1794–1866). Военные заслуги генерала Муравьева достаточно известны его победами на Кавказе в ходе Русско-Персидской (1826–1827) и Русско-Турецкой (1828–1829) войн, а также в бытность его наместником и главнокомандующим на Кавказе во время Крымской войны (1855–1856). Менее изучены и описаны его дипломатические и разведывательные успехи, достигнутые в ходе экспедиции в Хиву (1819) и во время миссии в Турции (1832–1833), когда русский генерал выступил в качестве посредника по урегулированию конфликта между султаном Махмудом II и правителем Египта Мухаммедом-Али, подготовив почву для подписания между Россией и Османской империей двустороннего Ункиар-Искелесского договора, а также его деятельность на Кавказе во время Крымской войны, и меры по нейтрализации горцев Шамиля.

Ключевые слова: Восточный вопрос; русская дипломатия; горцы Кавказа; русско-турецкие отношения; человек на своем месте; профессиональный подход.

P. E. Podalko

Aoyama Gakuin University, Tokyo, Japan

«FORGOTTEN HERO» GENERAL N. N. MURAVIEV AND RUSSIAN DIPLOMACY OF XIX CENTURY

The success or failure of a nation's diplomacy depends to a large extent on the skill and experience of its representatives abroad. Fortunately, as it often happens with Russia and Russians, sometimes the personality of a certain man helps solve a problem when almost nobody expects any smart decision. For example, in the case of the military personnel as well as of foreign affairs staff in the so-called "Oriental things", one should mention the name of General Nikolai Nikolaevich Muraviev-Karssky (1794–1866). He began his military career in 1812 against Napoleon troops, and later served his sovereign and country

not only on battlefield but also as intelligence officer and skilled diplomat in Middle Asia, Turkey, Persia and Caucasus. While his military successes, especially victorious capture of the Turkish fortress of Kars (twice, in 1828 and 1855) made him very popular in Imperial Russia, Muraviev's achievements in diplomacy, including his role in signing of the Russo-Turkish Treaty of 1833, his later negotiations with Imam Shamil, and his intelligence duties still remain relatively unknown to the public. His professional attitude and eagerness to work effectively, ended up being example of the right man in the right place, who skillfully managed to strengthen Russian positions in the Orient in the first half of XX century. In general, this article has aimed to contribute to research on the history of Russian diplomacy in the Middle and Near East.

Key words: Oriental Problem; Russian diplomacy; highlanders of Caucasus, Russo-Turkish relations, right man in the right place, professional attitude

1. Семейное древо

Одной из причин явно недостаточного внимания отечественных и зарубежных историков к фигуре Н. Н. Муравьева видится обилие у него знаменитых родственников-однофамильцев, среди которых было также немало полных «именных двойников»; в принципе, подобное совпадение было достаточно типично в тогдашней Российской империи, но даже с учетом этого, тезки Муравьевы своим дублированием имен и чинов образуют достаточно редкую группу. Так, был период, когда в списках российских военных чинов одновременно числились сразу три генерала Муравьева, причем все трое были Николаи Николаевичи!

Эта особая «множественность» чрезвычайно разветвленной фамилии была рано отмечена современниками. «Муравьевых весьма много; некоторые из них — декабристы — вечно будут жить в признательной и благоговейной памяти россиян; другие...приобрели себе репутацию совсем иного рода», — так писал в своих очерках современник нашего героя, князь-эмигрант П. В. Долгоруков, являвшийся одним из наиболее осведомленных историков русского дворянства [Долгоруков, 1992. С. 312].

История рода Муравьевых берет свое начало в Рязанской земле. В конце XV века в княжестве Рязанском жил боярский сын Василий Алаповский, имевший трех сыновей: Осипа, по прозвищу «Пуца» [стал родоначальником дворян Пуциных — П. П.], Ивана, по прозвищу «Муравей», и Иова. Иван Васильевич Муравей, в свою очередь, имел четырех сыновей, давших начало шести ветвям Муравьевых, из которых будущий покоритель крепости Карс принадлежал к третьей ветви. Здесь можно также упомянуть, что наиболее известный на Дальнем Востоке России и в странах Восточной Азии представитель этого семейного «муравейника», генерал-губернатор Восточной Сибири граф Н. Н. Муравьев-Амурский (1809–1881) принадлежал к пятой ветви рода Муравьевых, берущей начало в первой половине XVI в. — как раз тогда, когда и произошло собственно разделение на отдельные фамилии этого столь богатого потомками дворянского рода.

Отец и полный тезка Н. Н. Муравьева, генерал-майор Николай Николаевич Муравьев (1768–1840), «человек умный и замечательной учености» [Долгоруков, 1992. С. 314], в молодости учился в Страсбургском университете, потом служил в армии и на флоте, и, наконец, выйдя в отставку, занялся сельским хозяйством. Будучи прекрасным математиком, он преподавал эту науку частным образом своим пяти сыновьям, а позднее стал учредителем и главным спонсором знаменитой в Москве Школы (позднее — Училища) колонновожатых, причисленной к военному ведомству и ставшей прямой предшественницей будущей Академии Генерального Штаба (открыта 26 ноября 1832 г.). С 1816 г. и вплоть до своего перевода в Петербург (1823), Училище Муравьева подготовило и выпустило 138 слушателей, из которых 127 человек были причислены к свите Его Величества по квартирмейстерской части.

2. Первая поездка на Кавказ и Хивинская экспедиция

Второй сын Н. Н. Муравьева, названный, как и отец, Николаем, родился 14 июля 1794 г. После обучения в родительском доме, в возрасте 16 лет, в феврале 1811 г. он прибыл в Петербург, где сдал экзамен на чин прапорщика, после чего был принят на должность преподавателя математики и фортификации в училище, которым руководил его отец. В 1812–1815 гг. Н. Н. Муравьев служил при квартирмейстерской части Гвардейского корпуса. К этому времени относится его знакомство с генералом А. П. Ермоловым (1772–1861), который в 1816 г., получив назначение посланником в Персию, включил штабс-капитана Муравьева в состав формируемого им посольства.

В октябре 1816 г. Муравьев впервые прибыл на Кавказ, где сразу же занялся топографической съемкой местности, периодически выезжая в приграничные районы на персидской и турецкой границах. Тогда же у него возникает стремление изучать местные языки, чему способствовали как чисто служебные интересы, так и желание как можно менее зависеть от переводчиков, которые на Востоке зачастую становились полноправными участниками переговоров и нередко вмешивались в работу военных и кадровых дипломатов.

Во время пребывания в Персии в составе посольства (1817) Муравьев посетил Эривань (ныне Ереван, столица Республики Армения — П. П.), Нахичевань, Тавриз, Тегеран, и везде продолжал вести записи в дневнике, начатом много лет назад и ставшем основой будущих подробных «Записок» Муравьева, которые он составлял на протяжении всей жизни.

Вскоре по возвращении в Тифлис (ныне Тбилиси, столица Республики Грузия-П. П.), у Ермолова возникла идея организации командировки Муравьева через туркменские земли в Хивинское ханство, формально — с целью проведения переговоров с Хивинским ханом о торговле. Однако, помимо официального, было и неофициальное задание: проведение описания Хивинского ханства, изучение местности, основных дорог и водных путей, сбор любых важных сведений, доступных внимательному профессионалу.

С 1817 по 1847 г. в структуре российского МИД существовало единственное подразделение, основанное на географическом признаке — Азиатский департамент, имевший «главным предметом своим дела азиатских народов, России подвластных, а равно и тех, с коими сие государство находится в торговых или в других каких-либо сношениях» [История внешней политики России, 1999. С. 245]. Однако, отсутствие четко выраженной восточной политики, неопределенность сухопутной границы (к тому времени казахские земли ещё не были освоены русскими и присоединены к империи) способствовали тому, что многое на азиатских рубежах решалось благодаря сугубо частной инициативе местных чиновников, либо не решалось совсем — при отсутствии таковой.

10 июля 1819 г. в Тифлисе генерал от инфантерии Ермолов вручил капитану Генерального штаба Муравьеву инструкцию относительно «экспедиции к Трухменским (туркменским — П. П.) берегам». Суть вопроса, прикрытая общими словами о будущей торговле и дружбе между ханом и царем, сводилась, по мнению современного историка, к следующему: узнать, «можно ли будет в случае войны с Персией вооружить и использовать туркменов» [Гордин, 2012. С. 485].

3 августа 1819 г. корвет «Казань» и шкот «Святой Поликарп» встали на якорь близ Серебряного бугра на восточном берегу Каспийского моря. Они доставили отправленную Ермоловым экспедицию в составе 140 человек, возглавляемую Елизаветпольским (Елизаветполь — так в 1804–1918 гг. именовался город Гянджа, ныне в Республике Азербайджан — П. П.) начальником майором Пономаревым, которому предписывалось заложить на восточном берегу Каспия крепость и пристань (будущий Красноводск, ныне — город Туркменбаши, Туркменская Республика — П. П.). Муравьев должен был содействовать Пономареву в выборе наибо-

лее удобного места для крепости, после чего отправиться в Хиву в сопровождении денщика, переводчика-армянина и туркменских купцов [Задонский, 1974. С. 123].

Завершив работу с Пономаревым и определив место закладки будущей крепости, 20 сентября Муравьев вместе с караваном туркмен отправился в Хивинское ханство под именем Мурад-бека, откуда возвратился назад, в Красноводскую бухту, 14 декабря, затратив, таким образом, на все путешествие, включая дорогу в оба конца, менее трех месяцев. 24 декабря он уже был в Баку, где получил приветственную депешу от главнокомандующего генерала Ермолова. Результаты поездки, включая переговоры с ханом и его окружением, были позднее обобщены в виде книги, вышедшей в Москве в 1822 г. — «Путешествие в Туркмению и в Хиву гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева», Москва, 1822 г. Книга вскоре была переведена на английский, французский и немецкий языки, а сам Муравьев признан лучшим в России знатоком закаспийских земель. Позднее он еще раз ездил по заданию Ермолова в туркменские земли (1821–1822), продолжая изучать региональные языки: грузинский, армянский, персидский, составил по приказу командующего турецкую грамматику, по которой позднее занимались, в числе прочих, сам А. П. Ермолов и его приближенный чиновник, поэт и дипломат А. С. Грибоедов.

Русско-персидская война 1826–1828 гг. дала новый толчок карьере Муравьева. Начав её командиром 7-го карабинерного полка, он заканчивал войну в качестве исполняющего обязанности начальника штаба всего Отдельного Кавказского корпуса. 15 марта 1828 г. Муравьев был произведен в генерал-майоры и назначен командиром гренадерской бригады [Задонский, 1974. С. 223]. Вскоре началась война с Турцией, которая окончательно определила «региональную специализацию» генерала Муравьева. За боевые подвиги при взятии крепостей Карс и Ахалцых в течение одной военной кампании, Муравьев был награжден подряд двумя Георгиевскими крестами (4-й и 3-й степени) — случай, редчайший в русской армии.

Во время подавления Польского восстания (1831) Муравьев командовал бригадой в армии фельдмаршала И. И. Дибича (Забалканского), но особых подвигов не совершал; позднее, ему под начало была дана пехотная дивизия, затем — корпус, а в 1838 г. он вышел в отставку и около десяти лет находился не у дел.

3. Новый подход к решению «Восточного вопроса» Ункиар-Искелесский договор 1833 г.

Ситуация вокруг решения так называемого «Восточного вопроса» с начала XIX в. начала радикально изменяться. По словам известного русского историка Ключевского, «Грандиозный план восстановления Византийской империи разбился на проекты простого раздела Турции подобно Польше» [Ключевский, 1983. С. 273]. Для всех участников этого процесса Турция виделась общеевропейской международной добычей, которая пока ещё держалась, сохраняя себя в качестве единого государства, но «не тем, что не надеялись ее разрушить, а тем, что не знали, что делать с ее развалинами: всех пугала не сила ее жизни, а следствия ее смерти» [Ключевский, 1983. С. 274]. Длительное время европейские правители не могли уяснить для себя интересы, во имя которых можно было действовать, которыми можно было прикрыться, не опасаясь при этом обвинений в одностороннем наращивании своей экспансии. На Западе долго не понимали национального существа дела — т. е., того, что под турецким владычеством сохранились народности, которые следовало освободить. По мнению всё того же Ключевского, «Присутствие народностей, которые могли бы составить независимые государства, стало уясняться Россией и Европой именно с восстания сербов и греков», при этом Россия в понимании данного вопроса несколько опережала страны Запада. Двойственность ситуации для России прошла со сменой

императора: если Александра I в его поддержке греческого движения за независимость связывали обязательства создателя и главного охранителя Священного Союза, то Николай Павлович не был сдерживаем этими обязательствами. Стоя на позиции сохранения принципа легитимизма, он вместе с тем «хотел видеть в вопросе то, что нашел: нашел народности, стремящиеся к независимости, и начал их освобождать» [Ключевский, 1983. С. 274], одновременно не забывая о российских государственных интересах — разумеется, так, как сам он их понимал.

«Иметь контроль над проливами, избавиться от серьезной опасности со стороны Англии, не пускать угрожающий чужой флот в Черное море, обезопасить все русское побережье Черного моря от обстрела кораблями любой державы, которая, в согласии с Турцией, пожелает громить русские приморские города, — таково было с давних пор одно из основных заданий, какие ставила себе русская дипломатия. ... При Екатерине и Александре дело доходило до войн, при Павле всё ограничилось мечтаниями царя над ростопчинским проектом присоединения балканских владений Турции и «подведения» их под скипетр всероссийский» — а это уже мнение по данному вопросу историка следующего поколения, академика Е. В. Тарле [Тарле, 2005. Т.1. С.74].

Русско-турецкая война (1828–1829), завершившаяся Адрианопольским мирным договором (1829) — единственная война, в которой император Николай I принял личное участие, — открыла новую эпоху во взаимоотношениях России и европейских держав после Венского конгресса; она оказалась также первой Русско-турецкой войной, популярной на Западе именно в либеральных кругах общества, и одновременно тревожной для европейских правительств, что явило собой расклад, обратный положению России в Священном Союзе. Император, только что подавивший у себя военную революцию (восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 г.), неожиданно для всех выступал за народную революцию на Балканском полуострове — в интересах преобладания России на Востоке. Это ознаменовало новый период в истории «Восточного вопроса», характерной чертой которого стала идея разложения Турции на «племенные части, расположенные к России», согласно удачному определению Ключевского.

В своем капитальном исследовании биографии Николая I современный учёный Л. В. Выскочков отмечает, что «как человек Николай Павлович мог лично симпатизировать некоторым национальным движениям». Так, в 1821 г., находясь в Берлине, тогда еще не император, а великий князь Николай активно участвовал в сборе средств в пользу восставших греков, и позднее не раз высказывался по греческому вопросу [Выскочков, 2003. С. 387].

Правда, диалектика истории проявилась также и в том, что балканские народы, добившиеся с помощью России государственной самостоятельности, затем начали ориентироваться на Запад, хотя русское влияние на них по-прежнему оставалось значительным.

Адрианопольский мирный договор (1829) в значительной степени приблизил Россию к разрешению вопроса о проливах, однако не дал все-таки того, что русский царь считал главным. В этом смысле новые события в Турции, развернувшиеся в 1832 г., пришлось как нельзя кстати, создав для России неожиданно благоприятную ситуацию.

В 1832 г. правитель Египта, Мухаммед-Али, поднял вооружённое восстание против султана Махмуда II. Египетская армия разбила турок под Хомсом (ныне на территории Сирии — П.П.), заняла Сирию и двигалась на Стамбул, в то время как египетский флот блокировал турецкую эскадру под Мармарицей. Египет, считавшейся неотделимой частью Турции под управлением наместника султана, грозил полным отделением от метрополии, с захватом также Сирии и ряда приморских областей. Угроза распада Османской империи была налицо, причем все это началось достаточно внезапно, события развивались стремительно, и времени на раздумья у европейских правителей попросту не было. Русское правительство решило использовать сложившуюся ситуацию с максимальной пользой для себя, и по возможности расширить свои преимущества, полученные благодаря только что заключенному Адрианопольскому мирному договору.

польскому мирному договору. Было решено послать в Турцию и Египет официального представителя, но при этом не профессионального дипломата, чтобы лишний раз не раздражать английскую и французскую стороны. Турецкие власти некоторое время колебались, надеясь на аналогичные ходы со стороны западных держав, но кроме слов ободрения, оттуда ничего не последовало. В конечном итоге, английские заверения в истинной дружбе уступили предложению немедленной помощи, прозвучавшему из Петербурга.

Выбор царя пал на генерала Николая Муравьева, который в то время находился в официальном отпуску по армии и поэтому мог рассматриваться как частное лицо. Знание Муравьевым восточных языков (к тому времени он, помимо основных европейских, владел также турецким, персидским и арабским языками) значительно увеличивало шансы миссии на успех, ибо он сочетал в себе и посланника и переводчика — случай по тем временам весьма редкий, особенно для работы на Востоке. В подкрепление миссии Муравьева, в Севастополе к выходу готовилась эскадра Черноморского флота из девяти кораблей под командованием контр-адмирала М. П. Лазарева.

9 декабря 1832 г. русский фрегат «Штандарт» вошел в пролив Босфор, а уже 11 декабря Муравьев и посол России в Турции А. П. Бутенев нанесли первый визит султану Махмуду II, после чего 23 декабря «Штандарт» с обоими русскими представителями на борту отплыл в Египет. Результатом переговоров с противоположной стороной было полное прекращение ею военных действий. Султан объявил, что отдает себя под защиту русского императора, 20 февраля того же года эскадра контр-адмирала Лазарева вошла в Босфор, а в долине Ункиар-Искелеси высадился 10-тысячный пехотный корпус, поступивший (как и моряки эскадры) под общее командование генерала Муравьева. Англия и Франция вынуждены были занять примирительную позицию, побуждая султана пойти на соглашение с русскими, чтобы поскорее убрать русские войска из окрестностей Стамбула. В Турцию прибыл полномочный представитель императора граф А. Ф. Орлов, взявший на себя официальные переговоры и заставивший египетскую сторону подписать мир с султаном. В итоге, Мухаммед-Али вновь признавал себя вассалом Махмуда II и получал в управление Сирию, а Россия 8 июля 1833 г. заключила с Турцией Ункиар-Искелесский оборонительный договор сроком на восемь лет, секретная статья которого закрывала пролив Дарданеллы для прохода любых военных судов третьих стран под любыми предлогами. Тем самым ликвидировалось «единственное слабое звено в русской государственной обороне» [Тарле, 2005. Т. 1. С. 82]. Договор этот позволил России мирным путем достигнуть столь желаемого ею контроля над Черноморскими проливами, чего она безуспешно добивалась в ходе многочисленных войн на протяжении почти двух столетий.

Подписание турками договора о фактическом покровительстве их со стороны православного государства в 380-ю годовщину падения Константинополя (29 мая 1453 г.) и превращения его в Стамбул выглядело не только символично, но и знаменательно в свете поворота России к поиску новых путей решения «Восточного вопроса».

Спустя 6 лет Мухаммед-Али вновь поднял восстание против султана, в ходе подавления которого турецкие войска опять были разбиты, Махмуд II внезапно скончался, а его сын Абдул-Меджид обратился за помощью уже не к одной России, а одновременно к представителям всех великих держав. Итогом их участия стало заключение в Лондоне так называемого «Договора четырех держав» (Россия, Англия, Австрия и Пруссия) для спасения Турции (заключен 15 июля 1840 г.), дававшего последней «коллективную защиту». Николай I при этом отказался от продления Ункиар-Искелесского договора, хотя это право продления предусматривалось договором 1833 г., а Россия тем самым потеряла все свои односторонние преимущества в проливах и на Черном море, получив взамен гарантию великих держав о запрете прохода военных судов через проливы. С этого времени постепенно начинает обостряться соперничество России с Англией на Ближнем и Среднем Востоке.

4. Снова на Кавказе: Второе взятие Карса и нейтрализация Шамиля

Во время Крымской, или Восточной, войны (1853–1856), Кавказский театр военных действий с самого начала рассматривался как периферийный участок: в качестве противника здесь выступали одни турки, масштаб вооруженных столкновений, особенно на раннем этапе военных действий, также уступал севастопольским боям. Однако со временем возросла угроза высадки турецкого (а в перспективе — и английского) десанта на западном побережье Кавказа, могущая привести к утрате русскими обширной территории, да и в Закавказье турецкие войска под командованием многочисленных английских, венгерских и польских офицеров готовились к переходу в наступление. В этой ситуации семидесятидвухлетний наместник князь М. С. Воронцов (1782–1856), давно просившийся в отставку, сдал дела генералу от кавалерии Н. А. Реаду и уехал в Германию лечиться. Генерал Реад, в свою очередь, растерялся от оказанного ему столь неожиданного доверия, так как будучи профессиональным военным, не привык к административной деятельности: он, в буквальном смысле слова, впал в панику и, в конце концов, подал доклад императору Николаю I о необходимости вывести русские войска с Кавказа, скрыть имеющиеся там укрепления, т. е., по сути, сдать территорию противнику. Императору стало ясно, что требуется срочно искать нового кандидата на роль главнокомандующего на Кавказе. Вскоре после получения Николаем I упомянутого доклада состоялась («к счастью России», по выражению мемуариста П. В. Долгорукова) аудиенция генерала Н. Н. Муравьева у цесаревича Александра Николаевича (будущего императора Александра II — П. П.).

После начала Крымской войны Н. Н. Муравьев был назначен в Финляндию на смену тамошнему генерал-губернатору барону П. Н. Рокасовскому (1797–1869), «отличному начальнику края во дни мира и тихой гражданской деятельности», по мнению П. В. Долгорукова. Проезжая Петербург по пути в Финляндию, Муравьев отправился представиться цесаревичу, который спросил у него, как старого «кавказца», мнение о докладе генерала Реада. Ответ Муравьева был краток: «Кавказ нельзя отдавать на жертву туркам и горцам; Кавказ отстоять можно и должно» [Долгоруков, 1992. С. 234]. Наследник сообщил этот ответ царю, и Муравьев, ставший незадолго до этого генералом от инфантерии (т. е., полным генералом — П. П.) был 29 ноября 1854 г. вновь назначен на Кавказ — на сей раз уже в качестве наместника и командира Отдельного Кавказского корпуса.

Известная всем резкость Муравьева, его прямое и, временами, достаточно крутое, обхождение, особенно по контрасту с его предшественником Воронцовым, знаменитым своей мягкостью и «английской» сдержанностью, явились на Кавказе тяжёлыми нововведениями. Будучи строгим к самому себе, он был строг и по отношению к другим, и не обращал ни малейшего внимания ни на знатность человека, ни на его блестящие придворные связи. «Богато одаренный от природы и умом, и нравственными качествами, но вместе с тем натура цельная, натура неотшлифованная, до крайности угловатая» (по оценке все того же П. В. Долгорукова — П. П.), Муравьев принял командование в ситуации, когда практически любой другой на его месте постарался бы отказаться от такого назначения. Просьба его о людских и материальных подкреплениях была сразу же отвергнута императором ещё до выезда генерала из Петербурга, т. е. надеяться приходилось лишь на уже имевшиеся силы, которых было заведомо мало, и на самого себя как полководца. Следует отметить, что назначение Муравьева было в целом положительно оценено в обществе и при дворе, что отчасти подтверждается мнением, выраженным фрейлиной цесаревны (будущей императрицы Марии Александровны — П. П.) А. Ф. Тютчевой: «Муравьев почти единственный генерал, на которого Россия может рассчитывать» [Тютчева, 2001. С. 201].

Главным военным итогом полуторагодового пребывания Муравьева в качестве наместника и главнокомандующего на Кавказе, стало взятие его войсками крепости Карс с 16-ты-

сячным гарнизоном во главе с английским генералом Уильямсом, состоявшееся 16 ноября 1855 г. Среди трофеев, помимо прочего, были захвачены 130 пушек и 30 000 ружей. Описывая обстановку в столице, А. Ф. Тютчева отмечала в своем «Дневнике» 2 декабря: «Известие о занятии Карса сильно подняло здесь дух. Это было крайне необходимо... теперь мы снова можем дышать. ... Непобедим народ, который верит сам в себя». Спустя два дня, 4 декабря 1855 г., последовала новая запись: «Я написала Николаю Муравьеву и поздравила его. Я очень горда тем, что Россия обязана своим первым успехом в этой войне одному из самых близких моих друзей. ... Там совершаются великие события.» [Тютчева, 2001. С. 222–223]. В тот же день было объявлено о награждении генерала-от-инфантерии Н. Н. Муравьева Георгиевским крестом 2-й степени и почетной приставкой к фамилии «Карский».

Из истории русско-турецких войн известно, что в XIX в. русская армия брала крепость Карс четыре раза — в 1807, 1828, 1855 и 1878 гг., причем два раза из четырех это осуществили войска под командованием генерала Н. Н. Муравьева. На Парижском мирном конгрессе (1856), подводившим итоги Крымской войны, сухопутная крепость Карс была фактически обменена на морскую крепость Севастополь; по словам подполковника Генерального штаба Аверьянова, «все завоевания кавказских войск... были той ценой, которую России пришлось заплатить за возвращение Севастополя» [Шишов, 2005. С. 378]. Вынужденно соглашаясь на подписание унижительного мира, тем не менее, благодаря Карской победе, Россия сумела в итоге избежать большего поражения в той войне.

Здесь нельзя не отметить ещё одно важное достижение генерала, а именно — достигнутое им фактическое перемирие с горцами, что позволило высвободить часть сил, необходимых для пополнения армии в Закавказье, и сохранить за Россией Черноморское побережье. «Таковых народов оружием покорить невозможно» — эта формула адмирала Н. С. Мордвинова (1754–1845), выраженная им в составленном задолго до рассматриваемых событий «мнении о способах, коими России удобнее привязать к себе постепенно кавказских жителей, чем покорить их силою оружия» [Гордин, 2012. С. 333, 462], была также весьма близка и мировоззрению генерала Муравьева, в молодости состоявшего в тайных обществах и имевшего немало родственников среди осужденных декабристов.

В итоге, Муравьев, бывший исходно противником любых форм геноцида в отношении горцев Кавказа, отчего он в свое время имел по этому поводу немало разногласий с тогдашним главнокомандующим А. П. Ермоловым, сумел удержать Шамиля от совместного выступления последнего с турками, и тем самым добился от Шамиля практического нейтралитета в войне. Получив от императора разрешение на возврат Шамилю его сына Джемал-Эд-дина (взятого некогда русскими в плен и ставшего позднее офицером русской армии), что было давнишним желанием имама, Муравьев получил возможность прямого воздействия на предводителя горцев, так как Джемал-Эд-дин был уже к тому времени настроен абсолютно прорусски. Попытки англо-турецких агентов возбудить горцев на активизацию борьбы с русскими также потерпели неудачу. Как позднее писал об этом сам Муравьев в книге «Война за Кавказом в 1855 году» (издана в Петербурге в 1876 г. — П.П.), «Союзники не достигли сближения, коего домогались в сношениях с народом Кавказа..., определяя каждому горцу по десяти рублей жалования в месяц; но закубанцы решительно отказались следовать за ними и показали явное отвращение к туркам и англо-французам.... При большей опытности и лучшем знании народов, с которыми союзники вступили в сношения, они должны были бы рассудить, что горцам, воюющим с нами за независимость, равно противно было всякое иго и что введение порядков, которых они могли ожидать от наших врагов, столько же было для них тягостно, как и наше владычество. Если при этом принять во внимание силу привычки, составляющую вторую природу нашу, то будет понятно, почему горцы не решились избрать для себя новых врагов, каковыми были бы турки и англо-французы, людей с неизвестными обычаями, новыми распорядками и с незнакомым языком и нравами... Шамиль,

руководясь, быть может, подобными же мыслями, имел к соперникам нового рода едва ли ещё не большее отвращение, ибо он мог ожидать, что мнимые благотворители — союзники, хотя б то были единоверные ему турки, потребуют от него покорности. Надобно полагать, что бездействию Шамиля способствовало отчасти и присутствие возвращенного ему сына Джемал-Эддина, покорного отцу, но не забывшего прежнего быта своего среди нас» [Задонский, 1974. С. 456. См. также: Тарле, 2005. Т. 2. С. 621]. Русская пословица гласит: «Старый друг лучше новых двух» — развивая эту мысль, нетрудно предположить, что и старый враг всегда будет проще, понятнее, привычнее нового, пока еще совсем неизвестного противника: возможно, что это простое соображение также в определенной степени повлияло на выбор Шамиля.

5. Вместо заключения

История российской дипломатии, как и любой другой, знала периоды взлетов и падений; при этом наибольшие успехи, как локального, так и глобального масштаба, нередко достигались не профессиональными дипломатами, а лицами, как бы случайно оказавшимися «в нужное время в нужном месте», что отчасти подтверждает мысль мемуариста о российском «умении всегда пользоваться людьми обратно их талантам» [Тютчева, 2000. С. 214]. Одним из таких, неизменно нужных, людей, многократно служивших России в самых разных сферах и сделавших немало для повышения ее международного престижа, был генерал Николай Николаевич Муравьев-Карский (1794–1866).

Извечный российский (впрочем, только ли российский?) выбор: кого предпочесть в трудную минуту? Того ли, кто лучше и более профессионально подготовлен, кто по всем признакам более годен для выполнения поставленной ему задачи — или же того, кто, возможно, менее готов, но при этом всецело лично предан своему господину (вышестоящему начальнику)? Пример Муравьева убедительно показывает, что в александровскую и николаевскую эпохи кадровая политика при всех существовавших издержках признавала очевидные вещи, а именно: в случае реальной необходимости верховная власть в лице императора и его региональных представителей была зачастую готова не только «закрывать глаза» на личную неприязнь к тому или иному лицу в интересах главного дела, но и, считаясь с общественным мнением, воздавать по заслугам отличившимся — хотя порой делая это и не в полной мере.

Так, возвращение капитана Муравьева из его первой экспедиции в Хиву принесло ему, по представлению генерала Ермолова, производство из капитанов сразу в полковники свиты по квартирмейстерской части (минуя майорскую ступень), а сведения, добытые им в обеих туркменских экспедициях и обобщенные в изданной в 1822 г. книге, пригодились спустя много лет при завоевании русскими Средней Азии.

Использование профессиональных военных в качестве дипломатов было типично для царской России, но выбор редко оказывался столь удачным, как это произошло с Муравьевым. Однако, сам крутой характер генерала, его неумение ладить с императорским двором и родство со многими декабристами не позволили ему достичь звания фельдмаршала и привели к преждевременной отставке, а впоследствии — к почти полному забвению, оставив в памяти потомков лишь взятие войсками под его началом крепости Карс в 1855 г.

Список литературы

- Высочков Л. В. Николай I. М., 2003. 694 с.
Гордин Я. А. А. Ермолов. М., 2012. 600 с.

Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М., 1992. 559 с.

Задонский Н. А. Жизнь Муравьева. М., 1974. 461 с.

История внешней политики России: первая половина XIX века. М., 1999. 448 с.

Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., Наука, 1983. 416 с.

Николай I и его время. Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков. В 2-х т. М., 2000. 894 с.

Тарле Е. В. Крымская война. В 2-х т. М., 2005. 704 с.

Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. М., 2000. 416 с.

Шишов А. В. Схватка за Кавказ. XVI–XX века. М., 2005. 448 с.

УДК 929+903.27

DOI 10.25205/978-5-4437-1268-0-84-89

A. V. Varenov*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia***LIFE AND WORKS OF GAI SHANLIN (1935–2020) — A PROMINENT CHINESE ROCK ART RESEARCHER**

Gai Shanlin (盖山林), of Manchu origin, was a native of Xingtang County, Hebei Province in China. He was born on 10 September 1935, and received higher education in Xian city in 1960. Since 1962, Gai Shanlin was employed at the Inner Mongolian Archaeology of Cultural Heritage Research Institute. He was a prominent rock art researcher, considered to be No. 1 in China. Gai Shanlin was the first who discovered, described and published materials of the rock art sites of Inner Mongolia in the Yinshan mountains, the Wulanchabu grassland and the Badain Jaran Desert. During his life, he wrote about a dozen books and several hundred articles on the subject. Since 1988, Gai Shanlin was also a member of the China Association for Promoting Democracy. He was elected Vice-Chairman of the 9th CPPCC Inner Mongolia Autonomous Regional Committee in 2003 and held that post until 2008. Gai Shanlin aged 85 passed away on 9 February 2020, in Hoh-hot city.

Key words: Gai Shanlin, biography, rock art of China, petroglyphs of Inner Mongolia, Yinshan, Wulanchabu, Badain Jaran, problems of dating and semantics

А. В. Варенов*Новосибирской государственной университет, Новосибирск, Россия***ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ГАЙ ШАНЬЛИНЯ (1935–2020) —
выдающегося китайского исследователя наскального искусства**

Гай Шаньлинь (盖山林), маньчжур по национальности, родился 10 сентября 1935 г. в уезде Синтан провинции Хэбэй. После окончания Северо-Западного университета в г. Сиань по специальности археология Гай Шаньлинь работал заведующим отделом истории в краеведческом музее Нинся-Хуэйского автономного района. В апреле 1962 г. он перешел на работу в Институт археологии и материальной культуры Автономного района Внутренняя Монголия, где активно занимался разведками и раскопками археологических памятников. В числе наиболее значимых результатов этих работ — монография «Настенные росписи Ханьских гробниц Хэлиньгээра» (1978). Кроме того, Гай Шаньлинь изучал археологию и этническую историю племени онгутов, результатом чего стала монография «Онгуты Иньшаня» (1991). Гай Шаньлинь оказался первым китайским ученым, проводившим целенаправленные и систематические поиски и исследования наскальных изображений. В числе его наиболее значительных работ, посвященных публикации памятников наскального искусства, монографии «Петроглифы (гор) Иньшань» (1986), «Петрог-

лифы (степи) Уланчаб» (1989) и «Петроглифы пустыни Баданьцзилин» (1997). Из ранних исследований теоретического характера можно отметить «Петроглифы Иньшань» (1985) — книгу, одноименную с публикационной монографией 1986 г. В 1995 г. вышли собрание многочисленных статей Гай Шаньлиня и «Китайское петроглифоведение», а в 1997 г. — научно-популярные «Петроглифы Китая». В 2002 г. увидела свет фундаментальная монография «Дешифровка культуры петроглифов Внутренней Монголии», написанная ученым в соавторстве с сыном Гай Чжихао. Гай Шаньлин вышел на пенсию в 2009 г. и скончался в г. Хух-Хото 9 февраля 2020 г. на 85-м году жизни.

Key words: Гай Шаньлин, биография, наскальное искусство Китая, петроглифы Внутренней Монголии, Иньшань, Уланчаб, Бадань Джаран, проблемы датировки и семантики

Gai Shanlin (盖山林) of Manchu descent, was born on 10th September 1935 in Xingtang County, Hebei Province (fig. 1, 1). After successfully graduating from school, Gai Shanlin worked at the Lanzhou branch of the People's Bank of China from March to July 1956. However, a career in banking was not for Gai Shanlin. From August 1956 to September 1960 he studied archaeology in the History Department of Northwest University in Xian. After his graduation, Gai Shanlin served at the Museum of the Ningxia Hui Autonomous Region in Yinchuan as the head of the Historical Department between September 1960 and April 1962¹.

In 1962, he transferred to Inner Mongolia to continue his archaeological career. In April 1962, Gai Shanlin started working at the Institute of Cultural Relics and Archaeology of the Inner Mongolia Autonomous Region. After his transfer to Hohhot, Gai Shanlin was very active in the search and excavations of Inner Mongolian archaeological sites. Among the most notable results of these activities was his book “The Mural Paintings of the Han Tombs of Helingeer” [Gai Shanlin, 1978] (fig. 1, 3).

As a result of his research in the 1970s, Gai Shanlin made a name for himself among western archaeologists as one of the first (post-1949) and most prominent explorers of Nestorian antiquities in Inner Mongolia, discovering quite a number of new sites. The search for traces of Nestorianism in Inner Mongolia however was not the primary aim for Gai Shanlin, since at the time he was focused on studying the archaeology and ethnical history of the Wanggu tribe, which resulted in his book titled “Yinshan Wanggu” [Gai Shanlin, 1991] (fig. 1, 4).

One time when Gai Shanlin was a student, his teacher was discussing European rock paintings and grottoes, adding that there is no rock art in China. However, Gai Shanlin was not convinced; how could a country as big as China not have such a phenomenon? And could it really be true, or has rock art in China simply never been discovered to date? Gai Shanlin found out that Li Daoyuan (郦道元 472–527), the famous medieval geographer of the Northern Wei Dynasty, who lived in the 5th–6th centuries AD, mentioned 22 rock art sites in his “Shui Jing Zhu” treatise.

The investigation and research of rock paintings in China began in 1927 when Professor Huang Zhongqin of Lingnan University investigated petroglyphs of Xianxuetan in Taixi, Hua'an County, Fujian Province. However, Gai Shanlin was the first person to conduct scientific and systematic Chinese rock art investigation and research.

In 1976, the Institute assigned him to visit the Great Wall of Urad Rear Banner in the northern part of Bayannaer League (now Bayannaer City), passing through the Wujiaye Township of Urad Middle Banner, where there were petroglyphs, recorded in Li Daoyuan's writings. Under the guidance of local Mongolian young people, Gai Shanlin found and saw animal images carved on rocks. This marked the beginning of Gai Shanlin's quest for rock art (fig. 1, 2).

¹ Подробнее на русском языке о жизни и деятельности Гай Шаньлиня см. [Варенов, 2020].

From 1976 to 1980, Gai Shanlin would travel to the Langshan mountain range area of the Yinshan Mountains in the southern part of Inner Mongolia to inspect the rock art sites of the Yinshan Mountains. The total length of this journey reached more than 12,000 kilometers. Gai Shanlin discovered about 10 thousand images and copied more than 1,500 of them.

From 1980 to 1983, Gai Shanlin inspected the rock art in the Ulanab grassland to the north of the Yinshan Mountains. The inspection range also covered hundreds of miles, and the number of rock paintings found was similar to that of the Yinshan Mountains. At the same time, Gai Shanlin also inspected petroglyphs of the Table Mountains (Zhuozishan) in Wuhai City region at the northern end of the Helan Mountains.

In 1987, Gai Shanlin inspected the rock art of Alxa League in the Badain Jaran Desert in the western part of Inner Mongolia and copied more than 1,000 petroglyphs. In the same year, he was invited by the Zhangzhou Municipal Bureau of Culture in Fujian Province to inspect the rock art of Hua'an, Zhangpu, and Longhai counties in southern Fujian.

Gai Shanlin also visited petroglyphs of Jiangjun Cliff in Lianyungang County, Jiangsu Province and rock paintings in the four counties of Guangxi: Ningming, Chongzuo, Fusui, and Longzhou in the Mingjiang and Zuojiang River basins. While abroad in 1989, Gai Shanlin visited petroglyphs in Texas and Colorado in the USA and the southern Alberta Province in Canada. From these inspections and visits, he gradually mastered the methods of inspection, and realized their functions and significance.

Fig. 1. Gai Shanlin and his books: 1 — Gai Shanlin (1935–2020), 2 — Gai Shanlin (at the left) at Yinshan mountains with the locals copying petroglyphs, 3 — «The Mural Paintings of the Han Tombs of Helingeer» (1978), 4 — «Yinshan Wanggu» (1991). All are scanned by the author

Among the most significant books by Gai Shanlin devoted to the description of rock art sites of different regions of Inner Mongolia are “Petroglyphs in the Yinshan Mountains” [Gai Shanlin, 1986] (fig. 2, 1), “Petroglyphs in the Wulanchabu Grassland” [Gai Shanlin, 1989] (fig. 2, 2) and “The Rock Art in Badanjilin Desert” [Gai Shanlin, 1997a] (fig. 2, 3). Among the early theoretical research works one can note “Petroglyphs in the Yinshan Mountains” [Gai Shanlin, 1985] (fig. 3, 1) — the book with the same title as the publication of rock art sites of 1986, but completely devoted to interpretations of rock art².

After being assigned an administrative post at the Institute of Cultural Relics and Archaeology of the Inner Mongolia Autonomous Region at the end of 1987, Gai Shanlin stopped his long expeditions in search of new rock art sites, perhaps because of his new duties or due to old age. Nevertheless Gai Shanlin continued to publish both serious theoretical books and popular editions devoted to rock art research. Among the former are the collection of numerous articles by Gai Shanlin, originally published in journals that were hard to get [Gai Shanlin, 1995a] (fig. 3, 2) and “Chinese Petroglyphic Studies” [Gai Shanlin, 1995b] (fig. 3, 3), and the latter — “Chinese Petroglyphs” [Gai Shanlin, 1997b] (fig. 3, 4).

In 2002, as if summing up this period of his life, Gai Shanlin published a fundamental book written in co-authorship with his son Gai Zhihao “Deciphering the Culture of Petroglyphs of Inner Mongolia” [Gai Shanlin, 2002] (fig. 2, 4). All this time, Gai Shanlin was taking part in scientific activities, visiting international academic conferences devoted to rock art research and presenting papers that were always met with keen interest.

Toward the end of his life, Gai Shanlin devoted his time to political and social activities. He joined the China Association for the Promotion of Democracy (中国民主促进会 — one of eight “small” parties legally acting in the PRC — allies of the Communist Party of China) in August 1988. After retiring from the post of Vice-Director of the Institute of Cultural Relics and Archaeology of Inner Mongolia at the age of 60 in 1996, Gai Shanlin became more active in the China Association for the Promotion of Democracy.

Fig. 2. Books by Gai Shanlin: 1 — «Petroglyphs in the Yinshan Mountains» (1986), 2 — «Petroglyphs in the Wulanchabu Grassland» (1989), 3 — «The Rock Paintings in Badanjilin Desert» (1997), 4 — «Deciphering the Culture of Petroglyphs of Inner Mongolia» (2002). All are scanned by the author

² Подробнее на русском языке о посвященных петроглифам книгах Гай Шаньлиня см. [Варенов, 2021].

Fig. 3. Books by Gai Shanlin: 1 — «Petroglyphs in the Yinshan Mountains» (1985), 2 — «Collection of articles by Gai Shanlin» (1995), 3 — «Chinese rock art science» (1995), 4 — «History scroll on the rocks — Chinese petroglyphs» (1997). All are scanned by the author

From 1998 to 2003, Gai Shanlin acted as the Chairman of the China Association for the Promotion of Democracy of the Inner Mongolia Autonomous Region, Vice Chairman of the 8th Chinese People's Political Consultative Conference (CPPCC) of the Inner Mongolia Autonomous Region, and Member of the Central Standing Committee of the China Association for the Promotion of Democracy. From 2003 to 2008, Gai Shanlin was again elected to serve as Vice Chairman of the 9th CPPCC of the Inner Mongolia Autonomous Region. He retired in July 2009. Gai Shanlin died of illness on 9th February 2020 at the age of 85 in Hohhot.

References

Варенов А. В. Памяти Гай Шань-линя (1935–2020) — выдающегося исследователя наскального искусства Китая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, вып. 10: Востоковедение. — С. 162–166. DOI 10.2520/5/1818-7919-2020-19-10-162-166

Варенов А. В. Монографические публикации и исследования петроглифов северных районов Китая в последней четверти XX века // Вестник

НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение. С. 37–52. DOI 10.2520/5/1818-7919-2021-20-4-37-52

Gai Shanlin. Helingeer Hanmu bihua [盖山林.和林格尔汉墓壁画]. The Mural Paintings of the Han Tombs of Helingeer. Hoh-Hot, 1978. 102 p. (2nd edition — 1986). (in Chin.)

Gai Shanlin. Yinshan yanhua [盖山林.阴山岩画] Petroglyphs in the Yinshan Mountains. Huhehot, Nei Menggu renmin publishers, 1985. 4, 192 p. (in Chin.)

Gai Shanlin. Yinshan yanhua [盖山林.阴山岩画]. Petroglyphs in the Yinshan Mountains. Beijing, Wenwu publishers, 1986. 2, 20, 442 p. (in Chin.)

Gai Shanlin. Wulanchabu yanhua [盖山林.烏蘭察部岩画]. Petroglyphs in the Wulanchabu Grassland. Beijing, Wenwu publishers, 1989. 22, 336 p. (in Chin.)

Gai Shanlin. Yinshan Wanggu [盖山林.阴山汪古]. Hoh-Hot, 1991. (Honkong edition — 1995). 428 p. (in Chin.)

Gai Shanlin wenji [盖山林文集]. Collection of papers by Gai Shanlin. Haerbing, Heilongjiang jiaoyu publishers, 1995a. 916 p. (in Chin.)

Gai Shanlin. Zhongguo yanhuaxue [盖山林.中国岩画学]. Chinese Petroglyphic Studies. Beijing, Shumu wenxian publishers, 1995b. 338 p., XVI pl. (in Chin.)

Gai Shanlin. Badanjilin shamo yanhua [盖山林。巴丹吉林沙漠岩画]. Petroglyphs in Badanjilin Desert. Beijing, Beijing Tushuguan publishers, 1997a. 400 p. (in Chin.)

Gai Shanlin. Yanshi shangde lishi tujian: Zhongguo yanhua [盖山林。岩石上的历史图卷:中国岩画]. Illustrated Scrolls of History on the Rocks: Chinese Petroglyphs. Shanghai: Sanlian shudian publishers, 1997b. 126 p. (in Chin.)

Gai Shanlin, Gai Zhihao. Nei Menggu yanhua de wenhua jiedu [盖山林, 盖志浩。内蒙古岩画的文化解读]. Deciphering the Culture of Petroglyphs of Inner Mongolia. Beijing, Beijing Tushuguan publishers, 2002. 546 p. (in Chin.)

УДК 903.5

DOI 10.25205/978-5-4437-1268-0-90-94

В. В. Ахметов*Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия*

ПОГРЕБЕНИЯ ЗНАТИ В БОХАЕ И СИЛЛА: К ВОПРОСУ О ПЕРИОДЕ ГОСУДАРСТВ СЕВЕРА И ЮГА В КОРЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

К концу VII в. на Корейском полуострове и Южной Маньчжурии сложилась ситуация, когда государствами с общей границей оказались Силла и Бохай. Эта ситуация продолжалась в течении двух веков. В корейской историографии этот период называют «эпоха государств севера и юга», подразумевая наличие общности между двумя государствами. Однако между Силла и Бохаем были сильны культурные различия. Об этом свидетельствует погребальная обрядность элиты двух государств. В Бохая и Силла погребальные сооружения правителей существенно отличалась. Термин «эпоха государств севера и юга» закрепился в корейской историографии, однако вряд ли стоит перенимать опыт его использования для обозначения эпохи, начавшейся после завершения периода Трех государств в Корее.

Ключевые слова: Бохай; Силла; государства севера и юга; Ю Дыккон; погребения знати.

V. V. Akhmetov*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia*

TOMBS OF NOBILITY IN BOHAI AND SILLA: MEANING OF NORTH–SOUTH STATES PERIOD IN KOREAN HISTORIOGRAPHY

The states with a common border were Unified Silla and Bohai on the Korean Peninsula and South Manchuria by the end of the 7th century. These states existed for two centuries. This period is called “North–South states period” in Korean historiography. The existence of a close relationships between the two states is meant. However, there were strong cultural differences between Unified Silla and Bohai. The burial rites of the elite of the two states were different. The structures of Bohai and Silla rulers tombs were very distinguished. The name of the period “North–South states period “ is entrenched in Korean historiography. However, this name is hardly worth using to refer to the era that began after the end of the Three Kingdoms period.

Keywords: Bohai; Silla; North–South states; Yu Deukgong; elite tombs.

В корейской историографии термином «эпоха государств севера и юга» (кор. *намбуккук-сидэ*) называют период, когда на территории Корейского полуострова одновременно существо-

вали Объединенное Силла (668-935 гг.) и Бохай (698-926 гг.) (кор. Пархэ). Согласно современным представлениям, закрепившимися в историографии, Бохай занимал в том числе и часть севера Корейского полуострова. Государство Силла занимало южную часть полуострова, а на севере его земли простирались до устья р. Тэдонган на западе (долина р. Тэдонган и Пхеньян, таким образом, оставались за пределами Силла) и залива Йонхынман на востоке (район современного г. Вонсан).

Хронологически период «эпоха государств севера и юга» продолжался с конца VII в. по начало X в. Термин «государства севера и юга», где на севере Бохай, а на юге Объединенное Силла, прочно вошел в корейскую историографию.

Однако уместность его употребления, подразумевающее, по-видимому, наличие тесных взаимосвязей, Объединенного Силла и Бохая, остается под вопросом, учитывая, что из реальных взаимоотношений двух государств не вытекает их общности.

В соседних с Кореей Китае и Японии существовали периоды соответственно Южных и Северных Династий (кит. *наньбэйчао*) (386–589 гг.) и Южного и Северного дворов (яп. *намбокутё*) (1336–1392 гг.). Однако названия этих периодов возникли еще в средневековье. Например, китайские летописи по истории южных и северных династий называются соответственно «Наньши» и «Бэйши» (составлены в нач. VII в.).

В случае же с Кореей — термин *намбуккуксидэ* возник в XVII в., через восемьсот лет после падения Бохая и Силла. Этот термин возник в Корее на фоне развития идейного течения сирхак. В рамках него происходило переосмысление истории Кореи, подразумевавшее отход от прежних китаецентричных трактовок [История Кореи, 1974. Т. 1. С. 291]. В корейской историографии происхождение концепции государств севера и юга, приписывают Ю Дыккону (1748-1807). Он происходил из обедневшей янбанской семьи. Среди его единомышленников были Пак Чивон, Пак Чега и др. Ю Дыккон сдал согва («малые экзамены») в 1773 г. и получил звание сэнваона. В 1778 г. он сопровождал корейского посла, отправленного к цинскому императору Цяньлуну, когда последний посещал могилы предков в Шэньяне. Во время этой поездки Ю Дыккона провел два месяца в Маньчжурии, на землях, где когда-то располагались государства Когурё и Бохай. Затем он был назначен на должность в библиотеку-архив Кюджангак (была создана ваном Чонджо в 1776 г.). Там он получил доступ к историческим сочинениям самого разного плана. Это позволило ему написать в 1784 г. сочинение под названием «Пархэго» («Изучение Бохая»). В предисловии к нему Ю Дыккон утверждает, что в истории Кореи существовали государства Севера и Юга (Силла на юге и Бохай на севере), которые пришли на смену трем государствам. Пришедшее им на смену Корё, по мнению Ю Дыккона, должна была составить их летописную историю под названием «История государств Севера и Юга» (кор. *намбуккукса*). Однако ваны Корё ошибочно не сделали этого. Автор «Пархэго» заявляет, что клан Да, из которого происходили правители Бохая, были когурёсцами [Ю Дыккон, 2007. С. 40]. Само сочинение Ю Дыккона содержало краткие сведения о бохайских правителях, представителей знати, географии, чиновничьей иерархии, одеяниях, продуктах, терминах, посольствах, истории после падения государства. После освобождения Кореи в 1945 г. концепция государств севера и юга постепенно закрепились в корейской историографии.

В действительности взаимоотношения Силла и Бохая на протяжении двухсот лет были напряженными и сопровождались конфронтациями. В 733 г. Силла было вовлечено в войну Бохая с Тан. В 762 г. Силла укрепляла границы на севере на границе с Бохаем. В это время Бохай и Япония планировали совместное нападение на Силла. В 818-820 гг. Бохай атаковал приграничные территории с Силла, поэтому последнем пришлось укреплять границу в районе р. Тэдонган. В начале X в. силласцы оказывали поддержку киданям в борьбе с Бохаем.

Хотя можно предположить, что несмотря на это элиты этих государств воспринимали друг друга как имеющие общие корни. Например, в эпоху трех государств на Корейском полуострове Силла, Когурё, Пэкче, Кая воевали друг с другом довольно активно, при этом их культурное взаимодействие также активно развивалось. Пэкческие предания о первых правителях государства связывали их происхождении с Пуё. В когурёских преданиях тоже считалось, что правители происходили из Пуё. В погребальном обряде элит трех государств было много пересечений. В конечном итоге к VII в. на всем Корейском полуострове в качестве типичного погребального сооружения элиты утвердился каменный склеп со сводчатым потолком, возводившийся на дневной поверхности и покрывавшийся земляной насыпью. Если согласиться с предположением, что элиту государства Бохай составляли выходцы из Когурё, то, культурные связи могли бы проявляться и в погребальной обрядности двух государств.

Некоторые из известных на данный момент бохайских могил выделяются по масштабности погребального сооружения и богатству сопроводительного инвентаря, обычно их относят к погребениям знати.

Погребения бохайской элиты начального периода известны по могильнику Людиншань и расположенной на ней гробницы бохайской принцессы Чжэнь Хуэй. В её погребении найдена стела, из текста которой стало ясно, что на этом могильнике также располагались могилы первого правителя Бохая — Да Цзожуна, второго правителя — Да Уи, и третьего — Да Циньмао.

Погребальными комплексами представителей высших слоев, возможно, членов правящей династии, считаются погребения № 1 и № 2 в Саньлинтуни [Чан Чхольман, 2009. С. 172]. Это могильник рядом с одной из столиц Бохая (городище Дунцзинчен). В горах Лунтоушань известно несколько могильников, на которых есть погребения знати. Отдельно стоит остановиться на некрополе Лунхай, где в том числе располагается могила принцессы Чжэнь Сяо. Этот памятник примечателен тем, что, опираясь на результаты раскопок, его можно назвать местом захоронения членов правящего бохайского рода. Могильник располагался на равноудаленном расстоянии от городищ Сигучэн и Бальянчэн, которые в разное время были столичными городами Бохая.

В 2004-2005 гг. здесь было исследовано 14 погребальных комплексов. С учетом могилы Чжэнь Сяо их общее число — 15. Некрополь делится на восемь участков захоронений. Согласно гипсометрическому плану, выше всех расположен участок № 5, на котором раскопаны могила Чжэнь Сяо (№ 1), могилы № 2, 3, 11, 12. Найденные в комплексах № 3 и № 12 стелы с эпитафиями свидетельствуют, что здесь захоронены соответственно Сяо И, супруга 3-го правителя Бохая Вэнь-вана (737-794), и Шунь Му, супруга 9-го правителя Бохая Цзянь-вана (817-818).

Согласно плану могильника, в паре с могилой № 3 расположена могила № 2, в паре с могилой № 12 — могила № 11. Погребения № 13 и 14 расположены таким же образом — в паре, рядом друг с другом, причем в первом из них авторы раскопок усматривают женское захоронение, а во втором — мужское. В могиле Чжэнь Сяо обнаружены останки и женщины, и мужчины. Таким образом, можно предположить, что в могилах № 2 и 11 погребены правители Бохая.

Большинство захоронений бохайской элиты объединяют следующие особенности: 1) сооружение погребальной камеры и могильного коридора из кирпича или из камня, формой напоминающего кирпич; 2) расположение камеры ниже уровня древней дневной поверхности; 3) расположение на возвышенности в горах (Лунтоушань, Людиншань); 4) сооружение относительно длинного коридора к камере.

Силлаский погребальный обряд формировался значительное по продолжительности время. Государство Силла согласно традиционной хронологии возникло в 57 г до н.э. В середине

VII в. объединило под своей властью большую часть Корейского полуострова. Далее просуществовало до 935 г. В историографии этот период существования государства (начиная с 668 г.) называют Объединенное Силла. Таким образом, получается, что Силла формально существовало 992 года, за это время во главе государства было 56 правителей. За такой продолжительный период погребальный обряд силлаской знати, правителей, их родственников, приближенных, не мог не претерпеть значительные изменения.

Средневековые авторы делили всю историю государства Силла на три периода: правление первых 28 ванов (до Чиндок-ёван) называли древней эпохой, правление 8 ванов (от Тхэджон-Мурёля до Хегона) — средней эпохой и правление 20 ванов (от Сэндока до Кёнсуна) — поздней эпохой. Иначе говоря, древнюю эпоху заканчивали в 654 г., среднюю — в 780 г., позднюю — в 935 г. В «Самгук саги» поясняется, что первые 28 ванов назывались «сонголь», или «священная кость», а последующие — «чинголь», или «истинная кость».

В среднюю и позднюю эпохи Силла, к концу VII — началу VIII вв., погребения местной знати стали характерны округлый в плане земляной курган, основание которого обкладывалось каменными плитами. На этих каменных плитах могли быть изображены животные из двенадцатилетнего цикла. Рядом с курганом располагались каменные изваяния. Во времена Силла закрепились традиции возводить рядом с гробницей «аллею духов», состоящую из зооморфных и антропоморфных каменных изваяний.

Трудно говорить о наличии общности при сравнении погребальной обрядности элиты Бохая и Силла. В Бохэе основными известными на данный момент погребениями знати являются гробницы в Людиншань, Лунхай, Саньлинтунь. В Силла некоторые гробницы, благодаря сохранившимся стелам, соотнесены с конкретными ванами: например, гробница Мурёль-вана (654-661, здесь и далее указаны годы правления) и Хындок-вана (826-837). Некоторые масштабные погребения по косвенным признакам также соотнесены с конкретными ванами VII-VIII вв. (однако эти атрибуции остаются спорными) — Кёндок-ван (742-765), Сондок-ван (780-785), Вонсон-ван (785-799).

В эпоху трех государств можно говорить, что существовали определенные черты погребальной обрядности характерные для всего Корейского полуострова. Но после окончания эпохи, все-таки погребальная обрядность элит Бохая и Силла пошли разными путями. В Бохэе стали возводить погребальные сооружения из кирпича или из камня, обработанного под кирпич, сами сооружения размещали ниже уровня дневной поверхности. Над погребальной камерой могли возводить пагоду (гробница в Мадида, могила Чжэнь Сяо). В Силла же стали окаймлять курганы каменными плитами, каменными оградами. Рядом с курганом сооружали «аллею духов» из каменных фигур. Силлаская традиция оказала в дальнейшем сильное влияние на Корё и Чосон. Оформление пространства вокруг гробницы наполнялось новыми деталями, но основные элементы воспроизводились по силласким образцам.

Силла и Бохай соседствовали с друг другом на протяжении более двух веков. На протяжении этого времени их отношения были или нейтральными, или враждебными. В культурном плане, если говорить о таком важном элементе, как погребальный обряд, происходило оформление двух разных традиций. Учитывая выше сказанное, вряд ли можно утверждать, что термин «государства севера и юга» иллюстрирует действительное положение дел в конце VII — начале X вв. на Корейском полуострове и в Южной Маньчжурии. Употребление термина «государства севера и юга» в корейской историографии подразумевает наличие общности между Силла и Бохэем. Этот термин уже закрепился в корейской историографии, однако вряд ли стоит перенимать опыт его использования для обозначения эпохи, начавшейся после завершения периода Трех государств в Корее.

Список литературы

История Кореи (с древнейших времен до наших дней): в 2 т. / Ред. коллегия: Б. Г. Гафуров [и др.] Т. 1. М.: Наука, 1974. 470 с.

Чан Чхольман. Пархэый мудом [장철만. 발해무덤]. Бохайские могилы. Квачхон: Чининджон, 2009. 186 с. (на кор. яз.)

Чжоу Цзячжоу. Сян шэн [周嘉胄。香乘]. История благовоний. Пекин: Цзючжоу чубаньшэ, 2014. 560 с. (на кит. яз.)

Ю Дыккон. Пархэго [유득공. 발해고]. Изучение Бохая. Сеул: Хоникчхульпханса, 2007. 192 с. (на кор. яз.)

УДК 902.034

DOI 10.25205/978-5-4437-1268-0-95-101

Д. В. Рассолова*Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия*

ЗАТОНУВШЕЕ ТОРГОВОЕ СУДНО «НАНЬХАЙ-1» И РАЗВИТИЕ КИТАЙСКОЙ ПОДВОДНОЙ АРХЕОЛОГИИ

В данной статье представлен краткий обзор материалов, посвященных истории обнаружения и спасения затонувшего китайского торгового судна «Наньхай-1» династии Южная Сун (XII-XIII вв.), дано описание передовых технологий, примененных при подъеме судна на поверхность. В статье также рассмотрена взаимосвязь между совершенным открытием и стремительным развитием китайской морской археологии в последние тридцать лет. Анализ обнаруженных реликвий, представленный в работах китайских и западных ученых, подтверждает большое значение уникальных находок и выявляет необходимость их дальнейшего изучения для реконструкции истории Морского шелкового пути, истории керамики и фарфора.

Ключевые слова: торговое судно «Наньхай-1», подводная археология, династия Южная Сун, музей морского Шелкового пути провинции Гуандун, Китай

D. V. Rassolova*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia*

THE SUNKEN MERCHANT SHIP «NANHAI-1» AND DEVELOPMENT OF CHINESE UNDERWATER ARCHAEOLOGY

This paper provides a brief overview of materials devoted to the history of the discovery and rescue of the sunken Chinese merchant ship “Nanhai-1” of the Southern Song dynasty (XII-XIII centuries). Moreover, this article describes the advanced technologies used to lift the ship to the surface. The paper also examines the relationship between the discovery and the rapid development of Chinese maritime archeology over the past thirty years. The analysis of the relics discovered, provided by Chinese and Western scholars, confirms the great importance of the unique finds and reveals the need for their further study to reconstruct the history of the Maritime Silk Road, the history of ceramics and porcelain.

Keywords: merchant ship “Nanhai-1”, underwater archaeology, Southern Song Dynasty, Maritime Silk Road Museum of Guangdong Province, China

В X–XIV вв. китайские купцы доминировали на азиатских морских просторах, ведя активную торговлю с государствами Юго-Восточной и Центральной Азии. Южно-Китайское море — это первая часть дальнего трансазиатского торгового пути, ведущего из Китая в Сре-

диземное море. Китайские торговцы предлагали как готовые изделия (в основном керамические, фарфоровые, железные, серебряные предметы, монеты, реже встречались золотые украшения), так и сырьевые материалы (особой популярностью пользовались ценные породы древесины). Фарфоровые сосуды помимо ритуального значения, высоко ценились среди аристократов как предметы роскоши; древесину использовали при строительстве, изготовлении мебели и во время ритуальных действий; медными монетами расплачивались на рынках или переплавляли их для изготовления храмовой утвари [Войтишек, Кумпол, 2020. С. 74–75].

В последние несколько десятилетий XXI в. мировое научное сообщество потрясает беспрецедентные случаи сенсационных находок кораблекрушений китайских торговых кораблей времен династии Сун и Юань. Обзор работ китайских и западных исследователей, посвященных анализу уникальных находок с «Наньхай-1», затонувшего судна времен династии Южная Сун (XII–XIII вв.), выявляет необходимость дальнейшего изучения судьбы этого корабля — как в контексте развития морских торгово-экономических связей вдоль Морского шелкового пути, так и для выявления влияния примененных новых технологий на развитие подводной археологии в Китае и в мире.

Обнаружение судна Наньхай-1 отличалось особой драматичностью. В августе 1987 г. Британская морская поисковая компания Maritime Exploration & Recoveries PLC совместно со Спасательным бюро Гуанчжоу 广州救捞局 разыскивала затонувший в 1772 г. голландский корабль «Рейнсбург», принадлежащий Британской Ост-Индской компании¹. По имеющимся сведениям, на борту находился весьма ценный груз: около 300 тонн слитков олова и шесть сундуков с серебром. Команда специалистов из Англии и Китая безуспешно исследовала гидролокатором морское дно, постепенно расширяя район поисков. Однако вскоре руководитель китайской экспедиционной команды Инь Ганьхун заметил на экране монитора маленькую незначительную точку, соответствующую предмету длиной около метра, и отдал команду водолазам погружаться. Работу специалистов в районе островов Южно-Китайского моря осложняли активные морские течения, которые приносили с собой ил и песок. Сантиметр за сантиметром изучая морское дно наощупь, они обнаружили некий деревянный объект, необычайно схожий с выступающим корпусом корабля. К сожалению, из-за плохой видимости водолазам не удалось получить больше информации. Тогда было решено поднять находку с помощью грейфера. В ходе исследования специалисты обнаружили лишь керамические черепки и куски металла. К сожалению, в экспедиционной команде не оказалось специалистов по керамике и искусству Китая, поэтому данным находкам не придали особого значения². В силу надвигающегося сезона тайфунов и возникших экономических проблем, поисковая операция находилась под угрозой срыва. Судно «Наньхай-1» могло и дальше быть скрыто от посторонних глаз под толщей воды, песка и ила, но лишь благодаря необычному стечению обстоятельств мировое научное сообщество получило чрезвычайно редкие подлинные данные для реконструкции истории Морского шелкового пути и истории керамики. Во второй раз грейфер вместе с песком, илом и осколками фарфора поднял на поверхность золотую цепь около 2 м длиной и весом 600 г, украшенную орнаментом в виде виноградной лозы, выложенным клиновидным узором. Вместе с цепью со дна подняли множество целых фарфоровых изделий. Было решено, что

¹ Chen Xi. China's oldest shipwreck reveals secrets of Maritime Silk Road // The Global times journal (электрон. изд.-е) 29.08.19 URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1163040.shtml> (дата обращения 10.11.21).

² См. материалы документального фильма «Древний корабль Наньхай-1» // Видеохостинг Youtube URL: <https://youtu.be/h2OM-fw0yyU> (дата обращения 25.03.21).

подводный объект все-таки был затонувшим кораблем, однако никак не мог быть голландским судном «Рейнсбург»³.

Член управляющего совета по охране культурных ценностей пров. Гуандун Сюй Хэнбинь после экспертного осмотра находок заключил, что фарфоровая утварь датируется эпохами Сун и Юань. На судне также было обнаружено значительное количество монет, датированных различным временем (рис. 1, 1): так, например, монеты *治平元宝* *чжипин юаньбао*, *元佑通宝* *юанью тунбао* и *皇宋通宝* *хуансун тунбао* в основном принадлежали к династии Северная Сун (960–1127). Удивительно, но на корабле были также монеты *开元通宝* *кайюань тунбао* династии Тан (618–907). К последним находкам принадлежали монеты династии Южная Сун *建炎通宝* *цзяньян тунбао* (1127–1130) и *绍兴通宝* *шаосин тунбао* (1131–1162), что во многом помогло примерно датировать корабль временем династии Южная Сун [Xu Yongjie, 2008. С. 18].

Рис. 1. Археологические находки с судна «Наньхай-1».

1 — Китайские монеты. Источник: Официальный сайт музея Морского шелкового пути провинции Гуандун URL: <https://www.msrmuseum.com/News/Detailed/214>; 2 — Золотые кольца. Источник: In pics: excavation of Nanhai No. 1 in S China // Официальный сайт ESNC.cn (13.05.2020) URL: <http://www.ecns.cn/hd/2020-05-13/detail-ifzwefvs2289757.shtml#1>; 3 — Золотой браслет. Источник: In pics: excavation of Nanhai No. 1 in S China // Официальный сайт ESNC.cn (13.05.2020) URL: <http://www.ecns.cn/hd/2020-05-13/detail-ifzwefvs2289757.shtml#1>; 4 — Черная лакированная шкатулка. Источник: Официальный сайт музея Морского шелкового пути провинции Гуандун URL: <https://www.msrmuseum.com/News/Detailed/214>

³ Там же.

В августе 1987 г. Департамент по охране культурных ценностей провинции Гуандун официально объявил о том, что в водах Южно-Китайского моря около г. Тайшань пров. Гуандун были обнаружены обломки затонувшего корабля династий Сун и Юань. Поскольку кораблекрушение находилось в акватории островов Чуаньшань, оно первоначально называлось «Кораблекрушение Сун и Юань в водах островов Чуаньшань» (川山群岛海域宋元沉船). Позже г-н Ю Вэйчао, основатель подводной археологии Китая, назовет его «Наньхай-1», что означает «Южное море-1» [Чжоу Сяндун, 2014. С. 52].

Согласно отчетам о раскопках, на данный момент керамика, главным образом, была представлена изделиями из знаменитых китайских частных гончарен Цзиндэжэнь 景德镇 (пров. Цзянси), Дэхуа 德化 и Цыцзао 磁灶 (пров. Фуцзянь) и Лунцюань 龙泉 (пров. Чжэцзян) [Ху Yongjie, 2015. С. 85]. Фарфоровая утварь с других затонувших китайских торговых судов (например, Цюаньчжоу 泉州湾古船, Наньбао-1 南澳一号, Синаньчуань 新安船, Хуагуанцзяо-1 华光一号 и др.) не отличаются таким разнообразием форм. До обнаружения кораблекрушения «Наньхай-1», специалисты не находили столько изделий из разных частновладельческих мастерских времен династий Сун и Юань, собранных вместе. Это беспрецедентный случай в китайской археологии.

Инцидент на аукционе китайского фарфора дома «Кристалл», проходившего в Амстердаме в мае-апреле 1985 г.⁴ и обнаружение торгового судна «Наньхай-1» выявили необходимость развития отрасли подводной археологии для сохранения реликвий китайского культурного наследия на родине. В 1987 г. Чжан Вэй и его коллега Ян Линь были приглашены принять участие в подводных археологических раскопках в Нидерландах, где они прошли обучение основам подводного плавания с аквалангом. В том же году правительство Китая сформировало Национальную координационную группу по подводной археологии 国家水下考古协调小组. В конце 1987 г. Государственный комитет по охране культурного наследия КНР основал научную лабораторию подводной археологии при музее истории Китая в Пекине (Национальный музей КНР)⁵. В 1988 г. при поддержке Государственного комитета по охране культурного наследия КНР под руководством ведущих археологов Китая Чжан Вэй и Ю Вэйчао был создан первый тренировочный центр для водолазов-археологов в г. Гуанчжоу пров. Гуандун, где исследователей обучали не только дайвингу, но и технике подводных работ и исследованию археологических находок⁶.

В ноябре 1989 г. Китайский исторический музей (Национальный музей Китая) в сотрудничестве с Национальным институтом подводной археологии Японии официально начал подводное археологическое исследование «Наньхай-1». В ходе первого подводного археоло-

⁴ По заказу правительства КНР представители музея Гугун должны были приобрести несколько фарфоровых изделий династии Цин на выделенную сумму. Однако итоговая цена лотов аукциона превышала стартовую цену более, чем в десять раз, поэтому домой эксперты вернулись с пустыми руками. Этот инцидент вызвал сильное недовольство в международных археологических и музейных академических кругах и привлек внимание китайского правительства и департаментов культурных реликвий. См. Чжан Вэй. Тань чжунго шуй ся каогу фачжань сяньчжуан [张威。谈中国水下考古发展现状]. Говорим о состоянии развития китайской подводной археологии в настоящее время // Чжунго каогуван (中国考古网) 02.09.11 URL: <http://www.kaogu.cn/cn/kaoguyuandi/kaogusuibi/2013/1025/35119.html> (дата обращения 24.10.21).

⁵ См. материалы документального фильма «Древний корабль Наньхай-1» // Видеохостинг Youtube URL: <https://youtu.be/h2OM-fw0yyU> (дата обращения 25.03.21).

⁶ Чжан Вэй. Тань чжунго шуй ся каогу фачжань сяньчжуан [张威。谈中国水下考古发展现状]. Говорим о состоянии развития китайской подводной археологии в настоящее время // Чжунго каогуван (中国考古网) 02.09.11 URL: <http://www.kaogu.cn/cn/kaoguyuandi/kaogusuibi/2013/1025/35119.html> (дата обращения 24.10.21).

гического исследования Чжан Вэй стал первым профессиональным китайским археологом, прикоснувшимся к корпусу «Наньхай-1» Это исследование было провозглашено отправной точкой подводной археологии Китая. Однако непогода вынудила ученых поспешно свернуть экспедицию 1989 г.

В апреле 2001 г. благодаря пожертвованию г-на Чэнь Лайфа группа из 12-ти специалистов Исследовательского центра подводной археологии Китайского исторического музея и Исследовательского института культурных реликвий и археологии пров. Гуандун вновь отправилась в экспедицию. Команде археологов удалось определить точное местонахождение затонувшего корабля.

В период с марта по май 2002 г. было спасено более 4000 культурных реликвий. Наряду с фарфоровыми изделиями наибольший интерес представляют золотые драгоценности, обнаруженные на судне: разнообразные золотые кольца и золотой браслет в форме двуглавого дракона (рис. 1, 2, 3)⁷. Кроме того, было найдено несколько очень изящных артефактов, среди них черная лакированная шкатулка с орнаментом из красных вздымающихся облаков (рис. 1, 4), бронзовое зеркало в форме цветка подсолнечника и др. [Рассолова, 2021. С. 277].

Привлекают внимание несколько экзотических объектов — таких, как золотой пояс, обнаруженный в 1987 г., и скелет кобры. Стиль золотого пояса крайне экзотичен для Китая. Более того пояс с такими орнаментами не встречается в Юго-Восточной Азии. Эксперты предполагают, что золотой пояс мог появиться в Китае в результате контактов со странами Ближнего Востока. Данные находки в целом свидетельствуют о масштабах экономического взаимодействия вдоль Морского шелкового пути [Там же].

В октябре 2003 г. Департамент культуры провинции Гуандун провел совещание экспертов по обсуждению «Плана общего спасения Наньхай-1». После долгих обсуждений различных проектов по спасению памятника морского культурного наследия Китая в 2004 г. было принято решение поднять всю конструкцию корабля целиком. Для этого после расчистки от песка и ила морского дна вокруг судна в 2007 г. специалисты погрузили в воду кессон, оборудованный четырьмя датчиками с каждой стороны, весом в 530 тонн. Он состоял из двух частей: верхнего короба, куда был помещен сам корабль «Наньхай-1», нижнего короба высотой 5 м и сужающимся под углом дном для облегчения вхождения конструкции в морской ил. Между двумя частями кессона горизонтально располагались 36 пар квадратных отверстий, в которые аквалангисты вставили 36 стальных балок, ставших новым дном контейнера. Нижняя часть кессона, как предполагалось, должна была остаться на дне Южно-Китайского моря. После того как кессон накрыл обломки корабля «Наньхай-1», на него сверху поместили четыре стальных блока, для равномерной нагрузки и увеличения веса конструкции. Пристальное внимание специалисты уделяли углу вхождения кессона в ил: вся конструкция весила несколько тысяч тонн, в случае крена и смещения центра тяжести, она бы раздавила судно династии Южная Сун. Дно кессона должно было вытеснить ил и погрузиться в него на 10 м, полностью захватив корабль. Однако эксперты ошиблись в расчётах плотности ила под кораблем, вес четырех стальных

⁷ На судне Наньхай-1 были обнаружены три золотых кольца: в европейском стиле с инкрустацией большого бриллианта, в арабском стиле с инкрустацией жемчужин и гранатов, а также кольцо в китайском стиле. До настоящего времени подлинно неизвестно, кому могли принадлежать кольца и золотой браслет с драконьим орнаментом. По предположению, эти изделия могли предназначаться членам императорской семьи, потому как никто более не мог позволить себе носить в средневековом Китае золотые украшения с изображением дракона. Некоторые исследователи считают, что драгоценности могли принадлежать состоятельному арабскому купцу, однако в соответствии с исламскими правилами, мужчинам запрещено носить золотые и серебряные украшения. См. материалы документального фильма «Древний корабль Наньхай-1» // Видеохостинг Youtube URL: <https://youtu.be/h2OM-fw0yyU> (дата обращения 25.03.21).

блоков оказался недостаточным, поэтому пришлось добавить еще четыре. Общий вес блоков составил четыре тыс. тонн, что примерно равно двум тысячам легковых машин средних размеров. В процессе операции также возникла еще одна проблема: водолазам не удалось вставить балки из-за сопротивления ила. Было принято решение заострить переднюю часть балки, чтобы уменьшить сопротивление ила. Руководитель операции г-н У Цзяньчэнь также предложил смонтировать маленькие водяные насосы внутри стальной балки, чтобы разогнать ил мощным потоком воды, уменьшить размер отверстий, чтобы балку было легче протолкнуть сквозь кессон⁸.

За время экспедиции 80 лучших водолазов спасательного бюро Гуанчжоу спускались под воду 3012 раз, а суммарное время их работы превысило 3167 часов. Это исторический рекорд по затрате времени на подводные работы в ходе отдельного проекта.

Контейнер с судном «Наньхай-1» на поверхность поднял самый крупный грузовой корабль Азии — «Дракон Хуатянь» (华天龙). Вся операция продолжалась около 90 минут, но этого момента ждали более 20 лет несколько поколений китайских археологов. На подготовку и ее проведение ушло шесть лет ежедневной кропотливой работы⁹. После поднятия контейнера с морского дна его перевезли в музей морского Шелкового пути провинции Гуандун (广东海上丝绸之路博物馆)¹⁰, построенный на о. Хайлин в г. Янцзян, и поместили в главном павильоне внутри резервуара с водой (рис. 2).

В 2019 г. на затонувшем корабле династии Южная Сун «Наньхай-1» в провинции Гуандун прошла торжественная церемония спуска воды. В том же году проект подводных археологических раскопок затонувшего корабля был включен в десятку лучших новых открытий национальной археологии в 2019 г.¹¹ В настоящее время раскопки на судне Наньхай-1 проводятся методами полевой археологии в музее морского Шелкового пути провинции Гуандун. Это второй прецедент создания подобного учреждения на территории действующих археологических раскопок: как и в Музее терракотовых воинов (Сиань), посетители могут воочию увидеть процесс работы специалистов.

Случай корабля «Наньхай-1» — уникальный прецедент в мировой археологической науке. Благодаря необычайной сохранности корпуса корабля в толще ила, ученые смогут пристально изучить не только сохранившиеся материальные объекты культуры, но и флору, фауну того времени, провести анализ костных останков, различные бактериологические анализы. Изучение найденных артефактов на судне «Наньхай-1» прольет свет на историю фарфора, раскроет тайны быта членов экипажа, а также поможет реконструировать историю морского Шелкового пути.

⁸ См. материалы документального фильма «Древний корабль Наньхай-1» // Видеохостинг Youtube URL: <https://youtu.be/h2OM-fw0yyU> (дата обращения 25.03.21).

⁹ «Наньхайхао» гу чэньчуань ваньцюань денлу чжэнти далао чэнгун [“南海一号”古沉船完全登陆 整体打捞成功]. Древнее судно «Наньхай-1» полностью сошел на берег, спасательные работы прошли успешно // 中国日报 Chinadaily.com.cn (электрон. изд-е) 27.12.07 URL: http://www.chinadaily.com.cn/hqgj/2007-12/27/content_6353734.htm (дата обращения 25.08.21).

¹⁰ Гуандун хайшан сычоу чжи лу боугуань [广东海上丝绸之路博物馆 // 百度百科]. Музей Морского шелкового пути провинции Гуандун. URL: <https://baike.baidu.com/item/广东海上丝绸之路博物馆/6021987?fromtitle=南海一号博物馆&fromid=6010270> (дата обращения 15.01.2021).

¹¹ «Наньхайхао» жусюань 2019 няньду цюаньго каогу ши да синь фасянь, вэй шицзе шан баоцунь цзуй ваньчжэн ди хайшан чэньчуань [《南海一号》入选2019年度全国考古十大新发现, 为世界上保存最完整的海上沉船]. «Наньхай-1» был выбран в качестве одного из десяти лучших открытий национальной археологии в 2019 году и является наиболее хорошо сохранившимся кораблекрушением в мире. // 文汇报 WHB.cn (электрон. изд-е) 13.05.20 URL: <http://www.whb.cn/zhuzhan/hsttupian/20200513/347108.html> (дата обращения 05.11.21).

Рис. 2. Музей морского Шелкового пути провинции Гуандун.

Источник: Официальный сайт музея Морского шелкового пути провинции Гуандун
URL: <https://www.msrmuseum.com/News/Special/6>

Литература

Войтишек Е. Э., Кумпол Т. А. Судьба китайского корабля Синьаньчуань и морская торговля в Восточной Азии в средние века // Мат-лы конф. / Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020. С. 74–82.

Рассолова Д. В. Китайское судно «Наньхай-1» и морская торговля в Восточной Азии // Мат-лы конф. / Китай и соседи: 6-я всероссийская научная конференция молодых востоковедов, Санкт-Петербург, 17–18 марта 2021 года. Санкт-Петербург: изд-во Art-Xpress, 2021. С. 276–280.

Чжоу Сяндун. Цун «Наньхайихао» чушуй цыци кань гудай хайвай маои цыци дэ шэнчань бяньцян [周湘东。从“南海一号”出水瓷器看古代 海外贸易瓷器的生产变迁：丝绸之路]。На примере фарфора с судна «Наньхай-1» рассмотрим изменения в производстве древнего фарфора, предназначенного для международной морской торговли // Сычоу чжилу. 2014. № 14. С. 52–53.

Xu Yongjie. The Dream and the Glory: Integral Salvage of the Nanhai No. 1 Shipwreck and its Significance. The Silk Road 5 (2), p. 16–19, 2008.

Xu Yongjie. The Test Excavation of the Nanhai No. 1 Shipwreck in 2011: a Detail Leading to the Whole. The Silk Road 13, p. 84–87, 2015.

УДК 392.8+641/642

DOI 10.25205/978-5-4437-1268-0-102-109

Ute Wallenböck*Masaryk University, Brno, Czech Republic***CONNECTING FOODWAYS:
CULTURAL ENTANGLEMENT IN INNER ASIA**

The paper deals with the cultural aspects of foods and beverages in Inner Asia with focus on the Tibetan cultural realm. I argue that everyday foods illustrate cultural identity: Food(s) are vehicles for expressing culture. In fact, food is the base of every society and food and at the same time it is a tool to communicate ideas, values, identities, and attitudes. Being aware that Tibetan cuisine represents a combination of influences from China, Central Asia, Mongolia, India, and Nepal, for instance, I am questioning according to what criteria do the Tibetans qualify a foodstuff or a dish as “traditional” or even “unique”. I will, hence, validate the framework that food can produce control and coercion in both the political and social spheres.

Keywords: Tibetan food, Tibetans, Mongols, cultural entanglement

Уте Валленбёк*Масариков университет, Брно, Чехия***СВЯЗЬ ГАСТРОНОМИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ – СВИДЕТЕЛЬСТВО
КУЛЬТУРНЫХ ПЕРЕСЕЧЕНИЙ ВО ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ**

В работе представлены изыскания в области еды и напитков Внутренней Азии на примере Тибета. Мы оспариваем тезис, согласно которому еда является средством выражения культурных норм, а повседневные блюда демонстрируют этническую идентичность. Гастрономическая культура, безусловно, является основой любого общества и может быть использована как средство трансляции идей, ценностей, индивидуальности и отношений. Тем не менее, мы ставим под сомнение критерии, руководствуясь которыми тибетцы определяют свои блюда и продукты питания как «традиционные» и «уникальные», ведь тибетская кухня представляет собой комбинацию заимствований из Китая, Центральной Азии, Монголии, Индии и Непала. В работе также рассматривается вопрос, насколько еда может влиять на политическую и социальную стороны жизни общества.

Ключевые слова: Тибетская кухня, тибетцы, монголы, культурные пересечения

Food and cultures are inseparable. Food has been a manifestation of both the uniqueness and similarities of various cultures and societies in a global context. From the cultivation of ingredients, preparation of dishes, partaking of meals to handing down family recipes, the significance of food

has been interwoven in the socio-economic and cultural fabrics of local and international scales. Moreover, it has to be kept in mind that societies all over the world are in continuous transformations. Hence, light will be shed on the various perspectives on how food, cultures and societies are interwoven. In fact, culinary culture is not a static phenomenon but cuisine and food-related customs are continually evolving. On the most elementary level, Inner Asian cuisines share ingredients and dishes. I state that the search for the authentic national cookery is an elusive un-realistic exercise. In fact, cultures evolve through contacts with other ethnic groups over times and consequently, cuisines change by the same process.

In regard to entanglements, I am looking at the cross-cultural connections in Inner Asia through the study of foodways, a collective term for cuisines and food rituals, with focus on Tibetan food(s).

Research on Asian and South Asian food became very popular in the past years, as well as on food of nomadic people such as the Mongols. However, it is quite surprising for me that there has been hardly any academic research done on Tibetan food(s) so far. The Tibetologist Petra Maurer [2011] gives a general overview of Tibetan food in a short non-academic article, and Diana Altner [2010] worked on fishery on the Tibetan plateau. Worth mentioning, is also Wu Qi's dissertation [2013. P. 44–59], in which he at least briefly addressed food in the Tibetan Amdo society and the changes of daily food(s) in modern history. Then there are also the various contributions in the trans-disciplinary journal *Asian Highlands Perspectives (AHP)* with its focus on the Tibetan Plateau. In some of the articles, in connection with rituals and festivals, food is described such as in Timothy Thurston and Tsering Samdrup's paper on Tibetan New Year in a Tibetan village in Amdo [2012]. However, the most recent research done on Tibetan food is by Geoffrey Barstow [2017] who focuses on the history of vegetarianism on the Tibetan plateau regarding Tibetan Buddhism. Moreover, as medicine and nutrition are closely related, the nutritious aspect of *Sowa Rigpa (gsog ba rig pa)*, the Science of Healing, has to be mentioned. The *rGyud bzhi*, the four tantra of Sowa Rigpa, gives reference to Tibetan food — or at least its ingredients. The origins of the text are debated, but it seems to have been arranged in the form we know today in the twelfth century by the famous Tibetan physician, Yutog Yondan Gampo [gYu thog yon tan mgon po] (1112–1203). In chapter 16 of the second section of the four tantra, the “Explanatory Tantra”, the six grains (*'bru*) are listed, by being divided into leguminous crops (*gang bu can*), namely beans and peas, and crops (*gra ma*), such as rice, millet, wheat and different kinds of barley. In fact, this section also deals with dietetics by differentiating into food and beverages, whereas food is divided into five items, namely grain, meat, greens, butter with fats and food cooked. In terms of beverages, milk, water, *chang* (fermented grain) and others are explained [Ploberger, 2012. P. 231–248].

To my understanding, there is no explicit written material on food in historical Tibetan sources. Based on my current knowledge, not even cookbooks existed in the Tibetan cultural realm until the second half of the 20th century.

“Most Tibetans learn to cook from an older person who is already a good cook, and they do not have exact, written, recipes to follow. Cooking is more a matter of experience and common sense, and getting a feeling how things go together and how they should taste and look!” [Rinjing Dorje, 1985. P. 50].

The first detailed account on Tibetan food (at least in a Western language) was written by Alexandra David-Neél, who went to Tibet in about 1916 as well as in 1924. In her book *Gargantua au pays des neiges: Cuisine, traditions et images*, she writes that Tibetans have no special cooking skills, and they always keep eating the same food. Differences only depend on the various soils on the Tibetan plateau. In her book she describes the preparation of beverages, foods made from grain, meat, dishes made from meat, milk products such as yoghurt, butter and cheese. Then, there is the section of soups — among one of the soups is called “Mongol broth” [David-Neél, 1976. P. 76], implication the cultural exchange between Mongols and Tibetans even in terms of food.

The Tibetan cultural realm is a huge tract of land, and the different regions of the Tibet have varying climate. And additionally, the Tibetan plateau hosts enormously varying physical environments: From southeast to northwest of Tibet, montane forests, alpine meadows, alpine grasslands or steppes, semi-deserts are distributed. Consequently, affected by the alpine altitude and harsh environment, Tibetans have their featured food species and unique dining habits.

Hence, I argue that there is Tibetan regional food as well as the various foods also depend on the lifestyle. Consequently, the so-called traditional dishes depend on the region as well as on the lifestyle.

Fig. 1

In terms of regions, reference shall be given to the three “traditional” Tibetan provinces of Amdo, Kham and ÜTsang, whereas the latter refers to contemporary Tibet autonomous region with Lhasa as its capital (fig. 1). In ÜTsang, Indian, Nepali and British (because of colonialism) cultural traces can be found. The region of Kham covers parts of contemporary Yunnan and Sichuan, as well as small parts of Qinghai and the Tibetan autonomous regions (TAR). In these regions, preliminary contacts with Chinese culture and other ethnic

groups can be traced. Interesting for my research is Amdo, which is concentrated in today’s China’s province of Qinghai, and also includes parts of Gansu and Sichuan. In Amdo, there has been a great influence and contribution of Turkic (Muslim), Chinese, and Mongol cultures. Matthias Hermanns — who lived in Amdo during the Republican time — reports in his book *“The Family of Amdo Tibetans”* [1959, P. 134] that during festivals, Chinese dishes were served. And in his book on *“Nomads in Tibet”* [1949, P. 59], he states that Tibetans sometimes use Chinese spices for their dishes. Hence, the Chinese influence on food in that area can be seen. Influence of the Chinese cultural realm is visible all over the Tibetan areas, and as Matthew Kapstein [2006, P. 56] has already drawn attention to the fact that “sons of noble families were sent to China to study the classics, and Chinese scholars were invited to Tibet to handle official correspondence with the Tang court”.

Due to lack of research on Tibetan food from the various aspects, in my on-going research, I hence want to understand, not only how Tibetan food is produced, distributed, and consumed in all of its many forms, but I am also questioning the existence of “traditional” Tibetan food in the context of Inner Asia with emphasis on the cultural entanglements in terms of food.

There is a long-lasting debate in the humanities and cultural studies on how to conceptualize the processes of change affected through culture contact [Barnard et al, 1996]. In order to understand local cultures, one has to look at the processes of intercultural encounters, assimilation and synthesis, based on the awareness that cultures are highly interwoven, interdependent, and constituted in processes of contact and exchange. Thus, issues of “acculturation” or “hybridity” [Werbner et al, 1993; Burke, 2009; Welsch, 2011], which have gained a certain popularity in cultural studies in the age of globalization, are no newcomers on the agenda in Inner Asian studies. The focus on matters of transmission as social and cultural process inevitably lead to a greater awareness of how cultures are

highly interwoven and interdependent. Studies dealing with the issue of cultural transfers have highlighted the many ways in which these may occur [Burke, 2009; Viebeck, 2017]. Hence, when looking at Tibetans and their history, they have also become subjected to a range of influences and changes in their everyday lives, including food and eating habits. They have been entangled in networks of relations, all of which shape their foods. Due to various impacts of cultural transfer as well as cultural exchange, products from other cultural realms were imported, borrowed, and then integrated/incorporated. In terms of the Tibetan cultural realm, the cultural influences in Tibet especially from Turkic and Mongol group traces back to the period of the Mongol empire as well there has been considerable contact between the Mongols and Tibetans already before 1240 [Atwood, 2015]. Consequently, I argue that based upon these contacts, there is close relation between Tibetan and Mongol food. Many Tibetan dishes might be a borrowing from the various neighboring cultural realms. Therefore, I argue that on one hand, Tibetans are using traditional recipes using more or less traditional ingredients, and on the other hand they use “other” recipes cooked with Tibetan taste, namely with ingredients preferred by Tibetans.

The most valuable source on Mongol food dates back to the 14th century, namely the *Yinshan zhengyao* (YSZY) 飲膳正要, or “Proper and Essential Things for the Emperor’s Food and Drink” written by Hu Sihui 忽思慧 in 1330. The text includes specific culinary recipes (mainly non-Chinese ones), focuses on the medical aspects of nutrition and the medical values of food and recipes. Hu presents the cuisine of a world empire, one standing at the crossroads of the many different cultures finding expression within it: Mongol, Turkic, South and West Asian, as well as Chinese. But not reference to Tibetan. In fact, Hu’s text shows the culinary results of long-term mutual contacts between the various peoples of Inner Asia. Moreover, when consulting Hu’s text, it can be seen that the various cuisines are distinctive from each other due to climate, resources, geography, history, and lifestyle. Additionally, to the increasing cross-border behavior and the subsequent cultural interactions dishes as well as flavoring have been borrowed, then adapted. Boundaries are elaborated in the process of producing, procuring, preparing, and consuming of food, and cuisines do not develop within a single region, but instead come about through exchange and borrowing. By borrowing new foods and spices, some native food has been adapted or even transformed into new dishes throughout the centuries. Of key importance for the Mongols were the borrowings from a variety of other cultures — besides the Chinese and Turkic ones, also Siberian and Central Asian. According to Buell and Anderson, “the ancestors of the later Altaic people would have been involved in mediating any exchanges that did occur.” [Buell and Anderson, 2010. P. 51]. Moreover, since the text is riddled with transcriptions of foreign words, it can be stated that the cuisine during the Yuan dynasty has been influenced by Turkish-Mongol and Arab-Persian cuisine: “It may even be argued that the many ... recipes, are Mongolian in essence, but cooked with Muslim spices and additions, sometimes in a Chinese way. The dishes are artificial and the result of a conscious attempt on the part of the Mongols to create a new international cuisine” [Buell and Anderson, 2010. P. 88]. In fact, Hu’s text incorporates foods from all the realms conquered or even affected by the Mongols. Hu presents the cuisine of a world empire, one standing at the crossroads of the many different cultures finding expression within it: Mongol, Turkic, South and West Asian, Chinese. The cuisine of the Mongol empire already included highly acculturated dishes, especially among the Mongolian court elites after the 14th century. “The court food described ... represents a peak of westward influence, but not a sudden intrusion of a totally new cuisine” [Buell and Anderson, 2010. P. 56]. Hu’s text shows the culinary results of long-term mutual contacts between the various peoples of Inner Asia, such as the Turkic groups and Mongols. However, the main difference between the Chinese, Turkish and Mongolian cooking was the popularity of milk products — as among the Mongol elites, vast amounts of dairy products were consumed.

Besides Hu’s text, there are also several accounts by European missionaries, merchants and adventurer of the 13th and 14th century, who give report on food and beverages at the Mongol court as well

as within the Mongol empire. The Flemish Franciscan missionary William of Rubruck (1248–1255) for instance writes: “And we found him [Möngke] with a few members of his household drinking liquid *tam*, that is a food made from dough, for the comfort of his head” [Dawson, 1955. P. 168]. I assume that this kind of food had spread from Tibet to the Mongols by the mid-thirteenth century. The dish Rubruck is talking about is assumingly *tsampa*, the most common staple foodstuff in Tibet, made from roasted barley. There are several ways of the preparation of this dish, mainly “after being thoroughly kneaded with the fingers in a mixture of tea and butter, is taken out in lumps and eaten from the hand” [Rijnhart, 1901. P. 47].

By taking food as an identity marker as an example, in this paper, I will shed light on the food produced and consumed in contemporary Henan Mongol Autonomous County in Qinghai province, in the PRC, inhabited mainly by Tibetans and Mongols. Due to the long-term mutual contacts between Tibetans and Mongols, a milieu was created in which unique local customs, language patterns, and social communities have emerged; the origins of which lie in encounters between Tibetan and Mongol cultures that share certain features to form a new, distinct culture [Wallenböck, 2019]. In fact, in course of my fieldwork in 2014 and 2017 and in-depth reading of primary sources, I came across food as an identity marker, especially for the Mongols of contemporary Henan County to distinct themselves from the Tibetans. As an example, during an interview one informant told me, I quote:

We are not really Mongols. We do not speak Mongolian but Tibetan. Now we eat *tsampa* like the Tibetans even though we used to refer to it as “*torma tsampa*”¹.

Based on the argument from my informant, I did some literature research and came across a historical source of the Qing Dynasty. Besides other issues, Zhongyou Angqing Jiabu elaborates that *tsampa*, the staple food of the Tibetans, was unknown to the Mongols as a food because it was only known as “*torma tsampa*” (*duoma fen* 朵马粉). In his book, Zhongyou Angqing Jiabu [2008. P. 138] wrote that the eating and living habits as well as the clothing of the Mongols of the Henan grasslands were very strongly influenced by the Tibetan environment. He states — as well as it is written in the *Annals of Henan County* [2010. P. 377] — that millet has been the main food (in Chinese *xiaomi* 小米 and in Tibetan called *ti er mu wu da* 铁尔木吾达 (Tib. ther mi bu ta)). Much to my surprise, hardly any millet can be found in that area nowadays.

In history, Mongols as well as most nomadic peoples of Inner Asia obtained most of their food from animals. The Franciscan monk John of Plano Carpini, who was sent as envoy of Pope Innocent IV to the Mongols in the 1240s, reports as following:

[The Mongols] have neither bread nor herbs nor vegetables nor anything else, nothing but meat... They drink mare’s milk in very great quantities if they have it; they also drink the milk of ewes, cows, goats and even camels. [Carpini, 1955. P. 16–17].

Another milk product worth mentioning is a beverage famous among the Mongols but unknown among Tibetans — *kumiss*, fermented mare milk. *Kumiss* is the Russian term for the Mongolian *airag*. William of Rubruck, Marco Polo, and Ibn Battuta record that *kumiss* was served important ceremonial function. [Smith, 2000] Moreover, the strict protocol accompanying the serving and consumption of *kumiss* is recorded in *The Secret History of the Mongols*. Matthias Hermanns [1949. P. 66–79] gives a detailed account of almost five pages on *airag* in regard to the various Mongol groups and the people of the Altai, and the difference to *chang*, an alcoholic drink that is made of barley, rice or millet, among Tibetans. Susie Rijnhart [1901. P. 223] in contrary reports after having arrived west of Kokonor (Qinghai Lake) as following: “The food of the Mongols here is the same as that of the Tibetans, and like the latter they make wine, and also a sort of koumiss from mare’s milk.”

¹ Torma (*gtor ma*) are sculptures mostly made of butter, clay or *tsampa* (*rtsam pa*), which symbolize, among other things, food for the gods.

Back to the Mongols of Henan County. According to the local source written by Dkon mchog skyab [2009], *kumiss* was only drunk by the local rulers at celebrations, but not by the “normal” population. Additionally, in the *Annals of Henan*, reference is only given to mare milk (*manai* 马奶) as well as sheep milk (*yangnai* 羊奶) being drunk until the end of the Republican era. Interestingly, no reference at all is given if the milk was drunk fermented or fresh.

In terms of dairy products, they are perceived as “white food” (*dkar zas*), with the meaning that white food is any food uncontaminated by blood, free from killing, such as milk, butter, cheese, and yogurt. Thus, after milk, the next “white food” worth mentioning is butter. Zhongyou Angqing Jiabu [2008. P. 137] states that the Mongols did not know butter, and only in later years/centuries they learned the technology of making butter. However, this is in contradiction with Rubruk’s travel report in which he describes that one of the dishes he ate was made of millet with butter [Rubruck, 2013. P. 151]. But again, interestingly, the information given in the *Annals of Henan* is in line with Zhongyou Angqing Jiabu, that historically, the Mongols of Qinghai did not make nor eat butter. Therefore, at least in regard to the Mongols in Qinghai, it can be stated that butter is surpassingly another “typical” Tibetan food. Sven Hedin (1865–1952), a Swedish explorer who led various expedition through Central and Inner Asia, states that he has never tasted anything as good as Tibetan yoghurt; for him compared to Tibetan yoghurt “oysters and champagne are simply humbug!” [Hedin, 2008. P. 236].

Besides the “white foods”, are also the “red foods” (*dmaz zas*), which include meat and blood. The Mongols’ main meat foods were mutton. According to Zhongyou Angqing Jiabu as well as to the *Annals of Henan* [2010. P. 377] meat and milk are counted as the main stable food for the population of the area of the Henan grasslands. According to the *Annals of Henan*, besides beef and mutton, camel meat was eaten. In the various interviews I was told that Mongols used to eat meat of sheep, camels, yaks and even marmots, but not of horses or pork. Interestingly, in terms of Tibetans, according to Ekai Kawaguchi [1909. P. 269], who went to Tibet for five years in 1900, reports that also pork is eaten, but only by the Tibetans who have dealings with the Chinese. My interviewees highlighted that the eating of camel meat and marmot meat was making them distinct from the Tibetans. This refers only to the past, as in the present, there are no more camels in Henan County.

Regarding the consumption of meat, meat is eaten half-cooked, or in Western culinary terms “rosé rare”, or air-dried among Tibetans and Mongols. According to Alexandra David-Neél [1953], the smell of roasted meat is not appreciated by the gods, as well as Kawaguchi [1909. P. 265] mentioned that “meat is regarded as unceremonial” — that’s why Tibetans do not roast meat.

Naturally dried meat is often referred to as “typical” Tibetan food in Western society. But as a matter of fact, it has to be kept in mind that the technique of air drying might have been borrowed from the Mongols. Therefore, the air-dried meat can be taken as an example that food(s) are the result of an evolution through cultural transfer. Dried meat products have the advantage that they can be preserved under ambient conditions as well as they require little storage.

Another dish worth investigating is pasta. According to historical sources, grain and noodle dishes find their origin in the Turkic Middle East [Buell, 2010. P. 117], hence, they are of non-Chinese origin. The Jesuit Ippolito Desideri of the early 18th century mentions *thukpa*, in a noodle soup which originated from Eastern Tibet, Amdo. According to Desideri [2010. P. 270], *thukpa* “is a kind of watery vegetable broth into which they add while it’s boiling, a little at a time, roasted barley flour and *chura* (Cciurà), a kind of grated cheese”.

In fact, the dish described by Desideri seems not be a noodle-dish. However, by looking at Western travel reports, in regard to pasta or noodles, the Lazarist missionaries Huc and Gabet who traveled to Tibet in 1844–1856, mention “pasta”; and Susie Carson Rijnhart [1901. P. 38] reports about “*m’ien*”, with the additional information that “[i]nstead of cutting it into strips he [the cook] would cut it into squares”. All these reports refer to the Tibetan cultural realm of Amdo, an area which had historically closer economic relations to the various courts of China than to Lhasa. In regard

to China, the French sinologist Françoise Sabban together with Silvano Serventi [2002] conducted research on pasta in China; they trace back the origin of noodles in the kingdom of Wei in Shanxi around 281 A. D. They postulate that during that time, noodles were known with the Chinese term “bing”, a generic term for all dishes made with kneaded wheat flour. Then, with the Tang dynasty, the term “mian” for wheat flour appears in sources. And only with the Mongols, beginning in the 10th century, pasta became a more refined foodstuff. Based on these findings, I assume that any of the dishes made of wheat flour eaten in Tibet, has been imported by the Mongols or by the Chinese.

By having given some examples on the different foods of Mongols and Tibetans, it is evident that the food cultures in this area have mixed and complemented each other over the centuries, and at the same time, the various cultures demand food(s) and foodstuff to “belong” to the cultural identity of their ethnic group. Therefore, I argue that food can be viewed as a marker of ethnic identity. Despite the matter of fact, that the various “traditional” foods of Tibet have developed in course of the cultural exchange and entanglement with the neighboring countries, they still perceive “their” food as unique and traditional.

References

- Altner Diana.* From Water Radish to Fish Restaurant: Recent Development of Fisheries in Central Tibet // AAS Working Papers in Social Anthropology, 2010. Vol. 18. P. 1–13.
- Atwood Christopher P.* The First Mongol Contacts with the Tibetans // R. Vitali (Ed.), Trails of the Tibetan Tradition: Papers for Elliot Sperling). Paris: UMR 8155 (CRCAO) of The French National Center for Scientific Research (CRNS), 2015. P. 21–45.
- Barnard Alan and Jonathan Spencer,* (eds). Encyclopaedia of Social and Cultural Anthropology, London 1996.
- Barstow Geoffrey.* Food of Sinful Demons: Meat, Vegetarianism, and the Limits of Buddhism in Tibet. University of California Press, 2017.
- Bentley Jerry H.* Old World Encounters: Cross-cultural Contacts and Exchange in Pre-modern Times, New York 1993.
- Buell Paul and Eugene Anderson.* A Soup for the Qan: Chinese Dietary Medicine of the Mongol Era As Seen in Hu Sihui’s Yinshan Zhengyao. Brill, 2010.
- Burke Peter.* Cultural Hybridity, Cambridge 2009.
- John of Piano Carpini.* History of the Mongols // Christopher Dawson, The Mongol Mission, London: Sheed and Ward, 1955.
- David-Neél Alexandra.* Im Schatten des Himalaja: Zauber und Wunder in Nepal. Brockhaus, 1953.
- David-Neél Alexandra.* Leben in Tibet. Kulinarische und andere Traditionen aus dem Lande des Ewigen Schnees, Basel, 1976.
- Dawson Christopher* (Ed.). Mission to Asia. Harper Torchbook, 1955. Original text: Wyngaert, Anastasius vand er. Sinica franciscana. Vol. I, Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV, Quaracchi-Firenze: Ad Claras Aquas, 1929.
- Desideri Ippolito.* Leonard Zwilling (ed.) and Michael J. Sweet (translator), Mission to Tibet: The Extraordinary Eighteenth-Century Account of Father Ippolito Desideri S. J., Wisdom publication, 2010.
- Dkon mchog skyab.* 2009. rMa lho sog zhog gi lo rgyus rgyu cha phyogs bsgrigs (A Compilation of Henan Mongol Historical Materials). 6/6 Bd. [China].
- Hedin Sven.* Abenteuer in Tibet. 1899-1902. Stuttgart: Edition Erdmann, 2008.
- Hermann Matthias.* Die Nomaden von Tibet: die sozial-wirtschaftlichen Grundlagen der Hirtenkulturen in Amdo und von Innerasien, Ursprung und Entwicklung der Viehzucht. Wien: Herold Verlag, 1949.

Hermanns Matthias. Die Familie der Amdo-Tibeter. München: Verlag Karl Alber, 1959.

Hu Sihui 忽思慧. Yinshan zhengyao (YSZY) 飲膳正要 [Proper and Essential Things for the Emperor's Food and Drink], ca. 1330. <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=968624>

Huc Régis-Everiste. Travels in Tartary, Thibet and China during the years 1844-56. Chicago: The Open Court Pub. Co, 1900. <https://www.gutenberg.org/files/32747/32747-h/32747-h.htm>

Kapstein Mathew. The Tibetans, Blackwell Publishing, Malden- Oxford-Victoria 2006.

Kawaguchi Ekai. Three years in Tibet. Theosophical Publishing Society, Benares and London, 1909.

Maurer Petra. Die traditionelle Ernährung der Tibeter // Akademie Aktuell. Zeitschrift der bayrischen Akademie der Wissenschaften. Heft 36, Schwerpunkt Ernährung. Grundlagen des Lebens, Ursache von Krankheit, Ausdruck von Kultur und Religion, 2011. P. 35-39.

Ploberger Florian. Wurzeltantra und Tantra der Erklärungen aus: Die vier Tantra der Tibetischen Medizin. Bacopa Verlag, 2012.

Rachewiltz Igor de. The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. Shorter version edited by John C. Street, University of Wisconsin — Madison. Books and Monographs. Book 4, 2015. <http://cedar.wvu.edu/cedarbooks/4>

Rijnhart Susie Carson. With the Tibetans in Tent and Temple. Chicago, New York & Toronto: Fleming H. Revell Company, 1901.

Rinjing Dorje. Food in Tibetan Life. Prospect Books, 1985.

Rubruk Wilhelm von. Reise zu den Mongolen. Von Konstantinopel nach Karakorum. Herausgegeben von Hans Dieter Leicht. Edition Erdmann, 2013.

Serventi Silvano and Sabban Françoise. Pasta. The Story of a Universal Food. New York Chichester, West Sussex: Columbia University Press, 2002.

Smith John M. Dietary Decadence and Dynastic Decline in the Mongol Empire // Journal of Asian History, 34/1, 2000.

http://afe.easia.columbia.edu/mongols/pastoral/masson_smith.pdf

Thurston Timothy and Tsering Samdrup. An Amdo Tibetan Pastoralist Family's Lo sar in Stong skor Village // Asian Highlands Perspectives, 2012. Vol. 21. P. 33-69.

Viehbeck Markus (ed.). Transcultural Encounters in the Himalayan Borderlands. Kalimpong as a "Contact Zone," Heidelberg, 2017.

Wallenböck Ute. Die Bevölkerung am Sino-Tibetischen Grenzgebiet. Identitätskonstruktion der Tibet- Mongolen. (Globalgeschichte und Global Studies, Vol. 1), Münster: Aschendorff Verlag, 2019.

Welsch Wolfgang. Immer nur der Mensch? Entwürfe zu einer anderen Anthropologie. Berlin, 2011.

Werbner Pnina and Tariq Modood (eds.). Debating Cultural Hybridity. Multi-cultural Identities and the Politics of Anti-racism, London, 1997.

Wu Qi. Tradition and modernity: cultural continuum and transition among Tibetans in Amdo. Dissertation. University of Helsinki, 2013.

(Qing) Zhongyou Angqing Jiabu (清) 仲优·昂青嘉布. Xian zu yan jiao 先祖言教 (Original title in Tibetan: Deb thar [sic!] mes po'i shal lung). Xining: Qinghai Renmin Chubanshe, 2008.

Zhuocang Cairang 卓仓才让. Huang He Nan Menggu zhi 黄河南蒙古志 (Annals of Henan). Lanzhou: Gansu Minzu Chubanshe, 2010.

УДК 94(510.4)

DOI 10.25205/978-5-4437-1268-0-110-117

Д. А. Глазунов*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОРОДСКОЙ СИСТЕМЫ СИНЬЦЗЯНА (середина XVIII — конец XIX веков)

Городская система Синьцзяна является динамичной в исторической перспективе. Основные городские системы, которые существуют сегодня, сложились во второй половине XVIII в. Развитие городов севера и юга Синьцзяна шло разными путями, оно было не равномерным. Основной путь развития городских систем Синьцзяна связан был с завоеванием региона и заключался в строительстве новых крепостей, которые с течением времени приобретали больше административных и экономических функций. Условия развития городов севера и юга Синьцзяна отличались друг от друга. Цинское правительство во многом поддерживало северные города, помогая административными, финансовыми, материальными и людскими ресурсами, что способствовало неравномерному развитию региона. Развитие городских систем Синьцзяна прошло два этапа. Первый этап связан с завоеванием региона цинским двором, активным строительством крепостей и военных укреплений, существованием множества систем управления. Второй этап связан с разрушением городов, городских систем цинского периода в результате массовых восстаний в середине 1860-х гг. и введением новой административной системы в 1884 г.

Ключевые слова: Синьцзян, система крепостей, военное управления *цзюньгуань*, гражданское управления *фусянь*

D.A. Glazunov*Altai State University, Barnaul, Russia*

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE XINJIANG'S URBAN SYSTEM (mid-XVIII — late XIX century)

Xinjiang's urban system is dynamic in historical perspective. The main urban systems of Xinjiang were formed in the second half of the XVIII century. The development of cities in the north and south of Xinjiang went in different ways, it was not balanced. The main way of development of Xinjiang's urban systems was determined by the conquest of the region and consisted in the construction of new fortresses, which over time acquired more administrative and economic functions. The conditions for the development of cities in the north and south of Xinjiang differed from each other. The Qing government largely supported the northern cities, helping with administrative, financial, material and human resources, which contributed to the unequal development of the region. The development of Xinjiang's urban systems has gone through two stages. The first stage is associated with the conquest of the region

by the Qing government, the active construction of fortresses and military fortifications, the existence of many management systems. The second stage is associated with the destruction of cities, urban systems of the Qing period as a result of mass uprisings in the mid-1860s and the introduction of a new administrative system in 1884.

Keywords: Xinjiang, fortress system, military administration junguan, civil administration fuxian

Несмотря на то, что история городов Синьцзяна насчитывает несколько тысячелетий, но в начале цинского периода их количество было относительно небольшим. Более того, северный Синьцзян относился к территории кочевания джунгар, и соответственно там было мало городов. Южный Синьцзян представлял собой место, где традиционно городские поселения преобладали, сельскохозяйственное хозяйство было ведущей сферой экономики. Поэтому к середине XVIII в. города (城市) и защитные укрепления (城堡) здесь имели место быть (рис. 1, 1), но они были небольшими, и большинство из них серьезно подверглись разрушению в период их завоевания цинами.

Развитие городов Синьцзяна во многом было определено географией. Территория региона представляет собой цепочку оазисов, которые занимают менее 5% от общей площади. На этой территории располагаются все поселения, сельскохозяйственные угодья, промышленные предприятия, проживают более 95% населения Синьцзяна [Ван Гоцин, 1991. С. 27].

Исходя оазисной особенности региона, в настоящее время выделяют пять городских систем (поясов) в Синьцзяне [Чжао Цзяньсинь, 1987. С. 40–45]:

1. Городская система на северном склоне Тяньшаня с центром Урумчи (Дихуа);
2. Городская система ИТА, которая получила название по первым буквам главных городов: Кульджа (Инин), Чугучак (Тачэн) и Алтай. В этой городской системе центральную роль играет Кульджа (Инин);
3. Городская система юго-западной части южного Синьцзяна, в которую включали такие крупные поселения как Кашгар (Каши), Яркенд и Хотан;
4. Городская система юго-восточной части южного Синьцзяна, располагающие по линии Аксу-Корла;
5. Городская система восточного Синьцзяна с Хами и Турфаном в качестве центров.

Формирование городских систем Синьцзяна в середине XVIII в. было в основном определялось завоеванным статусом региона. После его завоевания цинское правительство, с одной стороны, консервировало устоявшиеся традиции, с другой стороны, пыталось внести новые элементы управления, характерные для материкового Китая. Поэтому в регионе отсутствовала еденная система управления. В частности, она была представлена:

- военным управлением *цзюньгуань* (军管制),
- гражданским управления *фусянь* (府县制),
- традиционными бекствами (伯克制),
- традиционными засаками (扎萨克制).

На юге Синьцзяна цинские власти опирались уже на существующую инфраструктуру. Южный Синьцзян до завоевания цинами назывался «восемь городов исламского края» (回疆八成胡эй цзян ба чэн). Это название подчеркивало высокую роль восьми крупных городов (Кашгар, Янгисар, Яркенд (Еэрцян) Хотан, Аксу, Уши, Куча и Калашар) в жизни региона. Термин *хуэй цзян* — сокращенная форма от собирательного понятия *чанхуэй*, обозначающего народы, исповедовавшие ислам.

На территории южного Синьцзяна цинский двор построил либо отдельные крепости, либо строил их вокруг существовавших городов [Хэ Иминь, 2018. С. 285]:

Рядом с Хами — две крепости (旧城 и 新城) и пять укреплений (堡).

Бичжань¹ (辟展, 1727 г.) — крепость, которой подчинялись девять укрепленных сел (城村).

Рядом с Карашаром (Харашала) — две крепости (旧城 и 新城) с пятью укрепленными селами (城村).

Рядом с Куча — одна крепость.

Шахьяр — крепость.

Сайрам² (赛里木, 赛呷木) — крепость с одним селом (村庄).

Байдун (拜东, 拜, 巴依) — крепость с двумя селами (村庄).

Рядом с Аксу — четыре крепости.

Рядом с Учтурфаном (Уши) — одна крепость с одним селом (村庄).

Рядом с Кашгаром — одна крепость с шестью укрепленными селами (城村).

Рядом с Яркендом (Еэрцянь) — одна крепость с семью укрепленными селами (城村).

Рядом с Хотаном — шесть крепостей³.

Таким образом, правительство Цин на основе существовавших ранее восьми городов юга Синьцзяна создало и построило ряд крепостей, образующих прообраз будущих городских систем, которая включала в себя около 30 городов разной величины. К крупным городам относились Яркенд, Хотан, Кашгра и Аксу, к средним — Учтурфан, Янгисар, Бичжань, Куча, остальные — к малым. Можно сказать, что городская система южного Синьцзяна к концу XVIII в. была относительно завершена. Ко времени учреждения провинции в Синьцзяне городской ландшафт в южном Синьцзяне не претерпел серьезных изменений.

Городские поселения, а на севере для размещения войск требовалось активное строительство крепостей, которое пришлось на период правления Каньси (1736–1795). С 1758 г. по 1783 г. на территории северного Синьцзяна было построено более 10 больших крепостей, которые тянулись к центрам, расположенных в бассейнах двух рек Или и Урумчи. В начале гарнизоны выполняли единичные административные функции. Но благодаря их географическому положению: близостью к границе, расположению на главных дорогах и торговых перекрестках, они постепенно трансформировались в города со всеми широкими административными, экономическими и культурными функциями [Хэ Иминь, 2018. С. 278].

После «усмирения» джунгар в 1755 г. цинский двор выбрал долину р. Или, где располагалась ранее главная ставка джунгар, в качестве своего центра в регионе. Здесь в период 1762–1780 г. строится между развалинами (?) Алмалыка (阿力麻里) и Кульджой (固尔札) целая система крепостей, из которой в последствии сформируется илийская городская система с центром в Хуэйюань (1763 г.), где находились резиденция илийского генерал-губернатора (цзяньцзюнь) и административные учреждения военного управления (рис. 1, 2). Рядом со столицей илийского генерал-губернатора были построены крепости: Хуэйнин (1766 г.), Суйдин (1772 г.), Гуанжэнь (1780 г.), Нинъюань (1762 г.), Чжаньдэ (1780 г.), Гунчэнь (1780 г.), Сичунь (1780 г.) и Таэрци (1761 г.). Система городов усиливалась военными укреплениями *инпань* (营盘), которые располагались с четырех сторон света: севера, юга, востока и запада относительно Хуэйюаня. Эта городская система получила название девятиградье [Цзян Фуцзюй, 2017. С. 34–35].

Система городов в долине реки была встроена в бывшую джунгарскую систему городов, в которую помимо Кульджи, входил Хайнук (海努克). Хуэйюань имел второе название — новая Кульджа или маньчжурская Кульджа.

¹ Бичжань, основанный в 1727 г., располагался на территории современного уезда Пичан (Шаньшань): <https://baike.baidu.com/item/辟展> (дата обращения 25.10.2021).

² Крепости Сайрам и Байдун были основаны в 1760 г. <https://baike.baidu.com/item/拜城县/4585547?fromtitle=拜城&fromid=758699&fr=aladdin> (дата обращения 21.10.2021).

³ Илици (伊立奇, 额里齐). Халахаши (哈拉哈什, 哈喇哈什), Юйлунхаши (玉陇哈什), Циля (齐喇, 齐尔拉), Такэ (塔克), Кэлия (克里雅, 克勒底雅声).

Илийская городская система имела тенденцию к расширению на северо-запад. Известно, что была отстроена в 1764 г. военная станция Тарбагатай⁴ (塔尔巴哈台). В 1765 г. на месте станции была построена крепость Чжаофэнь (肇丰) для того, чтобы разместить в ней цинского чиновника *дачэнь* и войска. Однако выбранное для крепости место было признано неудачным и весь аппарат управления, войска был передислоцированы в крепость Суйцзин (绥靖), в местечке Чугучак. Новая крепость имела и другое название Тачэн, что представляло сокращенное название крепость Тарбагая. Что касается старой крепости, то она пришла в упадок, несмотря на размещение в ней одной из восьмизнаменных дивизий ойратов.

Правительство Цин разместило здесь большое количество войск, поэтому Суйцзин стал военным центром на севере Синьцзяна, уступая только Или и Урумчи. Но Чугучак (Суйцзин) долгое время оставался только военным центром. Экономическая жизнь здесь стала развиваться только с расширением китайско-российской торговли в XIX в.

Северотяньшанская группа городов также возникла после завоевания Джунгарии. Появление новых цинских крепостей вдоль северного склона Тяньшаня стало необходимостью для удержания региона. В 60–70-е гг. XVIII в. формируется линия крепостей на территории южной Джунгарии: Хами, Турфан (吐鲁番), Баркуль (巴里坤), Гучэн (古城), Урумчи или Дихуа (迪化), Гуннин (巩宁), Куэркалаусу (库尔喀喇乌苏) и др. На базе последних пяти крепостей будет формироваться Северотяньшанская группа городов (рис. 1, 3).

Она изначально формировалась как достаточно разветвлённая укреплений. В городскую систему помимо Урумчи и Гуннина вошли следующие крепости: Чжэньсифу (镇西府) или Баркуль (1730), Фукан (阜康, 1762 г.), Чанцзи (1762 г.), Дихуачжоу (1773 г.), Цитай (1776 г.), Гучэн или Фуюань (孚远, 1775 г.), Суйлай (绥来, 1777 г.), Куэркалаусу или Цинсуй (庆绥, 1783 г.), Аньфу⁵ (安阜, 1782), Цзядэ⁶ (嘉德, 1762 г.), Хутуби или Цзинхуа (景化, 1764).

Конкурировавшие между собой Урумчи (Дихуа⁷, 1765 г.) и Гуннин (1772 г.) контролировали 29 небольших укреплений *бао* (堡), которые располагались: 1 на южной дороге, 14 на западной дороге, 13 на восточной дороге. Система крепость-укрепления (чэн-бао) в дальнейшем эволюционирует в систему город-поселки. Часть укреплений бао перестраивались в крепости (城). В округе Гуннин-Дихуа располагалось 6 укреплений (堡) [Ван Лунтао, 2008. С. 81].

В отличие от других районов Синьцзяна цинское правительство изначально внедрило здесь гражданскую систему «фусянь». В северном Синьцзяне были учреждены промежуточные территориально-административные единицы, которые официально входили в провинцию Ганьсу. Известно, что летом 1761 г. генерал-губернатор двух провинций Шэньси и Ганьсу Ян Инцзю назначил в Дихуа (Урумчи) тунчжи. С точки зрения, середины XVIII в. тунчжи, должен был отчитываться не перед руководителем провинции, а перед руководителем области (дао). Для Урумчийского тунчжи таким был руководителем был глава области Аньси (安西道) центр, которой располагался в г. Баркуль.

К 1776 г. административная конфигурация в регионе меняется. Появляется область (道) Чжэньди (镇迪道), администрация которой расположилась в Гуннин. Новая область управляет двумя административными единицами (округами): Дихуа (迪化直隶州) и Аньси (镇西府). Руководящие должности назначаются илийский генерал-губернатором.

Немаловажными факторами развития крепостей-городов стали: этническая, миграционная и экономическая политика маньчжурского двора. Цинский двор проводил полити-

⁴ Находилась на территории современного Казахстана в районе Урджары.

⁵ Расположен на территории современного уезда Цзинхэ.

⁶ Современный Дабачэн.

⁷ В 1758 г. была основана крепость (土城). В 1763 г. эту крепость расширили на север. Когда строительство было завершено, крепость получила название «Дихуа».

ку этнической сепарации в Синьцзяне. Маньчжурские восьмизнаменные гарнизоны стояли отдельно от китайских войск Зеленого знамени, они располагались в «Маньчэн» (满城) и «Ханьчэн» (汉城) соответственно; в уйгурских поселениях на юге Синьцзяна существовали «Хуэйчэн» (回城) для войск, состоявших из мусульман. В XVIII в. на территории Синьцзяна формируется сложная система крепостей в одних географических районах на этнической основе. Например, в Северном Синьцзяне: среди девяти городов Или Хуэйюань и Хуэйнин были маньчжурскими, Нинюань — исламской, Суйдин, Гуанжэнь, Чжаньдэ, Гунчэн, Сичунь и Таэрци — ханьскими; Урумчи (Дихуа) — ханьской, Гуннин — маньчжурской; западная крепость при п. Баркуль — ханьской, Хуйнин (会宁) — маньчжурской; старая крепость Гучэна — маньчжурской. В Южном Синьцзяне: Кашгар был поделен на систему ответственности между ханьской (Лайнин) и мусульманской крепостями; новая крепость Хами была ханьской, а старая — мусульманской; Гуанъань (близ Турфана) — маньчжурской; Шаяр — мусульманской; Еэрцян был разграничен между ханьскими и мусульманскими войсками и т.д. Такая система была официально просуществовала до учреждения провинции в конце XIX в. [Хэ Иминь, 2018. С. 279].

Важно подчеркнуть, что фактором развития северо-тяньшанской группы городов являлись как миграция, так развитие земледелия в форме туней [Лю Цуйжун, 2007]. Оба эти фактора заслуживают отдельного рассмотрения. В первой половине XIX в. кризисные явления в цинской империи стали нарастать, что сказалось на финансировании региона. Власти Синьцзяна вынуждены были активнее развивать местные ресурсы. Однако тенденции развития городов, заложенные еще в середине XVIII в. были прерваны из-за внутренних неурядиц.

Восстание народов Синьцзяна 1864–1878, известное под названием уйгуро-дунгаское восстание, изменило количество городов, конфигурацию городских систем в Синьцзяне, перераспределило между ними административные функции. Возникновение союза дунганских городов на Севере Синьцзяна, государства Йэтишар сопровождалось массовым разрушением маньчжурских и ханьских крепостей, городов. Особенно пострадали Гуннин, Урумчи и илийские города [Моисеев, 2006. С. 20–26].

После подавления восстания начался новый этап развития городов, для которого были характерны следующие тенденции [Лю Юйай, 2016. С. 28–29]:

1. Восстановление разрушенных крепостей, а также «перемещение» укреплений на новые места. Насколько нам удалось выявить, построенные новые крепости: в 1883 г. — в Аксу, в 1884 г. — в Хотане в трех километрах к востоку от старой, в 1884 г. — Вэньду, куда переехала вся администрация уезда, в 1885 г. — новая Маньчжурская крепость недалеко от Гучэна (孚远), куда переместились маньчжурские войска с Баркуля и Урумчи, в 1886 — Гуннин как маньчжурская крепость на территории Урумчи; в 1889 г. — новый Хуэйюань в пятидесяти километрах от старого, где были расквартированы маньчжурские войска илийского края, в 1898г. — недалеко к западу от Яркенда новую мусульманскую крепость. Строительство новых крепостей в основном заключалось в возведении стен, правительственных учреждений, казарм, храмов, а остальных сооружений затягивалось на несколько лет.

2. Перемещение административных центров. После проведения административной реформы 1884 г. в Синьцзяне наблюдается постоянные переносы уездных центров. Помимо разрушения некоторых поселений, старые города (крепости) уже не могли удовлетворять административным и географическим, торговым требованиям. В 1886 г. административный центр уезда Суйлай был перенесен в Наньчэнь (южную крепость), т.к. Бэйчэнь был разрушен. В 1889 г. уездный центр Цитай был перенесен в Гучэн.

3. Расширение городов, городских стен. В качестве иллюстрации мы можем указать на строительство новых крепостных стен в Урумчи (1886 г.), Фуюане (1895 г.), ханьская крепость в Хами (1887 г.).

4. Объединение крепостей. После восстаний середины XIX в. правительство Цин изменило свою политику в области этнической сегрегации и стало объединять маньчжурские, ханьские и мусульманские крепости в одно целое. К примеру, в уезде Суйлай с эпохи Цяньлуна было две крепости Канцзи (康吉) и Суйнин (绥宁), которые отделялись друг от друга стеной. Крепости были разрушены во время восстания, но после его подавления крепость была восстановлена, но уже как единое сооружение. В 1886 г. новая маньчжурская крепость и Урумчи (китайская крепость Дихуа) объединились.

В целом города-крепости Синьцзяна так и не смогли полностью восстановиться. Особенно это касается малых крепостей, косвенно об этом может свидетельствовать проведенная в 1884 г. административная реформа (табл. 1). В соответствии с ней в Синьцзян вводилась трех-уровневая система территориально-административного деления внутреннего Китая: провинция (省 *шэн*) — область (府 *фу*), (厅 *тин*), (州 *чжоу*) — уезд (县 *сянь*).

Таблица 1

**Распределение городов Синьцзяна
по территориально-административным единицам, 1884 г.**

Тип	Название	Уезды/Тины / Чжоу
Фу	Дихуа	Уезды: Дихуа, Фукан, Суйюань, Цитай, Чанцзи, Сулай
Фу	Или	Уезды: Суйнин, Нинъюань
Фу	Вэньсу	Уезды: Вэньсу, Байчэн
Фу	Янгисар (Шулэ)	Уезды: Шуфу, Файзабад (Цзяши)
Фу	Яркенд (Шачэ)	Тин: Ташкурган (Пули) Чжоу: Маралбаши (Бачу) Уезды: Каргалык (Ечэн), Гума (Пишань)
Фу	Карашар (Яньци)	Уезды: Синьпин, Жоцянь, Бугур (Луньтай)
Чжишу тин	Чжэньси	
Чжишу тин	Турфан	Уезд: Шаньшань (Пичан)
Чжишу тин	Хами	-
Чжишу тин	Куэркалаусу	-
Чжишу тин	Тарбагатай	-
Чжишу тин	Цзинхэ	-
Чжишу тин	Учтурфан (Уши)	-
Чжишу тин	Янгисар	-
Чжишу чжоу	Куча	Уезд: Шаньшань (Пичан)
Чжишу чжоу	Хотан	Уезды: Юйтянь, Лоп

Столицей новой провинции стал Урумчи, где располагался губернатор. Административное значение илийских городов упало, несмотря на то что пост генерал-губернатора сохранялся. Помимо упадка городов Синьцзяна после восстания 60–70-х гг. XIX в., необходимо учитывать и то, что во второй половине XIX в. западная граница Китая значительно сократилось. Илийские города оказались самой западной точкой, потеряв свое условное срединное место в регионе. Географический центр новой провинции сместился к северотяньшанской группе городов (рис. 1, 4).

На базе городов у нас возникли места присутствия властей разного уровня, возникла иерархия городов. Изменилась и методы управления городами с косвенных на прямые. Спецификой Синьцзяна были так называемые «чжишу тин» и «чжишу чжоу», единицы уездного уровня, напрямую подчинявшиеся провинциальным властям.

Рис. 1. Города Синьцзяна: 1 — крупные города Синьцзяна в начале цинского периода (Дается по: [Хэ Иминь, 2018. С. 285]); 2 — илийская группа городов (Дается по: [У Ицунь, 2009. С. 65]); 3 — северотяньшанская группа городов (Дается по: https://www.sohu.com/a/137860401_195759); 4 — крупные и средние города Синьцзяна в конце цинской эпохи (Дается по: [Хэ Иминь, 2018. С. 295])

Делая выводы, отметим, что в данной статье мы уделили внимание особенностям формирования и развития городов и городских систем Синьцзяна в эпоху Цин. Толчком для развития городов дало повсеместное строительство крепостей и укреплений. Цинское правительство сделало ставку на развитие северных территорий Синьцзяна (Джунгарии). Сдерживающим фактором выступала консервативная политика в сфере управления, которая предполагала сохранение традиционных систем для южного и восточного Синьцзяна. Серьезное испытание городские системы прошли после восстаний 1860–1870-х гг. Не смотря на разрушения, они выстояли, произошла определенная перегруппировка городов, сместился административный центр от Хуэйнина к Урумчи. Более того, благодаря территориально-административной реформе 1884 г., определилась иерархия городов, увеличился их экономический и административный функционал, что стало важным фактором дальнейшего развития.

Список литературы

- Ван Гоцин, Цзян Дэхуа. Синьцзян дэ люйчжоу нунье [王国清、姜德华. 新疆的绿洲农业]. Сельское хозяйство в оазисах Синьцзяна // Диюй яньцзю юй кайфа. 1991. Т. 10. No 3. С. 27–31.
- Ван Лунтао. Циндай Улумуци чэнчжэнь цзинци чутань (1759–1911 нянь) [清代乌鲁木齐城镇经济初探 (1759–1911年)]. Предварительные итоги изучения городской экономики Урумчи в период династии Цин // Чанцзи сюэюань сюэбао. 2008. No 6. С. 81–84.

Лю Цуйжун, Фань Ицзюнь. Ши цун хуаньцзин ши цзяоду цзяньтао циндай Синьцзян дэ туньтянь [试从环境史角度检讨清代新疆的屯田]. Опыт анализа туньтяней в Синьцзяне с точки зрения экологической истории (эпоха Цин) // Чжунго шэхуэй лиши пинлунь. 2007. No 8. С. 183–227.

Лю Юйай. Бяньцзян юй шуню цзиньдай Синьцзян чэнши фачжань яньцзю 1884–1949 [边疆与枢纽 近代新疆城市发展研究 1884–1949]. Границы и центры: Исследование городского развития Синьцзяна в Новое время. Чжуншань: Чжуншань дасюэ чубаньшэ. 254 с.

Моисеев С. В. Взаимоотношения России и уйгурского государства Йэттишар (1864–1877 гг.). Барнаул: Азбука, 2006. 203 с.

У Ицзюнь. Шилунь циндай Или чэнши тиси чжи чаньшэн [试论清代伊犁城市体系之产生]. Формирование системы городов на реке Или в цинскую эпоху // Синьцзян дасюэ бао (Чжэсюэ жэньвэнь шэхуэй кэсюэ бань). 2009. No 3 (37). С. 89–96.

Хэ Иминь, Ван Вэй, Хэ Юнчжи и др. Циндай чэнши кунцзянь фэньбу яньцзю [清代城市空间分布研究]. Исследование городского пространства в эпоху династии Цинь. Чэнду: Башу шушэ: 2018. 540 с.

Цзян Фуцзюй. Или хэгу гудай чэн цюнь люэкао [伊犁河谷古代城市群略考]. Очерки древних городов долины реки Или // Или шифань сюэюань сюэбао (шэхуэй лэсюэ бань). 2017. No 2(36). С. 31–35).

Чжао Цзяньсинь. Синьцзян чэнши тиси дили фэньси [新疆城市体系地理分析]. Анализ географии городских систем в Синьцзяне // Ганьцзао цюй дили. 1987. Т. 10. No 2. С. 44–49.

УДК 394.2

DOI 10.25205/978-5-4437-1268-0-118-123

А. О. Победоносцева-Кая¹, А. И. Кирпичёнок²¹ *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*² *Центральная городская публичная библиотека, Санкт-Петербург, Россия*

СЕХАРАНЕ: СОХРАНЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ КУРДИСТАНСКИХ ЕВРЕЕВ

На протяжении веков праздник Сехаране был одним из ключевых элементов идентичности курдских евреев и укрепления их дружеских отношений с соседними мусульманскими общинами. После эмиграции евреев Курдистана в Израиль в начале 1950-х гг. община прекратила отмечать этот традиционный праздник, чтобы было связано как с трудностями абсорбции, так и с давлением израильского общества, стремившегося подавить традиционную культуру восточных евреев. Празднование Сехаране возродилось лишь в середине 1970-х гг., но процесс возвращения праздника сопровождался его адаптацией к условиям урбанистического общества, а также конкуренцией с Мимуней, весенним празднеством общины марокканских евреев. Сегодня Сехаране продолжает оставаться важнейшим культурным маркером общины курдистанских евреев в Израиле и элементом, подчеркивающим полиэтничный характер израильского общества.

Ключевые слова: евреи Курдистана, Сехаране, Курдистан, Израиль, Мимуна

Angelika O. Pobedonostseva-Kaya¹, Artyom I. Kirpichenok²¹ *Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia*² *V. V. Mayakovsky Central Public Library of Saint-Petersburg, Saint-Petersburg, Russia*

SEHARANE: GUARDING THE IDENTITY OF KURDISTAN JEWS

For hundreds of years, the spring holiday of Seharane was one of the key elements of Kurdistan Jews identity. It also helped them develop friendly relations with their Muslim neighbors. In the early 1950s, the Jewish community of Kurdistan emigrated to Israel and, for a while, stopped to celebrate Seharane as a result of absorption difficulties and Israeli society's opposition against Eastern Jewish traditional culture. Celebrating Seharane resumed only in the mid-1970s, and this process was shaped by long and painful experience of its adaptation to urban realities and its concurrence with another festival, that of Mimuna — the Moroccan Jews spring holiday. Today Seharane continues to function as an important cultural marker of Kurdistan Jews in Israel which highlights the multicultural character of the Israeli society.

Key words: Kurdistan Jews, Seharane, Kurdistan, Israel, Mimuna

Празднику всегда уделялось важное место в этнографии и культурной антропологии. Процессы и трансформации этнической идентичности в таких условиях, как усиление межэтнического взаимодействия, миграционные процессы, распространение и влияние СМИ, привлекают современных исследователей. Являясь одним из наиболее устойчивых компонентов культурного пространства, праздник в то же время чрезвычайно восприимчив к происходящим в обществе изменениям. По К.Жигульскому праздник — это один из социальных институтов, “который охраняет, пропагандирует и обновляет ценности культуры, вокруг которых общество организует свою сознательную жизнь” [Жигульский, 1985. С. 69]. Вопросами изучения этнической идентичности занимались многие отечественные и иностранные ученые — Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, М. В. Крюков, Ф. Барт, Д. Кэмпбелл, У. Липпман, У. Стефан, и др. Сегодня основными темами исследований стали процессы трансформации этнической идентичности, связь идентичности и толерантности проблемы этническая социализация этнические стереотипы и др. Памятная дата в условиях сосуществования с инокультурным большинством, является элементом единения сообщества или этнической группы и в то же время элементом отличия от других этнических групп разной численности. Например, организация детских ёлок усилиями эмигрантов из России после революции [Сигирджи, 2018. С. 64, 202].

В данном контексте одним из наиболее выразительных символов культуры курдистанских евреев является праздник Сехаране. Здесь уместно провести аналогию не только с самим праздником Навруз у курдов, но и его идеологической окраской в среде курдов Турции и Сирии, которые праздновали Навруз в отсутствие на то разрешения властей. Празднование Навруза воспринимается курдами и как важный компонент их самоидентификации, и как символ национально-освободительного движения — борьбы за права народа. Праздник, возникший под влиянием курдской культуры, но в рамках еврейских памятных дат, играет роль маркера, отличающего курдистанских евреев от евреев Марокко, Ирака, Ирана и Турции.

Актуальность исследования обусловлена тем, что сейчас празднование Сехаране воспринимается курдистанскими евреями как способ сохранения своей идентичности [Halper, Abramovitch, 1981; Шараби, 2018]. Прежде всего перед лицом других общин восточных евреев, называемых на иврите *мизрахим*, и для простоты изложения этот этноним будет использован в данной работе, как и некоторые другие этнонимы, распространенные в ивритоговорящей среде.

Название праздника Сехаране по одной из версий происходит от арабского слова “сайр”, что означает прогулка или путешествие (араб. سَيْرٌ — ходьба, движение, марш, ход), по другой от курдского слова “сейран” — пикник (курд. seuran — пикник, прогулка), и, наконец есть те, кто выводит Сехаране из арамейского слова “сахар” — луна (арам. סַחַר — Луна), что подразумевает веселье всю ночь напролет [Нахон, 2021].

Сехаране отмечался курдистанскими евреями Иракского Курдистана на восьмой день Пейсаха, когда они выходили праздновать на цветущие полях в окрестностях населенных пунктов [Gavish, 2010. P.63]. Несмотря на то что праздник не является религиозным, его сопровождают религиозные ритуалы: приурочены специальные молитвы и внесение нового свитка Торы в синагогу. Частью церемонии празднования Сехаране являются помолвки и кроме того, в праздничный период устраивались знакомства и сватовства.

Неотъемлемым элементом празднования Сехаране в Курдистане стало посещение домов соседей, что является не характерным для мероприятий *ашкеназим* (т.е. евреев Центральной и Восточной Европы). Эта любопытная деталь сообщается в заметке о евреях из западной Персии, в которой путешественник из Мазендерана подчеркивает обязательное посещение друзей и соседей во время праздничных дней и удивляется почему не наблюдает этот ритуал в Вильно [Евреи западной Персии 1862]. Этот ритуал посещения соседей отличает общины курдистанских евреев от других еврейских общин Израиля. Информантом по этому вопросу выступил

йеменский еврей Итан Коэн, выросший в иерусалимском районе Катамоны, который населен преимущественно курдистанскими евреями. Праздник Сехаране позволял евреям и мусульманам в Курдистане поддерживать добрососедские отношения между общинами, а главу местного курдского племени — ага, который предоставлял территорию для праздника и обеспечивал охраной и покровительством, евреи с уважением называли *сехараней*. Евреи обычно праздновали Сехаране вне своих поселений, разбивая лагерь на 1-3 дня и сопровождая празднование угощением, прогулками на природе, пением и танцами. Жители соседних деревень также принимали участие, приносили продовольствие, устраивали рынок. Когда еврейские соседи возвращались с праздника, мусульманские соседи по деревне встречали их хлебом и сыром [Halper, Abramovitch, 1981. С. 80].

Переселение мизрахим в Израиль и плавильный котел (1950-1970-е гг.)

Начиная с первой половины XIX в., курдистанские евреи начали переселяться в Палестину преимущественно по религиозным мотивам. Этот процесс завершился в начале 1950-х гг., после возникновения государства Израиль, когда большая часть еврейской общины Иракского Курдистана была вывезена в Палестину в рамках операции “Эзра и Нехемия”.

После образования государства Израиль культура восточных евреев в этой стране была определена как “примитивная” и “нежелательная” для еврейского национального движения. Это порождало патерналистское отношение к *мизрахим* и попытки навязать им доминирующую израильскую культуру, ориентированную на культуру Западной Европы и Америки. Подобный подход давал легитимацию на выдавливание восточных евреев на социальную и географическую периферию израильского общества.

Израильская пресса формировала негативные стереотипы в отношении восточных евреев, что относилось и евреям Курдистана, которые как выходцы из курдских регионов стали называться *курдим*, т.е. курды¹, аналогично тому, как евреи из СССР становились *русим*, т.е. русские, евреи из Марокко — *марокаим* и т.д. Помимо этого по отношению к *курдим* закрепилось прозвище «*ана курди*» (т.е. “я курд”, где местоимение “я” произносится на арабский манер — “ана”, в то время как на иврите будет “ани”), означавшее примитивного и недалекого человека. Это прозвище и по сей день является уничижительным для курдистанских евреев в Израиле, т.к. связано с низким социальным статусом.

Это привело к формированию заниженной самооценки и комплекса неполноценности у евреев Курдистана, прежде всего среди молодого поколения. Стремясь избавиться от негативного стереотипа «*ана курди*», молодые *курдим* демонстративно отказывались от культурного наследия предков и старались усвоить общепринятые на тот момент в Израиле нормы социального поведения.

Отрицание своей идентичности относилось и к празднованию Сехаране. Согласно данным полевых исследований проведенных Рахель Шараби, отказ курдистанских евреев от своего праздника в первые года помимо общественного и социального давления стал также следствием исключительных тяжелых условий жизни в Израиле в 1950-1960-х гг.: отсутствия нормального жилья, безработицы и т.д. Так у эмигрантов не было общепризнанного руководства, которое могло взять на себя организацию Сехаране. В связи с этим до начала 1970-х гг. празднование Сехаране проводилось только среди отдельных семей, в местах компактного проживания выходцев из Курдистана. [Шараби, 2018. С. 12]

¹ В ивритоговорящем обществе Израиля по отношению к общине курдистанских евреев не делается отличие между “курд, курдский” и “курдистанский”.

Возвращение к корням (после 1970-х гг.)

Начиная с первой половины 1970-х гг. политика “плавильного котла”, сопровождавшаяся с дискриминацией выходцев из стран Востока, столкнулась с растущим сопротивлением мизрахим. К тому времени на первый план выдвинулось поколение восточных евреев выросших в Израиле, получивших европейское образование и чувствующих себя достаточно уверенно, для борьбы за свои права и отстаивание собственной идентичности.

В авангарде движения мизрахим выступила многочисленная, хорошо организованная и образованная община выходцев из Марокко. В результате их борьбы власти были вынуждены пойти на уступки. Культура, традиции, языки восточных евреев ранее считавшиеся “арабскими” постепенно получили признание и были легализованы. В конце 1960-х гг. в результате деятельности активиста Шауля бен Шимхона, уроженцем г. Фес, был возобновлен праздник марокканских евреев Мимуна [Шараби, 2018. С. 12].

Это процессы затронули и курдских евреев. С 1971 г. в Израиле действует Общество курдистанских евреев², которое занимается популяризацией культуры и традиций, сохранением наследия курдистанских евреев, организацией мероприятий, например, праздника Сехаране, и издает с 2010 г. орган курдистанских евреев в Иерусалиме журнал «Ана курди» (ивр. אַנאַ כּוּרְדִּי). К выбору названия руководители общества подошли иронично. Теперь наследие евреев Курдистана должно было быть интегрировано в общеизраильское культурное пространство.

В 1975 г. праздник Сехаране впервые после почти двадцатилетнего перерыва открыто отмечался на территории Израиля. Как отмечал в одном из интервью Хабиб Шимони, активист правящей тогда партии “Авода”, “возобновление празднования “Сехаране” стала реакцией на угрозу полного исчезновения культуры общины [Шараби, 2018. С. 12].

Но между действиям руководства евреев Курдистана и лидеров других общин восточных евреев было существенное отличие. Поскольку руководство курдских евреев было укомплектовано функционерами партии “Авода”, оно подчеркивало аполитичность движения, в то время как другие общины восточных евреев активно выступали против сложившейся на тот момент в Израиле однопартийной этнократии.

По их словам: *“Это организация возникла чтобы заполнить образовавшийся вакуум. У нее нет политических задач, не было и не будет. Мы не политическая организация, мы организация культурная, общественная, образовательная. Мы являем собой самую серьезную основу того, что эта традиция не канет в лету”*. [Шараби, 2018. С.12] Основным местом проведения праздника стала Тверия, а также Иерусалим и Мевасерет-Цион [Halper, Abramovitch, 1981. С. 80].

Вместе с тем, возрожденный праздник существенно отличался от Сехаране, который курдские евреи отмечали на родине. Это было связано как с объективными причинами жизни в урбанизированном обществе, так и факторами политического характера.

К первым следует отнести, постепенное сокращение дней празднования с трех до одного, поскольку люди не могли на долгое время отрываться от работы. Шумные мероприятия в ночные часы также стали невозможны в условиях города. Во многих случаях место проведения праздника переместилось из пригородов в городские парки или закрытые культурные центры. Сехаране также перестало создавать площадку для встреч молодежи и организации помолвок, потому что в современном обществе молодые люди имеют больше возможностей для общений и в обычные дни. [Шараби, 2018. С.13].

² Ha-Irgun ha-arzi shel yehudei Kurdistan (ивр. הארגון הארצי של יהודי כורדיסטן) основана в 1971 г. в Иерусалиме. Сайт <http://www.kurdishjewry.org.il>.

Если мы говорим о влиянии политических реалий, то здесь следует упомянуть отказ от посещения домов соседей-мусульман и новый характер праздника, который стал демонстрацией культурно-экономических достижений общины и ее лояльности израильскому государству. Отныне праздник делился на две части — культурно-массовые мероприятия, главным образом выступления фольклорных коллективов, и официальную часть с приветственными речами министров, мэров и религиозных деятелей. В Израиле в рамках Сехаране стало принято также показывать документальные фильмы посвященные настоящему дню и перспективам курдской общины. Приглашаются курдские исполнители, звучит курдская музыка под аккомпанемент курдских национальных музыкальных инструментов.

Также следует добавить, что поскольку большая часть курдистанских евреев в Израиле активно исповедуют иудаизм, праздник постепенно наполняется религиозными элементами. Так проведение мероприятия на природе теперь уже ассоциируется не с наступлением весны, а напоминает о жизни евреев в пустыни после исхода из Египта.

Такие разные мизрахим

Политическая либерализация и эмансипации *мизрахим* в Израиле поставила перед евреями Курдистана задачу сохранения своей идентичности перед лицом других общин восточных евреев, самой многочисленной и влиятельной из которых была община выходцев из Марокко. Важнейшем праздником марокканских евреев является Мимуна, еще одно весеннее торжество, которое не только имеет много общих элементов с Сехаране, но и отмечаемое практически в те же даты после Пейсаха.

Желая утвердить свою культурную гегемонию в восточной общине, деятели марокканской общины оказали давление на курдистанскую общину и вынудили руководство Общества курдистанских евреев перенести Сехаране на осень, ближе к празднику Суккот. Как указывает писатель и исследователь Яков Маоз, евреи Курдистана дважды подверглись культурной экспроприации: первый раз когда их определили как курдов, к которым они не имеют никакого отношения, и второй раз когда они лишились возможности отмечать праздник Сехаране в традиционные для себя даты. В результате переноса весеннего праздника на осень, Сехаране во многом утратил свой смысл и в какой то момент едва не исчез из израильской культурной повестки [Маоз, 2021].

В последние годы наблюдается тенденция по “примирению” Сехаране с соперничающим праздником Мимуна. Звучат голоса объединить эти два праздника “В день этнических праздников Израиля” [Маоз, 2021] По словам члена городского совета Иерусалима Йехуда бен Йосеф, одного из организаторов празднования Сехаране в 2021 г. “...этнический вопрос постепенно уходит на задний план. Мы смешиваемся и женимся друг на друге, и поэтому в этом году мы организуем супер-праздник, на котором Сехаране будет принимать в гостях Мимуну... марокканские певцы вместе курдскими коллективами, будет очень красивый праздник” [Нахон, 2021].

Заключение

После эмиграции в Израиль в результате проводимой в этой стране политики “плавильного котла” и дискриминации восточных евреев, а также тяжелого социально-экономического положения курдские евреи на протяжении фактически не отмечали этот праздник. Старшее поколение не могло позволить это из-за ежедневной борьбы за существования, а молодежь видело в Сехаране признак “позорного” восточного происхождения.

ЛИТЕРАТУРА, ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 7.05+7.01 (520)

DOI 10.25205/978-5-4437-1268-0-124-130

Е. Е. Малинина

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

ФЕНОМЕН «ПРОЩАЛЬНЫХ СТИХОВ» В ДЗЭНСКОЙ ТРАДИЦИИ

С глубокой древности на Востоке с величайшим уважением и трепетом относились к начертаниям кисти, к написанному слову, которое «и есть сам человек» (*Tanchu Terayama*, 2005. P.7). В неизмеримо большей степени это относится к *юигэ* — предсмертным строкам, обнажающим, как считалось, саму суть человека. Феномен «прощальных стихов», написанных в последние мгновения жизни, принадлежит к самым волнующим рукописным завещаниям в истории человечества. В статье анализируются отдельные, наиболее репрезентативные, с точки зрения автора, предсмертные строки выдающихся дзэнских наставников, предпринимается попытка исследовать особенность данного феномена, продемонстрировать факт того, что эти последние «следы туши» — отнюдь не произведения искусства, и они не имеют ничего общего с эстетическим опытом. Отсутствие в российском востоковедении исследований на эту тему обеспечивает данной работе определённую значимость и актуальность.

Ключевые слова: буддизм дзэн; традиция; феномен предсмертных стихов; мастер медитации; духовный опыт.

E. E. Malinina

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

PHENOMENA OF DEATH POEMS (YUIGE) IN JAPANESE TRADITION

The departing verses (*yuige*), written in the face of death, represent an essential feature of Zen culture and belong among the most moving handwritten testaments in human history. Such *yuige* were expected from every master of meditation. There are not works of art aspiring to a harmony of form and content. These last ink traces do not allow any aesthetic experience of art anymore. They speak not of a play with brush and ink, but of the agonizing struggle with death. Of exclusive importance of these documents is the religious message of the writer, often transformed into Chinese characters with a last, almost su-

per-human effort. In poetic form, and usually in a few lines, the masters of meditation epitomized the sum of their teachings and experiences at the end of their lives to transmit them to their successors and disciples. *Yuige* are thus imbued with an aura of sacrosanctity from the moment of their inception. The author of the article give some representative examples of *yuige* which belong to some famous Japanese religious message. A departing verse was not simply intended to testify to the master's enlightenment, it was producing it and contained, in the literal sense, its "essence". They are important historical documents of a monastery's great succession of abbots.

Keywords: departing verses (*yuige*), master of meditation, enlightenment, important historical document, religious message.

Феномен «прощальных стихов», написанных в последние мгновения жизни, принадлежит к самым волнующим рукописным завещаниям в истории человечества. Эти последние «следы туши» — отнюдь не произведения искусства, взывающие к гармонии формы и содержания, и они не имеют ничего общего с эстетическим опытом, — скорее, это исполненная агонии борьба со смертью. У глубокого и чувствующего человека они вызывают состояние, близкое к шоку и потрясению. Но наибольшую значимость в этих поразительных документах представляет тот факт, что в нескольких поэтических строках, запечатлённых китайскими иероглифами, находит выражение сама суть того духовного опыта, который приобрёл к концу жизни просветлённый мастер. В работах ряда исследователей, которые касаются данной темы (S. Addiss, Brinker H., Hiroshi Kanazawa, Yoel Hoffmann, Янагида Сэйдзан и др.), речь идёт главным образом о прощальных стихах, созданных буддийскими монахами, а также представителями творческой интеллигенции, следующими дзэнской традиции. Предметом нашего изучения являются *юигэ*, принадлежащие выдающимся наставникам и мастерам дзэн, в полной мере заслуживающими право называться «последними» строками. Отсутствие в российском востоковедении исследований на эту тему обеспечивает данной работе определённую значимость и актуальность.

Традиция оставлять «последние слова», исполненные глубокого духовного содержания, восходят к началу VIII века, к имени Шеньсю, патриарху Северного Чань, умершего в Лояне в 709 г. Сидя, как и полагается, в позе медитации, уже будучи на грани жизни и смерти, он взял кисть, чтобы написать три иероглифа: «Склонись», «Прогнись», «Выпрямись» — три слова, означающие три этапа духовного роста мастера, достигнутого за время его земной жизни.

Такого рода «предсмертные строки», свидетельствующие о степени просветлённости сознания, ожидалось от каждого покидающего этот мир мастера медитации. К Средним векам содержание подобных стихов, их поэтическая форма постепенно подвергались всё более строгой регламентации и стандартизации. Более того, традиция создания финальных строк становилась до такой степени ритуализированной, что вызывала порой недовольство со стороны отдельных чаньских мастеров. Юань Кэцин (1063–1135), например, в конце своей жизни писал:

*Достигнув такого состояния, когда исчерпаны все силы,
к чему мне ещё и стихи сочинять.*

Мне остаётся лишь отдаться на волю обстоятельств.

Прощайте! Прощайте!

Скептицизм мастера по поводу значимости предсмертных «следов туши» разделяли и некоторые другие известные чаньские наставники. Его современник Дахуэй Цзунгао, например, заявил:

Такова жизнь.

Такова смерть.

Есть ли стихи, или нет стихов –

Какая разница.

И всё же несмотря на возрастающую формализацию, *юигэ* являют собой важнейшую составляющую дзэнской культуры. Более того, к XII столетию они оформились в особый жанр дзэнской словесности, выстроенной по канонам, рождённым в Китае: *юигэ* представляют собой, как правило, четверостишие (четыре знака в каждом из четырёх строк). Записать последнее наставление, высказать последнюю волю, находясь в надлежащей для дзэнского мастера позе медитации — с прямой спиной и скрещенными ногами — было делом чести для умирающего наставника, своеобразным вызовом смерти.

Один из крупнейших в Киото дзэнских монастырей Тофукудзи более семи столетий как величайшую святыню хранит в своих стенах предсмертные «следы кисти», оставленные уже слабеющей рукой Энни Бэн'эн* (1202–1280), сыгравшего огромную роль в распространении буддизма дзэн в Японии (Дзэн. Тайё, 1980. Р. 31). Известно, что он был первым из дзэнских наставников в Японии, кого стали называть почётным титулом *кокуси* — национальный Учитель (Сёити *кокуси*). Его *юигэ* — свидетельство невероятных усилий, самообладания умирающего мастера, воплотившего в словах духовный опыт всей своей жизни (рис. 1, 1).

*На протяжении 79-ти лет я старался жить во благо
всех существ на земле, ища способы обрести Освобождение.*

*Тот, кто потокает своим желаниям,
не способен передать дхарму Будд и патриархов.*

Старый настоятель Тофукудзи, 1280

Одним из самых впечатляющих и волнующих из оставленных дзэнскими мастерами документов являются посмертные стихи ученика и последователя Энни Бэн'эна — **Тикоцу Дайэ** (1229–1312), унаследовавшего кресло настоятеля Тофукудзи у своего учителя (рис. 1, 2).

Подними себя до Наивысшего в свих средствах (хобэн) во имя Спасения.

*Продвинься на пути внутренней самореализации,
на пути постижения своей природы.*

Прими со смирением вещи этого мира такими, какими они есть.

Старый Дайэ. 1312 г.

Мастеру исполнилось 84 года, когда он оставил эти строки. Слова его звучат ободряющими и вдохновляющими, однако заметно, что рука уже не поспевает за духом, за мыслью и тем более, за правилами письма. Невероятным усилием воли, с последним дыханием он даёт духовное наставление ученикам. Вертикальные строки шатаются, «плывут», приобретая волнообразную форму, наклоняются то вправо, то влево. Преодолевая боль, дрожащей, неверной рукой мастер выписывает один иероглиф за другим. Уже первая строка, которой надлежало состоять из четырёх знаков, резко прерывается: рука соскальзывает, не оставляя места для написания фундаментального в буддизме понятия *хобэн* (санскр. *упайя* — средства, методы спасения). В результате левая строка заходит на следующую и имеет только три иероглифа, зато вторая строка — пять вместо положенных четырёх. Отдельные знаки, уже с трудом различимые, скорее напоминают петли, некие каракули, пятна, демонстрируя поистине титанические усилия умирающего мастера оставить духовное завещание за секунду до ухода. Посмертно ему был присвоен титул «*Буцу Дзэндзи*» — «Мастер Медитации, достигший буддовости/ благословлённый Буддой».

Тесную связь с монастырём Тофукудзи имеет и **Дайдо Ити'и** (1292–1370), уроженец острова Авадзи. Появившись в столице, он обучался под руководством Кокана Сирэна и по истечению времени был удостоен самого престижного положения в монастырской иерархии Киото: стал 28-м Настоятелем Тофукудзи и 31-м Настоятелем Нандзэндзи. Дайдо Ити'и прославился не только своими духовными достижениями, как Мастер медитации, но и безусловным литературным талантом, как один из выдающихся авторов литературы *годзан* в своё время. Храм Комё-ин монастыря Тофукудзи как величайшее сокровище хранит его «прощальные строки» (рис. 1, 3).

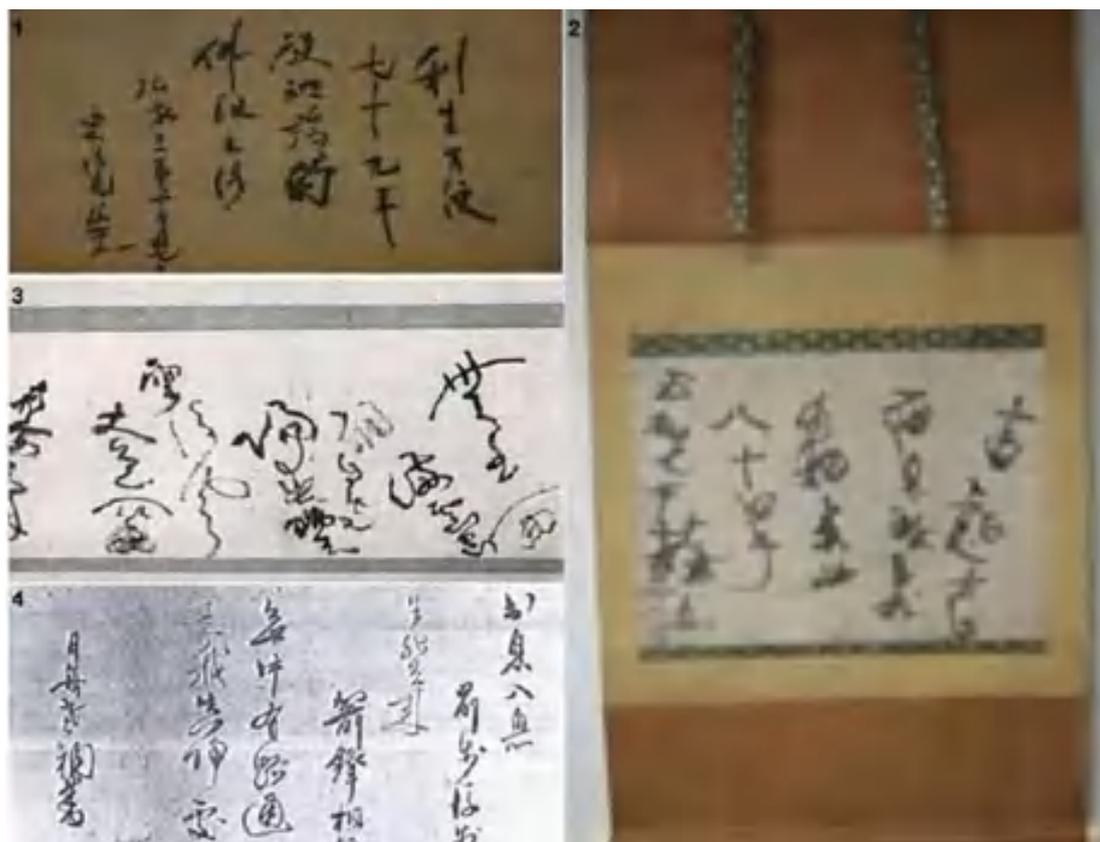

Рис. 1. Предсмертные и посмертные стихи.

- 1 — Энни Бэн'эн (1202–1280). Предсмертные стихи. 1280. Тофукудзи. Киото;
 2 — Тикоцу Дайэ (1229–1312). Предсмертные строки. 1312. Тофукудзи. Киото; 3 —
 Дайдо Ити'и (1292–1370). Посмертные стихи. 1370. Комё-ин. Тофукудзи, Киото;
 4 — Гэссю. Посмертные стихи. 1696. Дайдзёдзи. Киото

*Одинокая песнь не-рождённого (мусё)
 наполняет пустоту (коку) гармонией.
 «Солнечная Весна и Белизна Снега»,
 «Зелёные облака и Чистый Ветер».
 Дайдо Ити'и написал это. 1370 г.*

Напрасно пытаться искать здесь порядок стихотворных строк, уравновешенности в почерке. Они написаны дрожащей рукой и, как сказано американским исследователем, словно опрокинуты «чудовищным шквалом ураганного ветра» (Addiss., 1989. P. 110). Сама рука, похоже, уже утратила контроль над кистью и способна была воспроизвести лишь некие дрожащие, колеблющиеся знаки, за которыми едва угадываются иероглифы. Эти «следы туши», оставленные Дайдо, говорят уже о предсмертной агонии.

Последние строки стиха рассчитаны на определённые ассоциации у читающего их, ибо хорошо известны знатокам классической китайской поэзии. Образы «Солнечной Весны и Белизны Снега», например, были достаточно популярны в аристократических кругах династии Чу с III века до н.э. и их неоднократно вводили в свои сочинения многие прославленные поэты, литераторы в историческом прошлом Поднебесной.

Если Киото, как сказано в одном англоязычном путеводителе, — это «самое исторически и культурно значимое место в Японии; его духовный, религиозный, эстетический центр, посетить который — значит встретить лучшее, что есть в этой стране», то расположенный здесь

дзэнский монастырь Дайтокудзи (Храм Великой Добродетели), включающий в свои пределы двадцать четыре храма, — это место, дающее наиболее полное представление об истоках и развитии дзэнского мироощущения в духовной жизни японцев.

Судьба монастыря — причудливая и неповторимая, неотделима от судеб людей, связанных с ним: исполнена падений и взлётов, расцвета и забвения... Дайтокудзи был основан в 1326 году одним из самых выдающихся в истории японского дзэн мастеров **Дайто-кокуси** (Национальный Учитель Дайто, 1282–1337), необыкновенная судьба и духовные подвиги которого послужили основой для множества преданий. «Драконом среди людей» назвал его император Ханадзоно в своем личном дневнике, выразив таким образом глубокое впечатление от встречи с Дайто. «С наступлением сумерек меня посетил министр Хино Тосимицу в сопровождении некоего монаха, — писал император в 1314 году. — Последний выглядел, как отшельник, но был известен, как человек сведущий, имевший опыт *сатори*, а потому и был приглашён. Наш разговор продлился всю ночь. Его понимание дзэн выходит далеко за рамки обычного. И это удивительно! Подобного человека можно назвать «драконом среди людей». Он внушает доверие к себе и уважение» (Цит. по: Covell J. C., Yamada Sobin, 1974. *Zen at Daitoku-ji*. P. 27).

О невероятной силе духа дзэнского наставника свидетельствует рассказ о последних минутах его земной жизни. 22 декабря 1337 года, уже предчувствуя свой скорый уход, Дайто-кокуси попытался сесть в медитативную позу и, обращаясь к своей больной ноге (он был хром), будто бы сказал: «Я всю жизнь следовал за тобой, но пришло время и тебе подчиниться мне». Поза лотоса не давалась ему, и тогда он сломал кость, так что кровь промочила его одежды... Монах встретил смерть в безупречной позе для медитации — с прямой спиной и скрещенными ногами, сложив при этом, согласно традиции, своё последнее, предсмертное стихотворение:

Отбросив Будд и патриархов,

Всегда держи наготове острый, как бритва, меч¹ (дзэнской практики).

При повороте колеса жизни

Доносится скрежет зубов Бесконечной Пустоты ...

Этот поразительный документ воспринимается как духовное послание, сделанное с последним, почти нечеловеческим усилием. Он и по сей день бережно хранится в монастыре Дайтокудзи, являя собой свидетельство невероятной силы духа просветлённого мастера, самообладания, бесстрашия перед лицом смерти, воли, превосходящей границы обычного человеческого понимания...

Преемник Ханадзоно император Го-Дайго, тоже плененный величием духа дзэнского Учителя, принял, как известно, большое участие в строительстве монастыря и сделал Дайтокудзи своим придворным храмом.

Гэсю Соко (1618–1696) известен как мастер медитации, возродивший традиции дзэнской школы Сото в период Эдо. Известно, что первое в своей жизни *сатори* он пережил во время медитации над понятием *му-син* («не-ум»): «Является ли человеческая душа так же «пуста», как дерево или скала?» Однажды ему попала на глаза фраза: «Когда вы достигаете состояния *му-син* («не-ум»), вы способны постичь свою собственную природу». Озарение, пережитое им, он описывает в следующих словах: «Сидя возле своего дома, я был погружён в размышление, как внезапно потерял представление о Времени. Внезапный порыв ветра распахнул наружную дверь дома, а затем с шумом захлопнул... Все мои прежние сомнения были отринуты. Это было похоже на внезапное пробуждение от сна или на воспоминание чего-то

¹ Аллюзия на легендарный клинок, способный своим острым, как бритва, лезвием разрубить тонкий волос развеваемый на ветру, — метафора ясности просветлённого ума.

забытого. Я начал танцевать, чего не делал никогда прежде, и нет слов, чтобы передать мой восторг». (Addiss, 1989. P. 66)

Будучи настоятелем монастыря Тёэн-дзи (преф. Аити), он хорошо осознавал всю сложность возложенной на него задачи: возродить былую мощь и авторитет дзэнской школы Сото в стране со всё более возрастающим прагматизмом и материализмом эпохи Эдо. Более того, сёгунат в его время всё чаще вмешивался в дела буддизма. Храмы становились частью бюрократической системы токугавского правительства: они служили своего рода бюро по переписи населения, ибо японцев обязывали регистрироваться в храмах по месту жительства. Кроме того, монахам было разрешено жениться, а значит, должность могла перейти к ним по наследству, не будучи заслуженной ими. В конечном счёте, это превращало религиозный культ в профессию и уже не было призванием.

Собственным примером — жизнью подвижника, глубиной собственного учения он заслужил право быть истинным Учителем. Ученики его говорили, что он «столь же сострадателен, как весенняя благодать, и столь же благороден, как осенняя изморозь» (цит. по: Addiss S., 1989. P. 67). Один из его последователей Тэкисуй, писал, что Гэсю «обычно не снимал монашескую робу даже в жару, способную расплавить золото, и не надевал дополнительную одежду в мороз, при котором появляются трещины в клею». Примером его каллиграфии, отличающейся спонтанностью, внутренней силой и артистизмом, является *итидзикан* (т.е. один, крупно написанный иероглиф) «Луна». Более того, иероглиф со значением *Луна* входит составной частью в его имя — Гэсю.

Последние годы Гэсю провёл в монастыре Дзэндзё-дзи недалеко от Удзи. Его предсмертные стихи — финальные раздумья о смысле жизни... (рис. 1, 4).

*Вдыхая и выдыхая, двигаясь туда и сюда,
живя, умирая, приходя, уходя —
подобно двум стрелам, встретившимся в полёте посреди Пустоты...
Это путь, ведущий напрямик в мой истинный дом.*

Покидающие этот мир дзэнские наставники, думается, хорошо осознавали меру своей ответственности при написании *юигэ*, ибо оставляли своим последователям и ученикам своего рода духовное завещание. Знали они и о том, что их посмертные стихи, оформленные позднее как свиток, будут, согласно обычаю, вывешиваться вместе с портретом в алтаре Лекционного зала монастыря, где им и предстоит находиться в течение 49 дней траура. (Brinker H., Hiroshi Kanazawa, 1996. P. 108) Для адептов дзэн они представляют собой определённую духовную связь с Учителем, способом общения с пробуждённым сознанием мастера. При этом само общение не зависит от времени и места, оно может происходить «всегда и везде», а потому имеет измерение вечности. С глубокой древности на Востоке с величайшим уважением и трепетом относились к начертаниям кисти, к написанному слову, которое «и есть сам человек» (Tanchu Terayama, 2005. P. 7), зеркальное отражение его духа. Одна только линия, один-единственный штрих способен передать духовный потенциал мастера. В неизмеримо большей степени это относится к *юигэ*, предсмертным строкам, обнажающим саму суть человека.

Мы не можем сомневаться в глубочайшей искренности, прямоте, предельной честности написанных строк, ибо перед самым лицом смерти, за миг до неё нет и не может быть никакой игры, фальши, желания «казаться». В них не осталось ничего от «личности», от эго — мы видим лишь обнажённую сущность просветлённого мастера. А потому верим этим посланиям, напутствиям или наставлениям, несущим особую энергетическую нагрузку, адекватную напряжённости, пронзительной искренности самого момента. И то, что стихи эти созданы уже освобождённой душой — освобождённой от всех земных привязанностей и страхов, придаёт им особую ценность и значимость в наших глазах.

Список литературы

Addiss S. The Art of Zen. New York: Harry N. Abrams Publishers, 1989. 223 с.

Brinker H., Hiroshi Kanazawa. Zen: masters of meditation in images and writings. Honolulu: University of Hawaii press. Artibus Asian Publishers, 1996. 384 с.

Covell J. C., Yamada Sobin. Zen at Daitoku-ji. Tokyo; New York; San Francisco: Kodansha International, 1974. 203 с.

Hoffmann Yoel. Japanese death poems. Rutland, Vermont, Charles E. Tuttle Publishing. 1986. 366 с.

Tanchu Terayama. Zen Brushwork. Focusing the Mind with Calligraphy and Painting. Tr. by Thomas F. Judge, John Stevens. Tokyo, New York, London: Kodansha International, 2005. 96 с.

Дзэн. Тайё. [禪。太陽。] № 31. Токио: Хэйбонся, 1980. С. 31–32) (на яп. яз.)

УДК 79

DOI 10.25205/978-5-4437-1268-0-131-136

А. В. Зинченко*Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия*

ЗНАЧЕНИЕ КОМПЛЕКСА «СЕМЬ РИТУАЛОВ» В КОНТЕКСТЕ ЕГО СВЯЗИ С ДЗЭН-БУДДИЗМОМ

Статья выполнена в рамках изучения комплекса «Семь ритуалов» *ситидзи-сики* в контексте его связи с дзэн-буддизмом. Обзор работ японских исследователей, посвященных анализу данных ритуалов, подтверждает большое значение данного комплекса в контексте развития игровых практик в традиционном японском чайном искусстве. С внешней стороны комплекс «Семь ритуалов» выглядит как чайное действие игрового типа, однако функции церемоний не ограничиваются развлекательной сферой, но также включают в себя отработку навыков, необходимых для успешного участия в чайном действе. Интерес для изучения представляет и тот факт, что комплекс «Семь ритуалов» неразрывно связан с дзэн-буддизмом на трех уровнях — уровне, характерном для чайной церемонии в целом; уровне, характерном для комплекса в целом и, наконец, уровне, характерном для каждой церемонии в отдельности.

Ключевые слова: Семь ритуалов, японское чайное искусство, игровые практики в традиционном искусстве

A. V. Zinchenko*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia*

THE SIGNIFICANCE OF THE ‘SEVEN RITUALS’ TEA COMPLEX IN THE CONTEXT OF ITS CONNECTION TO ZEN-BUDDHISM

This article was completed as part of the study of the «Seven rituals» tea complex in the context of its connection to Zen-Buddhism. Moreover, the review of the works of Japanese researchers devoted to the analysis of these rituals confirms the great importance of this complex in the context of the development of game practices in traditional Japanese tea art. The relevance of this study is set by the fact that outwardly, the «seven rituals» look like game forms of tea drinking, but the meaning of the ceremonies is not limited to entertainment, the complex also serves as a certain training of skills necessary for successful participation in the tea ceremony. The relevance of this study is set by the fact that the complex of “Seven Rituals” is inextricably linked with Zen Buddhism at three levels: the level typical for the tea ceremony in general; the level typical for the complex as a whole and, finally, the level typical for each ceremony separately.

Key words: Seven rituals, Japanese tea art, game practices in traditional art

«Семь ритуалов» или 七事式 *ситидзи-сики* — это относительно новый комплекс в системе японского чайного действия, разработанный седьмым патриархом школы «Омотэ-сэнкэ» Дзёсинсаем совместно с восьмым патриархом школы «Ура-сэнкэ» Ю:гэнсаем в первой половине XVIII в.

Комплекс «семь ритуалов» включает в себя следующие церемонии: 花月 *кагэцу* («цветы-луна»), 且座 *сядза/садза* («немного посидеть»), 廻り花 *мавари-бана* («цветы по кругу»), 廻り炭 *мавари-дзуми* («уголь по кругу»), 一三 *ити-ни-сан* («один-два-три»), 茶カブキ *тя-кабуки* («чайное представление *кабуки*»), 数茶 *кадзу-тя* («чай для большого количества человек»).

Истоки возникновения цикла «семи ритуалов» восходят к середине периода Эдо (1603–1868 гг.) и связаны с тем фактом, что к XVIII в. в Японии уже сложилась развитая традиция чайного действия, с формальной стороны представляющего собой светское мероприятие. При этом связь чайных ритуалов с религиозными чаепитиями, имеющими глубокую связь с дзэн-буддизмом, не была утрачена. В этом цикле находит отражение связь ритуалов не только с искусством *тя-но ю*, но и с другими благородными искусствами Японии.

Несмотря на то, что комплекс был разработан в первой половине XVIII в. потребовалось более десяти лет на его совершенствование, поэтому церемонии комплекса стали проводиться только в середине XVIII в. одновременно в трех чайных школах — Омотэ-сэнкэ, Ура-сэнкэ, базирующихся в Киото, и Эдо-сэнкэ, находящейся в Токио [Каваками, 2004. С. 75].

Если проведение ритуалов в рамках школ Омотэ-сэнкэ и Ура-сэнкэ легко объясняется тем фактом, что комплекс был разработан в их пределах, то его реализация в рамках школы Эдо-сэнкэ объясняется тем, что помощь в создании ритуалов оказывал ученик Ю:гэнсаея — Фухаку Каваками, впоследствии основавший собственную школу — Эдо-сэнкэ.

В настоящее время комплекс реализуется только в рамках этих трех школ и только в пределах Японии, несмотря на существование множества филиалов школ Омотэ-сэнкэ и Ура-сэнкэ за ее пределами. Несмотря на растущий интерес в Японии к комплексу «семи ритуалов» (так, за последние 40 лет было издано более 30-ти монографий, посвященных этой теме), исследования на английском и других западноевропейских языках по данной теме отсутствуют. В отечественном востоковедении обращение к этой теме ограничивается монографией Е. Э. Войтишек, посвященной игровым традициям в духовной культуре стран Восточной Азии, где изучен порядок проведения церемоний из цикла «семи ритуалов».

В настоящий момент комплекс «семи ритуалов» представляет собой специфическую ритуализованную форму совместного чаепития, подразумевающую четко регламентированное общение между хозяином и гостями.

Ключевым фактором для понимания подобных «встреч» является то, что каждая из них может быть проведена только единожды. Мелочи, которые изменяются от церемонии к церемонии, отражают понятие мига, мгновения.

Внешне церемонии комплекса выглядят как игровые формы чайного действия, но при детальном рассмотрении становится понятно, что они представляют собой уникальную форму практики, включающую в себя не только отработку приемов и навыков в проведении чайной церемонии, но и получение удовольствия от самого процесса.

Поэтому логичным представляется вывод, что комплекс «семи ритуалов» несет в себе две основные функции — развлекательную и обучающую. Изученные по теме источники свидетельствуют, что в ритуалах заложена еще одна, не столь очевидная функция, а именно сакральная, основанная на связи комплекса с дзэн-буддизмом.

При этом мы можем говорить о реализации этой связи на трех уровнях: первый уровень — это связь, характерная для чайной церемонии в целом; второй — связь, характерная для комплекса в целом и, наконец, третий — связь, характерная для каждой церемонии в отдельности.

Как известно, принцип 侘 *ваби* («безыскусность», простота») является одним из ключевых для японской чайной церемонии, он указывает на то, что «путь чая» *тя-но ю* — порождение дзэн-буддизма. Подробнее сущность *ваби* можно охарактеризовать следующим образом.

1. Красота простоты и безыскусности.

2. Красота асимметрии, что мы можем наблюдать не только на примере японской чайной церемонии. В то время, как для западного человека важна симметрия как показатель красоты и правильности форм, в рамках принципа *ваби*, характерного для японцев, асимметрия играет ключевую роль.

3. Красота строгости и резко очерченных форм.

В понятии *ваби* сконцентрированы характеристики дзэнского мироощущения. Безыскусность и простота проявляются и в чайных павильонах, сооруженных специально для проведения чайных церемоний (Цит. по: [Окакура, 2014. С. 86]).

Чайный павильон может являться «обителью пустоты», поскольку лишен убранства, но там разрешается кое-что разместить ради эстетического удовольствия. Простота и чистота стиля чайного павильона происходит от аскетизма монастырей дзэн-буддийских монахов. Монастыри дзэн-буддистов отличаются от храмов остальных буддистов тем, что служат простым жилищем для монахов. Такие храмы предназначены не для обрядов поклонения или паломничеств, они не поражают своей внешней красотой, а служат помещением для занятий, где собираются ученики на семинары и для освоения тайн медитации [Икэда, 2000. С. 55].

Более того, характерной для японского чайного искусства в целом, мы говорим о таких общих концептах, как «гармония» 和 *ва*, «почитание» 敬 *кэй*, «чистота» 清 *сэй*, «покой» 寂 *дзяку*. Считается, что впервые они были сформулированы Дзюко Мурата¹, однако окончательно оформились только в XVI–XVII вв.

«Гармония» — объединение гостей и хозяина на некоем метафизическом уровне, где перестают ощущаться различия между отдельными людьми; «почитание» предполагает, что участник чайного действия должен почтительно относиться к «хозяину» церемонии и остальным гостям, собравшимся в чайной комнате; «чистота» — это принцип, подразумевающий духовное и телесное очищение перед участием в чайной церемонии, чтобы в процессе чайной церемонии отринуть все земное и грязное, оставив только чистое сердце и, наконец, «покой» подразумевает спокойное состояние психики и духа, необходимое для проведения чайной церемонии.

Когда мы говорим о связи, характерной для комплекса в целом, мы имеем в виду тот факт, что создатели комплекса, Дзё:синсай и Ю:гэнсай, долгое время изучали дзэн-буддизм, поэтому они объединили комплекс «семи ритуалов» с буддийским концептом «семи внутренних и внешних дел», характерных для благородного человека.

По утверждению Сэна Со:сицу, существует два типа дзэнских «семи дел» — внутренние (内ノ七事 *ути-но ситидзи*) и внешние (外ノ七事 *сото-но ситидзи*) [Сэн, 1977. С. 10–11]. Отсюда и количество ритуалов — семь.

К т. н. «внутренним делам» чайные наставники относят следующие:

1. 大機大用 *дайки-дайю*: (букв. «большие возможности, великая польза»). Данное понятие означает, что как только появляется шанс, надо использовать все возможности для его реализации, и тогда этот шанс повлечет за собой другие.

2. 機弁迅速 *кибэн-дзинсоку* (букв. «в решающий момент действовать быстро и стремительно»). Наставник и ученик во время беседы должны быстро реагировать на реплики друг

¹ Дзюко (Сюко) Мурата (1423–1502) — ученик Содзюна Иккю, настоятеля храма Дайтокудзи в Киото, который обучил его основой чайной церемонии.

друга, оставаясь внутренне невозмутимыми. В западной философии есть наиболее близкое по смыслу понятие — «Метод Сократа»².

3. 語句妙靈 *гоку-мёрэй* (букв. «слова и фразы за пределами понимания»). Любые сказанные слова и фразы — это не просто речевой акт, а вещи, имеющие сакральное значение.

4. 殺活機鋒 *саккацу-кихо*: (букв. «в смерти и в жизни применяй разящий аргумент»). Учитель и ученик не должны бояться вступать в противостояние при обсуждении какого-либо вопроса. При этом можно меняться ролями — то атаковать, то отступать. Главное — сохранять непринужденность и при необходимости выставлять «разящий аргумент».

5. 博學宏覽 *хакугаку-ко:ран* (букв. обширные знания, широкий кругозор). Согласно дзэнскому учению, до наступления состояния *сатори* надо готовить сердце, а после наступления состояния *сатори* нужно сосредоточиться на накапливании знаний.

6. 鑒覺不昧 *канкаку-фумай*. (букв. «осознание и пробуждение не должны быть затемнены»). Если способность различать истину превосходна, то ни один нюанс не сможет остаться в тени.

7. 隱顯自在 *онкэн-дзидзай* (букв. «скрытое и явное проявляется свободно»). То, что явно видно, и то, что скрыто от понимания, проявляется свободно. Просветленный человек, познавший истину, может увидеть даже то, что скрыто.

К «внешним делам» чайные мастера относят следующие предметы:

1. 挂杖 *сюдзэ*: — буддийский посох, используемый при ходьбе. По буддийскому выражению, можно дать посох, а можно забрать. Метафорически это означает следующее: если человек усердно трудится и всемерно старается в любых делах, ему дают посох в помощь, а если человек сам не прилагает усилий ни в чем, у него такой посох отбирают.

2. 拂子 *хоссу* — кисточка из шерсти животных. В Индии такой метелкой отгоняли мух и комаров, а в Японии этот предмет служил у дзэнских монахов символом преодоления мирских страстей и заблуждений.

3. 禪板 *дзэмпай дзэмпан* — «дзэнская доска» (длиной 50 см). В старину дзэнские монахи не могли спать лежа, а дремали или медитировали, упершись подбородком в эту доску.

4. 几案 *киан* — низкий столик, который вместе с дзэнской доской использовался монахами в качестве подпорки при медитативных практиках. Наряду с этим зачастую также используют иероглиф «стол» (机 *цукуэ*), обозначая различную утварь — подставку для сутр (經机), чайный (茶几) или низкий обеденный столик (卓袱台).

5. 如意 *нёи* — жезл исполнения желаний (кит. жезл *жуи*), атрибут просветленного монаха во время проповедей и религиозных обрядов.

6. 竹篋 *сиппэй* — бамбуковая палка длиной 60–100 см, изготавливается также из расщепленного бамбука, бывает изогнутой формы наподобие лука без тетивы. Используется наставником при беседах с учениками для телесного наказания. При внезапном ударе такой палкой последователь Будды должен, отбросив все несущественные материи, ответить четко и ясно на вопрос учителя, обнаружив в этот момент всю меру своего духовного состояния.

7. 木蛇 *мокуда* — «деревянная змея». Это женское божество земли с лицом человека, но телом змеи, покрытым чешуей, с крыльями, изображается в виде деревянной змеи. Использовался так же, как и жезл исполнения желаний *нёи*. Как конкретно он выглядит, неизвестно.

По утверждению Со:кана Хориноути, «внутренние дела» имеют философское содержание, тогда как «внешние дела» относятся к физическим атрибутам дзэна в мире [Хориноути, 1989. С. 3].

² Метод, основывающийся на проведении диалога между двумя индивидуумами, для которых истина и знания не даны в готовом виде, а представляют собой проблему и предполагают поиск. Этот метод часто подразумевает дискуссию, в которой собеседник, отвечая на заданные вопросы, высказывает суждения, обнаруживая свои знания или, напротив, своё неведение.

Таким образом, подразумевается, что совершенствование мастерства в рамках церемоний «семи ритуалов» позволяет участнику совершенствовать свой дух, чтобы достичь состояния благородного человека.

Более того, говоря о происхождении ритуалов, можно отметить и тот факт, что в «Чжоуских ритуалах»⁵ говорится о семи важных делах, которые хранят секреты управления государством. К этим делам относятся: 祭祀 *саиси* «служение в храме», 朝覲 *асами* «пробуждение на рассвете», 会同 *кайдо*: «встречи», 賓客 *хинкяку* «почетные гости», 軍旅 *гунрё*: «война», 田役 *таэки* «налоги для ремонта храмов», 喪荒 *моара* «похороны». Эти дела тоже называются 七事 *ситидзи* («семь дел»). Так как число «семь» имеет и такое значение, как «основа всего, что есть во вселенной», то их можно назвать «секретами управления».

С этим связано наличие понятия, которое является одним из базовых для понимания дзэна — 七事隨身 *сити-дзи дзуйсин* (букв. «семь дел-спутников»). Смысл этого понятия заключается в том, что нужно постоянно иметь в своем сердце место для этих важных дел и с усердием выполнять их. Человек, которому это удается, называется 七事者 *ситидзи-ся* (букв. «тот, кто делает семь дел»).

И, наконец, когда мы говорим о связи комплекса с дзэн-буддизмом на уровне каждой церемонии в отдельности, мы имеем в виду тот факт, что в каждую из них Дзё:синсай и Ю:гэнсай заложили дзэнские концепты, определяющие формальное и сакральное значение церемонии. Порядок проведения церемоний был создан в строгом соответствии со специфическими дзэнскими концептами. Так, постоянный обмен ролями между «хозяином» и гостями, являющийся идейным содержанием ритуала *кагэцу*, на формальном уровне реализуется в виде случайного жребия, определяющего роль участников.

Таким образом, каждая деталь, используемая в рамках церемоний, не только гармонично дополняет заложенный в ритуале концепт, но и имеет глубокую связь с дзэн-буддизмом. Более того, можно предположить, что связь комплекса «семи ритуалов» с дзэн-буддизмом обширнее, чем связь японской чайной церемонии с дзэн-буддизмом в целом. В случае, если проведение не соответствовало концепту, выбранному для той или иной церемонии, то проведение ритуала изменялось, пока соответствие внутреннего содержания и формальной стороны не приходило в состоянии гармонии. Этот факт подтверждается неизменностью дзэнского значения ритуалов во времени, т.е. проведение ритуалов претерпевало некие изменения лишь до тех пор, пока сохранялась устойчивая связь с базовыми концептами [Сэн, 1977. С. 122–123], что позволяет говорить о том, что относительно стабильной остается и формальная составляющая церемоний.

Список литературы

Войтишек Е. Э. Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии (Китай, Корея, Япония). Новосибирск: Изд-во НГУ, 2009а. 309 с.

Войтишек Е. Э. Интеллектуальные развлечения в традиционных восточных искусствах: новый взгляд на чайную церемонию // Вестник НГУ. 2009б. Т. 8 № 5. С. 316–321.

Зинченко А. В. Комплекс «семь ритуалов» ситидзи-сики в японском чайном действе // Востокведение: Мат-лы 57-й Междунар. науч. студ. конф. 14–19 апр. 2019 г. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. С. 86–87.

⁵ Один из ранних памятников китайской классической литературы, входящий в конфуцианское «Тринадцатикнижие».

Зинченко А. В. Комплекс «семь ритуалов» в японской чайной церемонии // Востоковедение: Мат-лы 58-й Междунар. науч. студ. конф. 10–13 апр. 2020 г. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020. С. 25.

Ивао Икэда. Ко:го. Тядо:гу-но сэкай [香合. 茶道具の世界]. Шкатулки для благовоний. Мир чайной церемонии. Танко:ся, 2000. 167 с.

Окакура К. Чайная церемония в Японии. ЗАО «Издательство центрполиграф», 2014. 110 с.

Со:кан Хориноути. Ситидзи-сики уэ [七事式上]. Семь ритуалов. Ч. 1. Токио: Сюфу-то-сэйкацу-ся, 1989. 215 с.

Со:кан Хориноути. Ситидзи-сики сита [七事式下]. Семь ритуалов. Ч. 2. Токио: Сюфу-то-сэйкацу-ся, 1991. 215 с.

Со:син Хориноути. Ситидзи-сики. Тя-кабуки. Кадзу-тя. Ити-ни-сан [七事式 茶カブキ 数茶 一 二 三]. Семь ритуалов. Тя-кабуки. Кадзу-тя. Ити-ни-сан, Сэкай бункася, 20096. 235 с.

Со:сицу Сэн. Ситидзи-сики нака [七事式中]. Семь ритуалов. Ч. 2. Токио: Танко:ся, 1977а. 246 с.

Со:сицу Сэн. Ситидзи-сики уэ [七事式上]. Семь ритуалов. Ч. 1. Токио: Танко:ся, 1977б. 230 с.

Со:сэцу Каваками. Ситидзи-сики-о манабу [七事式を学ぶ]. Обучение искусству «семи ритуалов». Токио: Эдо-сэнкэ тя-но юкэнкю:дзё, 2004. 113 с.

УДК 81'33

DOI 10.25205/978-5-4437-1268-0-137-141

Е. Л. Фролова*Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия*

ПРИЛОЖЕНИЯ К ЕЖЕГОДНИКАМ КРУПНЫХ ЯПОНСКИХ ГАЗЕТ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Создание различных ономастических баз данных, каталогов, атласов относится к актуальным задачам современной науки. В отличие от топонимических исследований, в настоящее время нелегко получить доступ к идеальным базам для исследования антропонимов, поскольку личные имена и личные данные являются приватной информацией. В этих условиях мы обратились к ежегодным сборникам статистических данных, выпускаемых крупными японскими газетными и новостными холдингами. Это ежегодные каталоги издательств Jiji Press, Mainichi Shimbun, Asahi Shimbun и Yomiuri Shimbun. В каждом из ежегодников есть списки имен собственных личностей, упомянутых в публикациях данного издания за последний год. Рассмотрим, например, ежегодник Yomiuri за 2020 г. [Ёмиури нэнкан 2020]. Для всех имен собственных указано чтение, кроме того, сообщается дата и место рождения, род занятий, образование, настоящее имя (если есть). Список разбит на 19 разделов по сферам деятельности («политика и международные отношения», «медицина и здоровье», «изобразительное искусство» и др.) и включает ежегодно примерно 20 000 человек. Алгоритм работы с массивом имен может быть выбран в соответствии с целями исследования. После обработки (занесения, например, в таблицы Excel) материал можно исследовать комплексно и системно — с использованием лингвистических, культурологических, типологических и ареальных методов. Например, определить частотные модели имен, популярность и гендерное употребление иероглифов, установить региональные особенности имен и фамилий и т. д. База дает возможность выполнить в том числе просопографические исследования. К недостаткам данного источника относятся отсутствие вариантов употребления имени и отсутствие указания на гендерную принадлежность.

Ключевые слова: ономастические исследования, ономастические базы данных, японская ономастика.

E. L. Frolova*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation*

SUPPLEMENTS TO THE YEARBOOKS OF MAJOR JAPANESE NEWSPAPERS AS A SOURCE FOR ONOMASTIC RESEARCH

The creation of various onomastic databases, catalogs, atlases are among the urgent tasks of modern science. Unlike toponymic research, it is currently not easy to access ideal databases for researching

anthroponyms, since personal names and personal data are private information. Under these conditions, we turned to the annual collections of statistics published by major Japanese newspaper and news holdings. These are the annual catalogs from Jiji Press, Mainichi Shimbun, Asahi Shimbun, and Yomiuri Shimbun. Each of the yearbooks contains lists of personal names mentioned in the publications of this edition for the last year. Consider, for example, the Yomiuri Yearbook 2020 [Yomiuri nenkan 2020]. For all proper names, readings are indicated, in addition, the date and place of birth, occupation, education, real name (if any) are indicated. The list is divided into 19 sections by field of activity (“politics and international relations”, “medicine and health”, “fine arts”, etc.) and includes approximately 20,000 people annually. The algorithm for working with an array of names can be selected in accordance with the objectives of the study. After processing (entering, for example, in Excel tables), the material can be studied in a complex and systemic way — using linguistic, cultural, typological and areal methods. For example, to determine the frequency patterns of names, the popularity and gender use of hieroglyphs, to establish the regional characteristics of names and surnames, etc. The base makes it possible to perform prosopographic studies, among other things. The disadvantages of this source include the lack of variants of the use of the name and the lack of indication of gender.

Key words: onomastic research, onomastic databases, Japanese onomastics

В настоящее время нелегко получить идеальный материал для антропонимических исследований на материале японского языка. Единой базы по японской антропонимике в настоящий момент не существует, есть только словари личных имен и фамилий, зачастую привязанные к определенной местности или эпохе. Например, многочисленные словари персоналий различных исторических периодов Японии, которые содержат информацию об исторических личностях. Словари личных имен, издаваемые в настоящее время, в большинстве своем создаются с целью помощи родителям при выборе имени для ребенка и могут содержать искусственно сконструированные имена, которые никогда не носил ни один гражданин Японии. В силу особенностей японской системы личных имен разнообразие их стремится к бесконечности.

Между тем массив имен собственных хоть и представляет собой достаточно устойчивую подсистему языка, все же меняется со временем, как и сам язык, и в этой системе происходят довольно значительные изменения. Особенно эти изменения видны на массиве личных имен, как мужских так и женских. Если мы зададимся целью составить представление о динамике изменения японского именника, отследить, как меняется (и меняется ли) структура имени собственного, какие знаки входят в именник, а какие утрачивают популярность, то мы столкнемся со значительными сложностями. В Интернете часто представлены библиотечные каталоги в виде указателей авторов произведений, но в них есть значительные недостатки. Для того, чтобы узнать правильное чтение имен собственных, возраст, место проживания, род занятий, а иногда и пол личности, нужно проводить дополнительные исследования.

В наши дни в Японии, как и во многих государствах мира, все, что касается личных сведений, в том числе имени, является приватной информацией. Поэтому списки абонентов, которые ранее были доступны всем в виде, например, телефонных справочников японской телекоммуникационной компании NTT, сейчас получить невозможно. Телефонные справочники содержат списки юридических лиц, но не рядовых граждан Японии. Разумеется, органы местного самоуправления располагают списками личных имен населения, которые удобно ранжированы по возрастам, месту проживания, полу и другим ценным для исследователя параметрам, однако их также получить невозможно без специального разрешения. Страховые компании также не сотрудничают с частными исследователями. Правда, они регулярно (ежегодно или раз в пять лет) публикуют первые десятки имен мальчиков и девочек, основанные на своей клиентской базе. Например, по рейтингам имен, которые публикует страховая ком-

пания Meiji Yasuda Life Insurance Company¹, за большой промежуток времени действительно можно отследить моду на имена, моду на отдельные знаки и даже смену популярной модели имени (два знака / один знак и т.д.). К сожалению, этих рейтингов недостаточно для комплексного анализа.

С другой стороны, при средней продолжительности жизни в 80 с лишним лет в Японии сейчас носители имен живут очень долго, и в обществе одновременно представлены очень разные модели и типы имен. Поэтому для полной картины идеально было бы иметь обширную базу данных, разбитую по возрастам.

Какие же существуют возможности для сбора базы данных по текущему периоду времени? Наше внимание привлекли тома ежегодников крупных газетных изданий. Мы выяснили, что крупнейшие японские газетные и новостные холдинги Yomiuri, Mainichi, Asahi и Jiji Press выпускали ежегодные каталоги, куда включали различные статистические данные, сведения о значимых событиях в разных областях жизни, которые освещались на страницах изданий. К сожалению, к настоящему времени три холдинга из четырех прекратили выпуск ежегодников (это Jiji Press Nenkan, выходил в 1918–1994 гг.; Mainichi Nenkan — в 1920–1981 гг.; Asahi Nenkan — в 1925–2000 гг.). Сейчас продолжает выходить только ежегодник «Yomiuri Nenkan», который издается с 1950 г.

Нас особенно заинтересовало, что в ежегодниках содержатся списки имен людей, которые в каждой области, как пояснено в издании «Yomiuri Nenkan» от 2007 г., «выступали на переднем крае общественной жизни»². Таких личностей в издании «Yomiuri» насчитывается приблизительно 20 тысяч человек в год, не считая иностранцев.

«Yomiuri Shimbun» — это преимущественно консервативная газета, является одной из пяти национальных газет Японии. Выпуски газеты выходят дважды в день, утром и вечером. Газета существует с 1874 г., ее часто называют изданием с крупнейшим в мире тиражом (только японское издание ее, не считая английской версии, выходило в количестве 13,5 миллионов экземпляров в день в 2011 г.)³.

Нам важно, что ежегодник «Yomiuri Nenkan» по крайней мере с 1980 г. можно использовать как источник для ономастических исследований — с этого года уже можно говорить о современном стиле этого издания, где список имен собственных включает написание, чтение, дату рождения (или даты жизни, не для всех имен). С 1950 по 1979 гг. ежегодник содержал дайджест важных событий года, получивших освещение в газете. С 2007 г. он выходит двумя томами — основной каталог и дополнительный том, в который входит список имен собственных, ранжированных по регионам/ отраслям/ роду занятий, а также списки и адреса правительственных учреждений/ образовательных организаций/ компаний/ общественных организаций. Ежегодник выходит в марте, таким образом, включает информацию за предыдущий год.

Чтобы имена собственные можно было рассматривать как репрезентативный источник для создания базы данных, важно, в том числе, иметь достоверные сведения о носителях этих имен: пол, возраст, социальный статус, место рождения и т.д. В случае с японским языком, где иероглифика допускает значительную вариативность чтений, важно знать правильное чтение имени. Из рассмотренных нами ежегодников только в «Yomiuri Nenkan» дается чтение имен собственных, поэтому именно он более всего подходит для создания базы данных.

¹ Meiji Yasuda Life Insurance Company. URL: <https://www.meijiyasuda.co.jp/english/> (дата обращения 20.03.20).

² Ёмиури нэнкан 2007 нэнхан [読売年鑑 2007年版]. Ежегодник «Yomiuri» 2007. Токио: Ёмиури симбунся сьуппанся, 2008. С.17.

³ Yomiuri Shimbun. URL: <https://info.yomiuri.co.jp/index.html> (дата обращения 20.03.20).

Рассмотрим подробнее содержание раздела со списком имен в «Yomiuri Nenkan» на примере издания 2007 г. В этом году в раздел было помещено около 20 000 человек, которые играли ведущую роль в своих областях во всех странах мира. Имена поделены на разделы в следующем порядке: «императорский дом» и «парламент», «политика и международные отношения», «чиновники и религиозные деятели», «экономика и промышленность», «общество и жизнь», «информация, критика, сми», «гуманитарные и социологические науки», «медицина и здоровье», «естественные науки», «литература», «изобразительное искусство», «музыка и танец», «кино и театральное искусство», «спорт», «хобби и развлечения», «список по префектурам», «иностранные деятели», «члены образовательных и артистических обществ», «траурный список».

Удобно, что имена располагаются внутри подразделов в порядке японского алфавита. Для каждой персоны указываются следующие позиции: 1) Фамилия, имя; 2) Чтение фамилии, имени (фуригана); 3) Дата рождения; 4) Место рождения*; 5) Род занятий; 6) Профессия; 7) Место работы/ учебное заведение; 8) Адрес, телефон; 9) Настоящее имя*. Позиции, маркированные звездочкой, указаны не для всех персон. Фамилии и имена записываются иероглифами, чтение подписано фуриганой (знаками хираганы), фамилию и имя разделяет срединная точка. Латинский алфавит для указания чтений японских имен не используется.

Привлекает внимание дополнительное указание на настоящее имя. Это означает, что не все имена, указанные в списке, являются настоящими. Актеры, писатели и другие деятели искусства указаны под своими творческими псевдонимами. Также может идти речь о расхождении между именем, известным широкой публике и именем, которое зафиксировано в документах, например, об использовании для общественных контактов добрачной фамилии женщинами после замужества. Большинство японок, повинаясь законодательству, принимает после свадьбы фамилию мужа, однако женщины, добившиеся известности до брака под своим именем, испытывают сложности и по договоренности с семьей продолжают использовать свое имя как личный бренд. Это явление в последнее время все шире распространяется в японском обществе и должно учитываться при исследовании.

Поскольку данные, размещенные в ежегоднике, находятся в опубликованном виде и в открытом доступе, не должно возникать никаких проблем с нарушением личной информации, что очень важно для исследователя, поскольку сегодня подобная информация часто закрыта.

Списки имен собственных, размещенные в ежегодниках разных лет выпуска, можно свести в базу данных ИС, взяв за основу, в зависимости от цели исследования, например, все тома определенного десятилетия или, наоборот, выпуски с шагом в 10 лет. Используя возможности компьютерной программы Excel, материал можно занести в таблицы, разбив их на столбцы, например, со следующими заголовками: 1. Номер; 2. Написание фамилии иероглифами; 3. Написание фамилии каной; 4. Написание имени иероглифами; 5. Написание имени каной; 6. Возраст, основанный на дате рождения; 7. Пол (м/ж) и т.д.

При помощи подобной базы данных можно выполнить разнообразные исследования как лингвистического, так и культурологического характера, исследовать материал комплексно и системно — с использованием этимологических, типологических, ареальных и этнолингвистических методов. Не представляет сложности, например, на основе подобной базы провести следующие исследования по личным именам: определить частотные модели имен, популярность отдельных знаков, сменяемость моделей, особенности гендерного употребления знаков, выяснить количественный состав имен для каждого временного отрезка, причем для мужского и женского имени отдельно, выяснить устойчивые форманты, фонетические и графические предпочтения для личных имен, особенности вариативного чтения знаков в именах собственных, установить соответствие между историческими событиями и модой на имена и т.д.

По базе фамилий можно выполнить исследования культурологического направления: посмотреть связь имени и, например, рода деятельности. Зная, например, фамилии, которые

в Японии в силу исторических причин считаются «благородными», рассмотреть их в связи с образованием и родом занятий. Такая база дает возможность выполнить также просопографические исследования. Они, в свою очередь, могут иметь практическое применение, — создателям браузерных игр, виртуальных миров и писателям нередко требуются имена определенной национальности, определенной социальной группы, пола и возраста.

К недостаткам использования ежегодников в качестве источников для ономастических исследований следует отнести отсутствие вариантов употребления имени, а также низкое количество женских имен по сравнению с мужскими (отличие примерно в 10 раз). Однако общее количество имен собственных, помещенных в ежегодники «Yomiuri Nenkan», делает их репрезентативными для создания базы данных по ИС за определенный период времени. Учитывая, что создание областных топонимических и антропонимических каталогов, атласов, баз данных и интеграция региональных знаний относятся к актуальным проблемам современной науки⁴, поиск надежных ономастических источников представляется нам весьма важной задачей.

Список литературы

Теория и методика ономастических исследований / отв. ред. А. Н. Непокупный. М. : Либроком, 2009. 256 с.

Гордова Ю. Ю. Актуальные способы обработки и представления ономастических данных: 2009–2019. М.: ЛЕНАНД, 2020. 128 с.

Ёмиури нэнкан 2007 нэнхан. Бэссацу: бунъябэцу дзиммэй рокуцуки [読売年鑑 2007年版. 別冊 : 分野別人名録付]. Ежегодник «Yomiuri Nenkan» 2007. Отдельный том: списки имен собственных по разделам. Токио: Ёмиури симбунся сьуппанся, 2007. 348 с.

⁴ Гордова Ю. Ю. Актуальные способы обработки и представления ономастических данных: 2009–2019. М.: ЛЕНАНД, 2020. С.12.

Н. В. Кутафьева

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

РАЗЛИЧИЯ В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ЗООМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ «ПАНТЕРА»

Работа выполнена в рамках сопоставительной лингвокультурологии. Автор предлагает рассмотреть различия, существующие в китайской и русской лингвокультурах, основываясь на анализе зооморфной метафоры «пантера». Нами был проведен ассоциативный эксперимент, в котором участвовали русские и китайские студенты. В ходе эксперимента респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Какими они представляют китайцев и русских, используя наименования животных?». При анализе результатов данного эксперимента были выявлены существенные различия в использовании метафоры «пантера». В русской лингвокультуре «пантера» ассоциируется с произведением Р. Киплинга «Книга джунглей», т.е. с конкретным животным, а именно с черной пантерой. В китайской лингвокультуре «пантера» — это родовое наименование, которое включает следующие виды: тигр, лев, леопард, ягуар, ирбис. Таким образом, главное отличие состоит в том, что китайцы используют родо-видовые понятия, а русские — видовое понятие используют в качестве родового.

Ключевые слова: зооморфная метафора, зооним, лингвокультура, русский язык, китайский язык

N. V. Kutafeva

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

DIFFERENCES IN CHINESE AND RUSSIAN LINGUISTIC CULTURES ON THE BASE OF ANALYSIS OF ZOOMORPHIC METAPHOR 'PANTHER'

The work is carried out within the framework of comparative linguistic cultures. The author proposes to consider the differences that exist in the Chinese and Russian linguistic cultures, based on the analysis of the zoomorphic metaphor 'panther'. We conducted an associative experiment in which Chinese and Russian students took part. During the experiment, the respondents were asked to answer the question: 'How do they represent the Chinese and Russians, using the names of animals?'. When analyzing the results of this experiment, significant differences were revealed in the use of the metaphor 'panther'. In Russian linguistic culture, 'panther' is associated with the book of Rudyard .Kipling 'The Jungle Book', i.e. with a specific animal, namely a black panther. In Chinese linguistic culture 'panther is a generic name that includes the following species: tiger, lion, leopard, jaguar and snow leopard (irbis). Thus, the main difference in compared linguistic cultures is that the Chinese use the generic-specific concept, whereas the Russians use the specific concept as a generic one.

Keywords: zoomorphic metaphor, zoonym, linguistic culture, Russian language, Chinese language

Зооморфная метафора является когнитивным национально-специфическим инструментом, передающим особенности языка, она отражает языковую картину мира носителей данного языка и культурные ценности данного сообщества. Зооморфная метафора, обладая экспрессивно-оценочным характером, используется для характеристики человека, в целом, и для характеристики отдельных черт человека, его внешнего вида, характера, поведения, в частности, а также для оценки его взаимоотношений с другими членами коллектива.

При сопоставлении человека с животным существуют два субъекта — человек и животное, каждый из которых присутствует в сознании человека в виде многочисленных общепринятых ассоциаций. При этом ассоциации, связанные с животными, могут полностью совпадать, частично совпадать или совершенно различаться. «Люди, принадлежащие к разным этносам, по-своему анализируют поведение животных. Всякое животное имеет специфические черты и повадки. Один народ найдет эти черты и повадки привлекательными, другой неприятными; носитель одного языка выберет за основу для переноса внешний вид животного, носитель другого — поведение, а третий не будет переосмысливать данный зооним, так как особенности данного животного ему не покажутся заслуживающими внимания» [Солнцева, 2004. С. 60]. Существуют зооморфные метафоры, которые совершенно различаются в разных лингвокультурах. Так, для русских овца — слабая и тупая, для китайцев — символ удачи; для русских орел — символ мудрости, для китайцев — символ смерти; для русских рыба — холодная, для китайцев — символ богатства» [Му Чжунхуай, 2003. С. 95–96].

Зооморфная метафора — явление, присущее каждому языку. Изучением зооморфизмов в сопоставительном аспекте на материале китайского и русского языков занимались Му Чжунхуай (китайский и русский) [Му Чжунхуай, 2003], Ван Чуньхун (китайский и русский) [Ван Чуньхун, 2007], М. А. Гаврилюк (китайский и русский) [Гаврилюк, 2012].

Данная работа является продолжением изучения использования зооморфной метафоры для характеристики «своего и чужого» (шире для характеристики своей и чужой нации) [Кутафьева, 2020]. Сначала мы проводили ассоциативный эксперимент с русскими и японскими респондентами. Затем круг исследования расширился, и мы попросили китайских респондентов ответить на вопрос; «Как вы представляете себе русских?», а русских респондентов — на вопрос: «Как вы представляете себе китайцев?». Для русских и китайских респондентов был предложен один и тот же список животных, а также содержалась просьба дополнить этот список, если подходящее на взгляд респондента животное, отсутствует. В опросе участвовали студенты китайских вузов: Хэйлунцзянский университет (пров. Хэйлунцзян, г. Харбин), Даляньский университет иностранных языков (пров. Ляонин, г. Далянь), Синьцзянский университет (СУАР, г. Урумчи), Цилиньский университет (пров. Цилинь, г. Чанчунь), а также студенты Новосибирского государственного университета, сто человек с каждой стороны. Надо отметить, что зооним «пантера» отсутствовал в списке, предложенном респондентам. Китайские респонденты добавили его для характеристики русских. В ответах русских респондентов зооним «пантера» отсутствовал, поэтому мы провели дополнительный опрос русских респондентов с целью выяснения ассоциаций, связанных с указанным зоонимом.

При анализе данных ассоциативного эксперимента, связанного с использованием зооморфной метафоры «пантера» для характеристики русских со стороны китайцев и дополнительного опроса русских, были выявлены различия, существенные для русской и китайской лингвокультур.

Рассмотрим, что такое «пантера». В русско-китайском словаре для перевода зоонима «пантера» приводится иероглиф 豹 *bào* [Баранова, Котов. 1990. С. 298]. В китайско-русском словаре для перевода этого же иероглифа предлагается дефиниция «леопард» [Баранова, Гладцов и др.. 1988. С. 264]. При переводе текста статьи на английский язык мы обратились

к словарю, в котором для зоонима «panther» предлагаются следующие варианты перевода: пантера, леопард, барс (зоол.); пума, кугуар, ягуар (амер.) [Мюллер. 1990. С. 298].

Для понимания, что же такое пантера, мы обратились к зоологической энциклопедии «Жизнь животных» и выяснили, что пантера — это родовое наименование (*Panthera*), которое включает следующие виды:

- лев (*Panthera leo*),
- тигр (*Panthera tigris*),
- леопард (*Panthera pardus*),
- ягуар (*Panthera onca*)
- ирбис или снежный барс (*Panthera uncia*).

Леопард — это красивая кошка, обладающая гибким, стройным и вместе с тем сильным телом. Имеет окрас желтый, по всему телу рассеяны четко очерченные сплошные и в виде колец черные пятна. В тропических странах встречаются звери-меланисты, которых называют черными пантерами [Жизнь животных, 1971. С. 366–370]. Таким образом, с точки зрения зоологии пантера — это родовое наименование, черная пантера — это разновидность леопарда, связанная с его окрасом.

Рассмотрим далее, как воспринимается пантера в русской лингвокультуре. Пантера непосредственно ассоциируется с черной пантерой из произведения Р.Киплинга «Книга джунглей». Пантера Багира является с одной стороны, образцом воинственности, а с другой, — гибкости и грациозности. В оригинале Bagheera — это мужское уменьшительное имя, от bagh («тигр» на хинди). Багира является антагонистом тигра Шер-Хана и другом Маугли. Образ Багиры совершенно однозначен — это герой-воин, снабженный ореолом романтического восточного колорита. Отношения Багиры и Маугли — это отношения мужской дружбы.

В русском варианте происходит смена пола животного в результате переводческого казуса и, возможно, под влиянием грамматического рода слов «пантера» и «Багира». Эта трансформация влечет за собой образование некой псевдосемьи, в которой есть отец (медведь Балу), мать (пантера Багира) и сын (Маугли). Отношения Багиры и Маугли преобразуются в отношения матери и сына. Превращение Багиры в самку делает ясный и прозрачный киплинговский сюжет затруднительным для понимания: зачем, например, удвоение материнской опеки, ведь у Маугли есть мать-Волчица [Елиферова, 2009]. А в мультипликационном фильме, снятом по мотивам произведения, у Багиры даже появляются детеныши-котятка.

Говоря о зооморфных метафорах, А. П. Чудинов пишет, возникает ощущение изменений в отношениях природы и человека. Человек уже не часть природы, а ее хозяин; он узнает животный мир умозрительно, волк для него — прежде всего не живой зверь, а герой сказок, басен и мультфильмов, которые служат источником образов [Чудинов, 2001. С. 138]. То же, на наш взгляд произошло и с образом пантеры, которая стала символом красоты, грациозности и элегантности, причем черная пантера используется в русской лингвокультуре как видовое, а не родовое понятие. Русские студенты, отвечавшие на дополнительный вопрос, чем для них является пантера и черная пантера, ответили, что это одно и то же.

Это понимание подтверждает и следующий факт. В поисках изображения пантер мы нашли сайт с фотографиями и подписями к ним (рис. 1). Представлено изображение двух животных с подписью «фотограф ждал шесть дней ради снимка пантеры и леопарда».

В работах, посвященных анализу зооморфной метафоры, мы нашли представление о пантере как о символе грациозности и элегантности. Если рассматривать образ пантеры шире, то в европейской культуре пантера выступает в качестве эталона красоты [Храмова, 2015. С. 44].

Следует сказать, что существуют также ассоциации, связанные с пантерой, на этот раз международные, существующие и в русской и в китайской культуре. Первая ассоциация свя-

зана с розовой пантерой¹. Розовая пантера — это главный герой серии мультипликационных фильмов, выпущенных на американской студии DePatie-Freleng. В оригинале у главного персонажа практически отсутствуют слова. Главный противник Розовой Пантеры — Человек с большим носом, который благодаря стараниям Розовой пантеры не может сделать то, что он задумал. Розовая пантера — дружелюбный и мирный герой-мужчина со спокойным и сдержанным характером и чувством юмора, кроме того, он отличается интеллектом. Розовая пантера своим образом символизирует изящество и остроумие. Серия мультипликационных фильмов о Розовой пантере была настолько популярна в Китае, что появилась игрушка Розовая пантера. В настоящее время с помощью интернет-сайтов можно купить футболки, худи, наклейки, постельное белье и другие товары с изображением Розовой пантеры.

Вторая ассоциация связана с именем супергероя Черная пантера, который появился в комиксах американского издательства Marvel Comics, и с приключенческим фантастическим боевиком, основанным на этих комиксах². Сверхсильный король некоей изолированной африканской страны Ваканда, возглавляет борьбу племен против угнетателей, в фильме представлена афро-американская и африканская культуры, а главный герой Черная пантера является благородным персонажем. Супергерой Черная пантера стал насколько популярен, что проводятся косплеи с переодеванием, а костюм героя можно купить на интернет-сайтах.

Рассмотрим далее, как воспринимается пантера в китайской лингвокультуре. Пантеру обычно связывают с тигром при общей ассоциации — скорость, быстрота, мощь, что являет-

Рис. 1. Изображение пантеры и леопарда

[URL: <https://www.google.com/search> (дата обращения 26.10.2021)]

Fig. 1. Panther and leopard

[<https://www.google.com/search> (accessed 26.10.2021)]

¹ Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 22.09.2021)

² Сайт 24 СМИ. URL: <https://24smi.org/person/2733-chnaia-pantera.html> (дата обращения 29.09.2021)

ся положительными чертами, отрицательные черты — хищные звери, злодеи [Лю Гуанчжун, 1999. С. 237].

Китайские студенты, отвечая на вопрос, какими они представляют русских, использовали зооним «пантера», причем зооним 豹 *bào* был использован без подразделения на виды. При просьбе уточнить ответ студенты ответили, что имеют в виду 豹 *bào* мощную, умную, быструю и внимательную кошку. Русские, по мнению китайцев, хорошие охотники и обладают такими же чертами, как и 豹 *bào*. Далее были приведены следующие характеристиками 豹 *bào*: сильная, жестокая, храбрая, прямая, мужественная, большая часть ответов была связана с поведением и характером. Таким образом, китайцы представляют русских как быструю, мощную и умную 豹 *bào* «пантеру» без уточнения вида, т.е. они используют зооним «пантера» как родовое понятие.

Далее мы нашли лексемы, в состав которых входит иероглиф 豹 и которые являются видовыми понятиями рода пантера:

- 美洲豹 *měizhōubào* (*panthera onca*) «ягуар»,
- 雪豹 *xiěbào* (*panthera uncial*) «ирбис, снежный барс»,
- 花豹 *huābào* (*panthera pardus*) «леопард»,
- 黑豹 *hēibào* (несамостоятельный вид леопарда — черная пантера).

К роду пантер также относится 獅子 *shīzi* «лев» и 老虎 *lǎohǔ* «тигр», но в данных словах в китайском языке не используется иероглиф 豹.

Кроме того, иероглиф 豹 входит в состав следующих слов, которые не являются видовыми понятиями и не относятся к роду пантер:

- 猎豹 *lièbào* «гепард» (род *Acinonyx*),
- 豹猫 *bàomāo* «оцелот» (род *Leopardus pardalis*).

Характеристика пантеры как мощного животного ведет к международной ассоциации, связанной с наименованиями «пантера и черная пантера». В частности, она связана с вооружением, например, немецкий танк времен второй мировой войны «Пантера», современный американский истребитель «Пантера», советский сторожевой корабль «Пантера», современный южнокорейский танк «Черная пантера», современный английский истребитель «Черная пантера». Приведенные примеры также являются метафорическим переносом, но не связаны с зооморфной метафорой.

Итак, у зоонима «пантера» наблюдается широкий ассоциативный ряд, связанный с метафорическим переносом не только относительно людей. Если говорить о зооморфной метафоре «пантера», то для русской аудитории — это в первую очередь черная пантера, символизирующая одновременно мощь и изящество, а также видовое понятие (черный леопард) выступающее в качестве родового. Во вторую очередь — это Розовая пантера, которая является символом дружелюбия, спокойствия и юмора.

Для китайской аудитории образ пантеры является амбивалентным, обладающим положительными (скорость, быстрота, мощь) и отрицательными чертами (хищный зверь, злодей). Характеризуя русских с помощью зооморфной метафоры «пантера» китайцы приводят положительные (сильная, храбрая, мужественная, прямая) и отрицательные характеристики (жестокая). При этом они используют родовое понятие «пантера» без уточнения вида. Таким образом, главное отличие русской и китайской лингвокультур заключается в том, что китайцы используют родовое понятие, а русские — видовое понятие используют в качестве родового.

Автор выносит благодарность г-ну Яо Суну, аспиранту кафедры востоковедения ГИ НГУ, за помощь в проведении опроса.

Список литературы

- Баранова З. И., Гладцов В. Е., Жаворонкова В. А., Мудров Б. Г.* Китайско-русский словарь. М.: Русский язык. 1988. 525 с.
- Баранова З. И., Котов А. В.* Русско-китайский словарь. М.: Русский язык. 1990. 568 с.
- Гаврилюк М. А.* Зооморфная метафора в китайском и русском языках: межъязыковые универсалии и национальная специфика // Вестник ИГЛУ, 2012. № 2 (19). С. 136–143.
- Елиферова М. В.* «Багира сказала...». Гендер сказочных и мифологических персонажей англоязычной литературы в русских переводах // Вопросы литературы. 2009. № 2. С. 254–277.
- Кутафьева Н. В.* Зооморфная метафора в японском языке // Япония XXI Nova: эра и век. Коллективная монография, СПб., 2020. С. 47–59.
- Мюллер В. К.* Англо-русский словарь. М.: Русский язык. 1989. 843 с.
- Солнцева Н. В.* Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте. Дис. ...канд. филол. наук. Омск: Омский гос. пед. ун-т, 2004. 220 с.
- Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Дис. ...канд. филол. наук. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
- Энциклопедия «Жизнь животных». Т. 6. М.: Просвещение. 1971. 627 с.
- Ван Чуньхун.* Эхань вэньхуа чжун дуньу сяньчжэн ии дэ итун цзи гэньюань [王春红。俄汉文化中动物象征意义的异同及根源]. Сходство и различие в символике животных в русской и китайской культурах и их происхождение // Цзоцзя цзачжи [作家杂志。Журнал писателя]. 2007. Вып. 11. С. 73–75. (на кит. яз.)
- Лю Гуанчжун.* Эхань юйянь вэньхуа юй сису таньтао [刘光准。俄汉语言文化与习俗探讨]. Исследование лингвокультуры и обычаев в русском и китайском языках. Пекин: Вайюй цзяосюэ юй яньцзю чубаньшэ, 1999. 231 с. (на кит. яз.)
- Му Чжунхуай.* Ханьэ вэньхуа чжун дуньу синсян сяньчжэн ии дэ бицзяо. [穆重怀。汉俄文化中动物形象象征意义的比较]. Сравнение символического значения животных в китайской и русской культурах // Далянь миньцзю сюэюань сюэбао [大连民族学院学报。Журнал Даляньского университета национальностей]. 2003. Т. 5, № 3. С. 94–96. (на кит. яз.)

Е. В. Симонова

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

К ПОНЯТИЮ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ

В статье рассматривается грамматическая синонимия, которая наряду с лексической и словообразовательной является разновидностью общего понятия синонимии языковых средств. Автор приводит различные определения лексической синонимии, которая является наиболее разработанной в языкознании, а также критерии выделения лексических синонимов, среди которых наиболее важными являются взаимодополняемость и одинаковая предметная отнесенность. Приводится классификация синонимов, принятая в отечественном языкознании. Основное внимание в статье уделено грамматической синонимии, которая подразделяется на синонимию словоформ и синонимию синтаксических конструкций. В статье рассматривается синтаксическая синонимия, разные подходы в выделении синтаксических синонимов, сходство и различия с лексической синонимией. Автор приводит критерии выделения грамматических синонимов. Устойчивые грамматические конструкции японского языка, в которых синтаксическая синонимия реализуется наиболее полно, рассматривается в статье более подробно.

Ключевые слова: грамматическая синонимия, взаимодополняемость, предметная отнесенность, устойчивые грамматические конструкции

E. V. Simonova

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

TO THE CONCEPT OF GRAMMATIC SYNONYMY

The article deals with grammatical synonymy, which, along with lexical and derivational, is a kind of the general concept of synonymy of linguistic means. The author gives various definitions of lexical synonymy, which is the most developed in linguistics, as well as criteria for identifying lexical synonyms, among which the most important are complementarity and the same subject reference. The classification of synonyms adopted in Russian linguistics is given. The main attention in the article is paid to grammatical synonymy, which is subdivided into synonymy of word forms and synonymy of syntactic constructions. The article discusses syntactic synonymy, different approaches to highlighting syntactic synonyms, similarities and differences with lexical synonymy. The author provides criteria for the selection of grammatical synonyms. The stable grammatical constructions of the Japanese language, in which syntactic synonymy is realized most fully, are considered in the article in more detail.

Key words: grammatical synonymy, complementarity, subject relatedness, stable grammatical constructions.

Понятие о синонимии возникло в лексикологии, и является в этой сфере языкознания наиболее разработанной. Во времена античности синонимия изучалась в рамках «малой семантики» (в отличие от «большой», изучающей связь звучания слова и свойства обозначаемого) [Алпатов, 1990. С. 24]. Хотя синонимия наиболее полно представлена в лексикологии, она представлена и в словообразовании, и в грамматике. В исследовательской литературе лексическая синонимия определяется по-разному, но эти определения имеют общий характер. «Синонимия — совпадение по основному значению (обычно при сохранении различий в оттенках и стилистической характеристике) слов, морфем, конструкций, фразеологических единиц и т. д.» [Ахманова, 1969. С. 407]. И еще определение синонимов из Словаря лингвистических терминов: «Слова близкие или тождественные по своему значению, выражающие одно и то же понятие, но различающиеся или оттенками значения, или стилистической окраской, или и тем, и другим». «Синонимами следует считать слова, обозначающие одно и то же понятие, тождественные или близкие по значению, слова, которые определенным образом соотношены в данное время в языке и служат детализации и различению тонких смысловых оттенков понятия или выражению экспрессивных, стилистических, жанровых и иных различий» [Евгеньева, 1966. С. 6]. Общим во всех определениях является взаимодополняемость, но не тождественность синонимов.

Определяют выделение лексических синонимов общность семантического значения и предметной соотнесенности. Лексические синонимы — это разные слова, которые выражают общее значение имеют одинаковую предметную соотнесенность, соответствующую общему значению способны к взаимозамене различаются коннотациями или семантическими оттенками [Шелякин, 2007. С. 8–15].

Синонимы дают возможность представить одно и то же обозначаемое и содержание с разных сторон, дают возможность выбора языковых средств, наиболее соответствующих содержанию, условиям и назначению высказывания. Коммуникативный выбор становится решающим фактором, поскольку он обеспечивает точность, однозначность, уместность употребления языковых средств, стилистическую и эмоционально-экспрессивную характеристику сообщаемого. Поэтому полные синонимы малочисленны, они служат только для того, чтобы избежать повторения одних и тех же слов, а различающиеся в речи синонимы вносят в нее свои соответствующие нюансы [Там же. С. 11].

Некоторые исследователи полагают дифференцирующую функцию синонимов основной: «Синонимы соединены близостью значений, но в их функционировании ведущая роль принадлежит различительно-дифференцирующим оттенкам значений» [Брагина, 1978. С. 69]. По мнению исследователя, именно благодаря оттенкам значения наиболее глубоко раскрывается взаимодействие синонимов с выражаемым понятием. Они позволяют «передать градацию в выражении мыслей, чувств и характеристике вещей и явлений» [Там же. С. 68]. С оттенками значения связаны и различная сочетаемость, и различная синтагматика синонимов.

В отечественном языкознании выделяют следующие виды синонимов:

1. Полные (абсолютные) — полностью совпадают по значению и характерной сочетаемости. В основном встречаются в терминологии
2. Частичные. К ним относятся:
 - семантические (идеографические, понятийные), выражают общее понятие, но различаются оттенками значений, они передают нюансы стиля и семантики;
 - стилистические, имеющие различия в эмоциональной окраске и стилистические особенности;
 - семантико-стилистические, различающиеся и оттенками значений, и стилистической окраской.

Понятие грамматической синонимии ввел в оборот А. М. Пешковский, который разбил синонимы на морфологические и синтаксические. Он понимал грамматическую синонимию предельно широко, как «значения слов и словосочетаний, близкие друг другу по их грамматическому смыслу» [Пешковский, 1964. С. 57].

Основным в таком подходе является семантическая близость синтаксических конструкций. Грамматическая синонимия подразделяется на синоимию словоформ и синоимию синтаксических конструкций. Синонимия синтаксических конструкций охватывает значения всех типов синтаксических связей в простых и сложных предложениях, словосочетаниях, предикативных сочетаниях, а также значения обособленных членов предложения, моделей простых и сложных предложений. В качестве семантической общности синтаксической синонимии выступают значения, выражающие одни и те же отношения и связи между явлениями и событиями внеязыковой действительности. Одинаковой предметной отнесенностью синтаксических конструкций является отнесенность их общих значений к внеязыковым ситуациям, которые имеет в виду говорящий [Шелякин, 2007. С. 12]. Некоторые исследователи полагают одним из важных критериев выделения синтаксической синонимии потенциальную заменяемость конструкций с сохранением общего значения при одних и тех же лексических единицах и на этом основании исключают конструкции причинно-следственных отношений (предлагая называть их семантико-семантическими параллелизмами [Сухотин, 1960. С. 15] или комплексами [Шелякин, 2007. С. 13]).

Взаимозаменяемость можно рассматривать как один из основных критериев выделения лексических синонимов (и нередко она рассматривается как основной критерий), при этом она является лишь потенциально возможной для грамматических синонимов и в зарубежном языкознании рассматривается как дополнительное свойство [Белов, 2018].

Можно обозначить следующие критерии синонимичности синтаксических синонимов:

- возможность взаимозамены конструкций в сходном синтаксическом окружении (по крайней мере, потенциальная);
- близость смыслового значения разных по строению конструкций;
- сходность грамматического значения и выполнение в структуре предложения одних и тех же синтаксических функций;
- общность структурного строения конструкций;
- охват достаточно большого класса (разряда) слов, которые могли бы служить для наполнения синонимичных конструкций.

Таким образом, под синтаксическими синонимами мы понимаем сходные или различные по структуре (но не одинаковые) синтаксические конструкции с близким (но не тождественным) грамматическим значением, которые выполняют одну и ту же синтаксическую функцию и в определенных условиях допускают возможность взаимозамены. Взаимозаменяемость нередко рассматривается как один из основных критериев, однако его нельзя считать универсальным из-за существования в языке многочисленных устойчивых сочетаний, в которых не допускается синонимическая замена. При соблюдении условия взаимозаменяемости в любых контекстах рамки синонимии значительно сужаются, при его исключении — напротив, расширяются.

Устойчивые сочетания (в которых наиболее отчетливо реализуется грамматическая синонимия) играют важную роль в грамматическом строе японского языка.

Устойчивыми являются синтаксические образования, которые в отечественной литературе получили название УГК. Объем и частотность употребления УГК, их специфика различны. Н. А. Сыромятников рассматривал УГК как «особые грамматические конструкции и концовки, придающие предложению (или одному из его членов) дополнительное значение видимости, подобия, возможности, долженствования, окказиональности, становления действия, наме-

рения совершить его и т.п.» [Сыромятников, 1978. С. 219]. В. М. Алпатов замечает, что УГК обычно характеризуются расплывчатым определением «модальные концовки», «устойчивые сочетания». Тем не менее, при формальной делимости УГК составляют нечто «целое, обладающее единым значением» [Алпатов, 1979. С. 133]. И. В. Головнин анализирует структуру УГК, при том, что структурным особенностям УГК уделено не слишком много внимания в исследованиях отечественных японистов [Головнин, 1960]. Несмотря на исследования УГК в японистике, ряд проблем остается неизученным, в том числе синонимия УГК. В работе Т. Н. Бескровной «К понятию устойчивой грамматической конструкции как класса грамматических единиц» анализируются особенности этого класса слов [Бескровная, 2007]. Синтетическая форма не может передать модальность, поэтому оттенки значений передаются при помощи устойчивых сочетаний (модальных концовок). Эти сочетания представляют собой аналитические конструкции, которые выражают не абстрактные (контатирующие факт и соотношение его с действительностью), а окачественные грамматические отношения (придающие действию качественную характеристику). УГК — это синтаксические построения, которые описательно передают модальность, вид и пр. Можно сказать, что УГК — это грамматические единицы, которые выражают грамматическое значение лексико-грамматическим способом, т.е. не чисто лексически или чисто грамматически, а при помощи комбинации лексических и грамматических средств. Использование УГК позволяет увеличивать средства выражения различных грамматических значений. В нем знаменательное слово является переменной величиной, а служебное — постоянной. При этом служебная функция слов реализуется в разной степени. Некоторые слова, которые могут использоваться в служебном значении, чаще используются как знаменательные (*миру, уку*), другие — как служебные (*итадаку, симау*). Можно считать, что одним из основных признаков УГК является грамматизация, связанная с десемантизацией одного из компонентов или ослаблением лексического значения одного из компонентов. По мнению автора, последовательное изменение знаменательного компонента в служебное и утрата в большей или меньшей степени лексического значения определяет большую или меньшую степень грамматизации УГК. Наиболее подвержены десемантизации слова с максимально абстрактным значением и общей семантики, такие как глаголы *ару, кудасару, агэру* и др., существительные *моно, кото*, глагольные отрицательные формы *наранай, камаванай* и др. Среди УГК можно выделить конструкции с высокой степенью грамматизации и сочетаниями, компоненты которых частично сохранили свое лексическое значение. УГК с высокой степенью грамматизации (с максимальным сращением компонентов *цуцу ару, тэ итадаку* и пр.) свойственны устойчивость и воспроизводимость. Значение УГК с меньшей степенью грамматизации связано со значением обоих членов конструкции (*синай вакэ ни ва иканай, суру ё:ни нару* и пр.). В этом случае происходит сдвиг лексического и грамматического значения компонентов. Многочисленную группу составляют УГК, где модальность выражена служебным словом (*суру бэки, суру хадзу, суру цумори* и пр.). В подобных УГК переменной величиной является лишь знаменательное слово, а постоянной — служебное. Особенностью их является взаимосвязь компонентов, когда форма членов конструкции не может быть изменена без изменения смысла конструкции. Такие конструкции в основном изучают на начальном этапе: *суру кото га дэкиру, суру кото га ару* и пр. Причиной такой регламентации является то, что подобные конструкции предназначены для строго определенных целей и выражают строго определенные значения. УГК можно определить как «устойчивые неразложимые сочетания полнозначного и служебного слова» [Там же. С. 227]. Лексическая неразложимость проявляется в том, что носителем лексического значения выступает полнозначное слово, первый компонент, грамматическая обусловлена тем, что значение конструкции формируется служебным (вторым) компонентом, который определяет значение предложения в целом. Синтаксическая неразложимость проявляется в том, что УГК функционирует как один член предложе-

ния. Между компонентами УГК не могут быть помещены дополнительные слова, кроме тех, что усиливают конструкцию (например, частица *ва*). В предложении они зачастую выступают в роли заключительного сказуемого (поэтому их также называют предикативными), но это не является непременным условием. Таким образом, можно считать, что синонимия в устойчивых грамматических конструкциях реализуется служебным компонентом, который определяет значение высказывания.

В японском языкознании лексические и грамматические синонимы не разделены и обычно определяются как *руйги хё:зэн* 類義表現 (при этом лексические синонимы имеют собственное обозначение 類義語 *руйгиго*). Работы японских авторов (на материале эмпирических исследований и словарей) в основном описывают семантику и особенности употребления грамматических синонимов с приведением большого количества примеров, не анализируя структурные особенности этого класса слов.

Список литературы

Алпатов В. М. О сопоставительном изучении лингвистических традиций (К постановке проблемы). Вопросы языкознания. М.; Наука, 1990. С. 24.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1969. С. 407.

Евгеньева А. П. Основные вопросы лексической синонимии // Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М.-Л.: АН СССР, Ин-т рус. яз., 1966. С. 4–29.

Шелякин М. А. О понятии и типах синонимии и формальной вариантности грамматических значений. 2007. С. 8–15.

Брагина А. А. Синонимы и их истолкование. // Вопр. языкознания. 1978. № 6. С. 69.

Пешковский А. М. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы. М., 1964. С. 57

Сухотин В. П. Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке. Глагольные словосочетания. М., 1960.

Белов В. А. Взаимозаменяемость как критерий синонимии (экспериментальное и корпусное исследование) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 390–411.

Сыромятников Н. А. Развитие новояпонского языка М.: Наука, 1978.

Алпатов В. М. Структура грамматических единиц в современном японском языке. М.: Наука, 1979.

Головнин И. В. Устойчивые грамматические конструкции с глаголом АРУ и предикативным прилагательным НАЙ в современном японском языке // Сборник трудов по языкознанию. М., 1960. № 4. С. 85–122.

Бескровная Т. Н. К понятию устойчивой грамматической конструкции как класса грамматических единиц // Известия Восточного института. 2007. № 14.

УДК 811

DOI 10.25205/978-5-4437-1268-0-153-156

Л. В. Кирюхина*Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия***МЕЖДОМЕТИЕ В ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ МА ЦЗЯНЬЧЖУНА**

На материале грамматики 《马氏文通》 «*Ма ши вэнь тун*» рассматривается категория 叹字 *междометие*. Описываются виды 叹字 *междометий* в вэняне, их возможные позиции в рамках предложения (на фоне синтаксической обособленности в целом), возможность замены иероглифических знаков со сходным звучанием. Приводятся примеры из анализируемой «Грамматики...», которые сопровождаются переводом автора статьи на русский язык. Прослеживается связь трактовки указанной категории с работами авторов традиционного (Лу Ивэй 卢以纬, Ван Инъжи 王引之) и современного (Син Фуи 刑福义, Го Жуй 郭锐, Чжан Бинь 张斌) китайского языкознания. Подчёркивается желание Ма Цзяньчжуну показать преемственность своей теории по отношению к трудам учёных древности. Указывается на некоторое несоответствие отнесения 叹字 *междометия* к 虚字 *служебным словам*.

Ключевые слова: китайский язык; история китайского языкознания; грамматика; междометие; Ма Цзяньчжун

L. V. Kiryukhina*Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation***INTERJECTION IN THE GRAMMAR THEORY OF MA JIANZHONG**

叹字 *interjection* in Ma Jianzhong's grammar book is considered in the article. The types of 叹字 *interjections* in wenyang, their possible positions within the sentence (against the background of syntactic isolation in general), the possibility of replacing hieroglyphic symbols with another symbols similar to pronounce are described. The examples from the analyzed grammar book are given, they are translated into Russian. Analogy of this category's interpretations in traditional (such authors as Lu Yiwei 卢以纬, Wang Yinzhi 王引之) and modern (Xing Fuyi 刑福义, Guo Rui 郭锐, Zhang Bin 张斌) Chinese linguistics is traced. Ma Jianzhong desire to show the continuity of his theory in relation to the works of ancient scholars is emphasized. Discrepancy in referring 叹字 *interjections* to 虚字 *function words* is indicated.

Key words: Chinese; history of Chinese linguistics; grammar; interjection; Ma Jianzhong

Междометия представляют собой категорию «неясную и туманную» [Щерба, 2004. С. 81], поскольку, хотя и выражают ощущения говорящего, однако не являются их названиями [Шахматов, 2001. С. 507]. Несмотря на то, что междометия изучаются довольно давно, пони-

мание данной категории исследователями весьма неоднозначно. На настоящем этапе развития лингвистической науки представлено большое количество работ на материале различных языков (в т. ч. в сопоставительном аспекте), в которых междометия исследуются с точки зрения проявления эмоций, рассматривается их коммуникативно-прагматический потенциал, описывается история изучения данной категории и т. д.

В рамках данной статьи мы рассмотрим интерпретацию междометий Ма Цзяньчжуном 马建忠 (1845–1900) — первым китайцем, представившем системное описание грамматического строя китайского языка.

До выхода в свет работы Ма Цзяньчжуна (《马氏文通》 «Ма ши взнь тун», 1898) в трудах китайских филологов уже имеются упоминания о междометиях. Так, в 《毛诗故训传》 «Комментариях Мао к Шицзину» говорится о 叹辞 междометиях 于嗟 *ax*, 猗嗟 *o*, 于 *увы*, 噫 *ox*, 猗 *o*¹ и др. В первом словаре служебных слов 《语助》 «Юй чжу» (1324) Лу Ивэя 卢以纬 также разбираются некоторые междометия: 嗟夫 *увы* (咨嗟、慨叹而言 произносятся для выражения восторга или сожаления), 呜呼 *o* *горе* (嗟叹之辞 слово, выражающее вздох сожаления), 呜 *o-o* (为语中叹词 междометие, которое используется в середине высказывания), 噫 *ox* (哀痛声 звук, который выражает скорбь), 恶 *o* (驚叹声 звук удивления), 於 *a* (叹声 звук вздоха), 已焉哉 *и ладно!* (叹而言 произносятся со вздохом), 已矣乎 *кончено!* (又衍以疑而不定之辞 выражение, которое также передаёт значение сомнения, неопределённости) [Лю Яньвэнь, 1986]. В словаре 《经传释词》 «Цзин чжуань ши цы» (1798) Ван Инъчжи 王引之 также представлено немало междометий, варианты наименования которых довольно разнообразны (叹词 междометия (досл. [выражающие] вздох слова), 叹辞 междометия, 发端叹辞 начальные междометия, 叹声 междометия (досл. [выражающие] вздох звуки), 叹息之声 звуки вздоха, а также описательные варианты 惊语 слова, выражающие испуг, 痛伤之声 звуки, выражающие скорбь, 恚声 звуки, выражающие гнев, 悲恨之声 звуки, выражающие печаль и досаду и проч. [Ван Инъчжи, 2016]. Междометия рассматриваются и в других работах. Необходимо отметить, что как элемент целостной системы междометия впервые представлены только в грамматике Ма Цзяньчжуна, однако можно сказать, что до него междометия рассматривались среди прочих служебных (незнаменательных) слов.

В своей классификации Ма Цзяньчжун относит 叹字 междометия к 虚字 служебным словам. Они рассматриваются в довольно маленьком седьмом параграфе девятой главы «Грамматика Ма Цзяньчжуна», завершающим разбор частей речи.

凡虚字以鸣人心中不平之声者，曰叹字。[Ма Цзяньчжун, 2010. С. 17]. Междометия — это служебные слова, которые при помощи звуков выражают изменения на душе человека.

Автором отмечены следующие особенности междометий:

其发而为叹美、为伤痛者，或音同而字异，或字同而情变，所谓随事见情，因声拟字，不可拘也。[Ма Цзяньчжун, 2010. С. 391]. Их произносятся для выражения восторга или печали; одинаковое произношение может быть записано разными словами, а одинаковые слова могут передавать различные эмоции, то есть выражаемые эмоции можно понять по контексту; согласно произносимому звуку подбирается слово; междометия не связаны в предложении с другими словами.

Ма Цзяньчжун перечисляет следующие междометия: 於, 於乎, 於戏, 呜呼 *увы!*, *ax!*, *o!*; 噫, 意, 抑, 懿 *ox!*, *ax!*; 嘻 *ой!*, 诶, 唉 *ай!*, *aga!*, 熙; 吁, 呼 *ax!*; 嗞, 嗞嗞, 嗞嗞, 嗞兹, 嗞子 *ax!*, *ox!* (в каждой из групп присутствуют элементы со схожим звучанием). Также отмечает междометия: 发端叹辞 начальное междометие 已; 恐之之声 отпугивающее междометие² 吓; 戏弄之声

¹ Мао Ши гу сюнь чжуань [毛诗故训传]. Комментарии Мао к Шицзину. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=202045&repar=gb> (дата обращения 09.09.2021).

² 声 досл. звук.

междометие насмешки 咄; 怒叱之辞 выражающее недовольство (ругань) 咄; 惊叹之声 междометие изумления 夥颐 ого!; 应答之声 междометия реакции 都 ладно!, 俞 ага!, 唯 да!, 然 верно, 诺 так точно!; 怒斥之声 междометие гнева 叱嗟; 怒声 междометия ярости 意乌, 暗 悉, 猝嗟; 呵责 междометие угрозы 訾, которые ориентированы на передачу звуковой составляющей и являются средством выражения эмоций [Ма Цзяньчжун, 2010. С. 391–392].

В качестве иллюстрации приведём примеры автора со знаком 噫: 礼 檀弓下: “国昭子曰: ‘噫!’” 郑注为“不寤之声”。哀公十四年 公羊传: “子曰: ‘噫!’” 何注为“咄嗟貌”。论语 先进: “子曰: ‘噫!’” 包注为“痛伤之声”。《Ли цзи》, «Тань гун, часть вторая»: «Го Чжао-цзы сказал: “Ой!”» В комментарии Чжэн [Сюаня 噫 названо] междометием, [который выражает] непонимание. «Гунъян чжуань», 14й год правления Ай-гуна: «Учитель сказал: “Ох!”» В комментарии Хэ [Сю 噫 названо] выражением вздоха. «Лунь юй», «Сначала изучали..»: «Учитель сказал: “О!”» В комментарии Бао [Сяня 噫 названо] междометием, выражающим скорбь. Ма Цзяньчжун не даёт широкого контекста использования междометия 噫, однако он указывает способы описания данного знака комментаторами классических произведений.

Рассмотрим примеры и других междометий.

庄子 秋水云: “仰而视之, 曰: ‘吓!’” 恐之之声也。 В главе «Осенние воды» «Чжуан-цзы» сказано: «Подняв голову и увидев её, произнесла: “Прочь!”». Отпугивающее междометие.

史记 外戚世家云: “武帝下车泣曰: ‘噯, 大姊, 何藏之深也!’” 正义解“噯”谓“惊叹貌”。 В главе «Наследственные дома женских родов» «Исторических записок» говорится: «У-ди сошел с экипажа и сказал со слезами: “Эх! Моя старшая сестра, почему же ты спряталась так далеко?”»³ В «Правильном смысле» 噯 названо выражением удивления.

汉书 东方朔传云: “朔笑之曰: ‘咄! 口无毛, 声警警。’” “咄”者, 戏弄之声也。又后汉书 袁谭传云: “谭堕马, 顾曰: ‘咄, 儿过我, 我能富贵汝。’” “咄”者, 怒叱之辞也。所谓字同而情异也。 В главе «Жизнеописание Дунфан Шо» «Истории династии Хань» говорится: «Шо, смеясь, сказал: “Цыц! Безусый, а шуму-то!”». 咄 — междометие, [передающее значение] насмешки. Так же в главе «Жизнеописание Юань Тяня» «Истории династии Поздняя Хань» говорится: «Тань свалился с лошади и сказал: “Эй! Отпусти меня, и я озолочу тебя!”». 咄 — выражение, [которое обозначает, что человек] ругается. Знак один и тот же, а эмоции [передает] разные.

史记 陈涉世家云: “夥颐, 涉之为王沈沈者。” “夥”, 楚音, 多也。汉书省“颐”字。盖“夥颐”者, 惊叹之声, 有声无义。“夥”之余声即为“颐”, 此汉书所以删去也。有“颐”字则声舒, 无则促耳。 В главе, посвящённой Чэнь Шэ, раздела «Наследственные дома» «Исторических записок» говорится: «Ого! Палаты вана Шэ роскошны!». 夥 в [царстве] Чу значит ‘много’. В «Истории династии Хань» сокращено до 颐. Таким образом, 夥颐 — междометие, выражающее изумление, восхищение; есть звуковая форма, но нет смыслового содержания. Произнесение 夥 излишне, это и есть 颐; поэтому в «Истории династии Хань» его убрали из текста. Если есть знак 颐, то произносить нужно спокойно, а без него — ускоренно.

赵策云: “叱嗟, 而母婢也!” “叱嗟”, 怒叱之声也。 В «Планах царства Чжао» сказано: «Тьфу! Да твоя мать — служанка!» 叱嗟 — междометие ругательства.

Относительно места, которое междометие может занимать в предложении, Ма Цзяньчжун отмечает, что чаще всего междометия стоят в начале предложения, однако они могут употребляться и в середине, а некоторые и в конце предложения. Например:

於戏前王不忘。Ax! [Заслуги] прежних правителей не [будут] забыты.

戒之哉, 嗟乎, 无以汝色骄人哉。Нужно извлечь из этого урок! Да, не надо высокомерно относиться к другим!

民言无嘉, 慤莫怨嗟。Народ недоволен! Неужели тебе не стыдно!

³ Здесь перевод Р. В. Вяткина. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Syma_Tsjan/index.htm (дата обращения 09.09.2021).

Таким образом, Ма Цзяньчжун указывает на возможность использования различных иероглифов для междометий со схожим чтением, поскольку они передают звуковую форму, соответственно, подбирается иероглиф со схожим звучанием (因声拟字). Кроме того, учитываются семантические различия передаваемых эмоций или реакций. В своей «Грамматике...» Ма Цзяньчжун широко демонстрирует степень разработанности вопросов грамматических исследований учёными традиционной китайской филологии, что нашло отражение и в параграфе, посвящённом междометиям.

Сравним междометие в грамматической системе Ма Цзяньчжуна с подходами современных лингвистов. Так, профессор Син Фуи 刑福义 叹词 *междометия* относит к 拟音词 *звукоподражательным словам*, которые, в свою очередь, являются 特殊成分词 *особыми словами, способными выступить в качестве членов предложения* [Син Фуи, 2019. С. 292–298]. В теории синтаксических классов, предлагаемой Го Жуюем 郭锐, выделяются 独立词 *обособленные слова*, т. е. слова, которые способны употребляться в синтаксически обособленной позиции. К такому классу слов как раз и относятся 叹词 *междометия* (отметим, что 拟声词 *звукоподражания* в его теории относятся к 组合词 *сочетающимся словам*, т. е. к таким словам, которые не способны употребляться в синтаксически обособленной позиции) [Го Жуй, 2002. С. 29]. В «*Современной грамматике современного китайского языка*» 叹词 *междометия* (наряду с 象声词 *звукоподражаниями*) принадлежат к 特殊词 *особым словам* [Сяньдай ханьюй мяосе юйфа, 2010. С. 260–263]. Как видим, в современных грамматических теориях междометия занимают особое место. У Ма Цзяньчжуна же 叹字 *междометия* являются 虚字 *служебными словами*, видимо, потому, что они 有声无义 *имеют звуковую оболочку, но не передают лексического значения*. Однако 虚字 *служебными словами* в его теории названы такие, значение которых 无解 *невозможно объяснить*, а также которые 惟以助实字之情态 *только помогают установить отношения между знаменательными словами* [Ма Цзяньчжун, 2010. С. 13]. 叹字 *междометия* же, судя по изложенным Ма Цзяньчжуном замечаниям, никаких связей между знаменательными словами не показывают, да и определённое значение всё-таки передают. Кроме того, подчеркнём, что обобщение материала учёных классического периода китайского языкознания, выполненное Ма Цзяньчжуном, сыграло важную роль для развития лингвистических исследований современности.

Список литературы

- Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: Едиториал УРСС, 2001. 624 с.
- Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.
- Ван Иньчжи. Цзин чжуань ши цы [王引之. 经传释词]. Толкование лексики канонов и комментариев. Нанкин: Фэнхуан чубаньшэ, 2016. 179 с. (на кит. яз.)
- Го Жуй. Сяньдай ханьюй цылай яньцзю [郭锐. 现代汉语词类研究]. Исследование частей речи современного китайского языка. Пекин: Шанью иньшугуань, 2002. 320 с. (на кит. яз.)
- Лю Яньвэнь. Юйчжу цзяочжу [刘燕文. 语助校注] «Юйчжу» с редакторскими правками и комментариями. Чжэнчжоу: Чжунчжоу гуцзи чубаньшэ, 1986. 85 с. (на кит. яз.)
- Ма Цзяньчжун. Ма ши вэнь тун [马建忠. 马氏文通]. Грамматика Ма Цзяньчжуна. Пекин: Шанью иньшугуань, 2010. 473 с. (на кит. яз.)
- Син Фуи. Грамматика китайского языка [пер. с кит. Е. Н. Колпачковой, А. В. Лебедевой, Н. А. Сомкиной, Е. Ю. Фокиной; науч. ред. пер. Е. Н. Колпачкова]. СПб.: Изд-во С.-Петербург. унта, 2019. 764 с.
- Сяньдай ханьюй мяосе юйфа [现代汉语描写语法]. Описательная грамматика современного китайского языка / под ред. Чжан Биня. Пекин: Шанью иньшугуань, 2010. 1306 с. (на кит. яз.)

УДК 378.4

DOI 10.25205/978-5-4437-1268-0-157-165

О. Ю. Родионова

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И КИТАЕ

Технологический подход является важным достижением в развитии современной педагогики. Участие образовательных технологий в образовательном процессе — это оптимизация и совершенствование модели образовательного процесса, более того, дальнейшее развитие и модернизация высшего образования просто невозможны без применения процесса технологизации. Однако, в силу исторических, экономических, социальных и культурных различий технологизация высшего образования в России и Китае имеет как общие, так и отличительные черты.

Ключевые слова: технологизация; образовательный процесс; высшая школа; Россия; Китай

O. Yu. Rodionova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

TECHNOLOGIZATION OF HIGHER EDUCATION IN RUSSIA AND CHINA

The technological approach is an important achievement in the development of modern pedagogy. The participation of educational technologies in the educational process is the optimization and improvement of the model of the educational process further development and modernization of higher education is simply impossible without the use of the process of technologization. However, due to historical, economic, social and cultural differences, the technologization of higher education in Russia and China has both common and distinctive features.

Key words: technologization; educational process; graduate School; Russia; China

В ходе специально проведенного исследования мной выявлено что в таких странах, как Россия и Китая, которые без сомнения относятся к наиболее развитым странам мира, традиционно применяемые методологические подходы к организации высшего образования на практике уже абсолютно не способны удовлетворить высокие запросы, которые предъявляет общество к уровню подготовки современного выпускника вуза, его готовности к инновационной деятельности.

Главным образом это связано с тем, что традиционно в содержании образования ведущая роль как правило отводилась теоретическим знаниям, преобладал догматический и объясни-

тельно-иллюстративный способ обучения, использование ресурсов памяти в учебном процессе доминировало над мышлением [Толстова, 2016. С. 130].

Вместе с тем, проанализировав нормативные документы ведущих вузов России и Китая, можно утверждать, что как правительство указанных стран, так и непосредственно руководство вузов считает, что именно высшие учебные заведения являясь ядром научно-технического процесса, способны адекватно среагировать на вызовы стремительно меняющихся условий жизни, не утратив, а укрепив при этом свои позиции, что в свою очередь позволит повысить уровень образованности населения, а значит уровень экономического, культурного и социального развития конкретной страны. Именно поэтому реформы и инновационные преобразования в системе высшего образования, проводимые в настоящее время в указанных странах, рассматриваются как основная движущая сила, способная создать современную, качественную и конкурентоспособную систему образования.

В России «достижение экономического и социального уровня, соответствующего статусу ведущей мировой державы XXI века, занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции, социально-экономические перемены, связывают именно с процессами модернизации, интеграции, гуманизации, внедрения и использования инноваций в сфере образования» [Сенчагов, 2008. С. 119].

Правительство Китая также уделяет беспрецедентное внимание модернизации высшего образования, в Китае активно ведутся поиски наилучших способов и путей модернизации системы высшего образования, которые будут способствовать усилению выдвижения инноваций в Китае, готовности студентов к будущей профессии в высших образовательных учреждениях, самостоятельной подготовке студентов к будущей профессии [Су Цзюньянъ, 2011. С. 94].

Таким образом, требования современного общества, новой парадигмы знаний и формируемых компетенций привели ученых и практиков к попыткам привести образовательный процесс в соответствие с обозначенными приоритетами, рассматривая в качестве одного из путей модернизации его «технологизацию», т.е. превращение обучения в своего рода производственно-технологический процесс с гарантированным результатом, причем с наименьшими затратами.

Именно благодаря такому осмыслению его сущности и назначения, технологический подход становится ведущим и весьма перспективным в системах образования России и Китая, применение широкого спектра образовательных технологий позволит повысить как уровень развития высшего образования, так и уровень образованности страны в целом.

Сегодня вопросы, связанные с процессом технологизации активно разрабатывается отечественной педагогикой: ему посвящены работы В. П. Беспалько, М. Е. Бершадского, В. И. Боголюбова, В. В. Гузеева. Т. А. Ильиной, М. В. Кларина, А. И. Космодемьянской, М. М. Левиной, З. А. Мальковой, Н. Д. Никандрова, Ю. О. Овакимяна, В. Я. Пилиповского, Е. С. Полат, А. Я. Савельева, Г. К. Селевко, А. И. Умана и других ученых.

Среди китайских авторов данную проблему исследуют авторы: Ли Кетон, Се Йоужу, Су Цзюньянъ, Сяо Су, Ли Цзиньси, Ли Айюнь, Ли Бингде, Хуан Юйцюань и некоторые другие.

Большинство исследователей отмечает, что технологизация системы образования положительно влияет на объем знаний и умений студента в социально-профессиональной области, позволяет развивать соответствующие выбранной им профессии компетенции, что в свою очередь несомненно поможет ему в поисках себя в профессии.

Так, в решении коллегии Госкомвуза РФ целью технологий обучения в высшей школе ставится актуализация содержания и методов обучения за счет активного использования в учебном процессе результатов и технологий научного поиска, повышение эффективности самостоятельной творческой работы студентов, внедрение в учебный процесс высоких интеллектуальных технологий [Кагерманьян, 1995. С. 52].

В КНР, в рамках реализуемой правительством глобальной образовательной модернизации, ведущая роль так же отводится технологизации образовательного процесса, как основному пути усовершенствования и возможности достижения наивысших качественных преобразований в образовательной системе.¹

Примечательно, что Китай уже сегодня на деле пытается реализовать тезис о том, что наука и технологии являются первой производительной силой. Слова: «Наука и технологии главные производительные силы» неоднократно повторял Дэн Сяопин [Дэн Сяопин, 1997. С. 137]. Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь также подчеркнул: «Научный прогресс является решающим фактором экономического развития, необходимо максимально учитывать огромное влияние в будущем уровня развития науки и техники и особенно высоких технологий на совокупную государственную мощь, социально-экономическую структуру, на благосостояние народа».²

Следует обратить внимание и на то, что в обеих странах осознают значимость и перспективность технологизации системы высшего образования, технологический подход открывает новые возможности для концептуального и проектировочного освоения различных областей и аспектов образовательной, педагогической и социальной действительности, он позволяет [Родионова, Федотова, 2017. С. 294].

- определить и спрогнозировать получение необходимого результата;
- непосредственно контролировать образовательный процесс;
- анализировать и систематизировать существующий практический опыт и его использование;
- интегрировать образовательные и социально-воспитательные проблемы и искать наилучшие пути их решения;
- подобрать необходимые условия для развития и становления личности;
- снизить влияние негативных внешних воздействий на человека;
- задействовать в работе все имеющиеся средства и ресурсы;
- при решении возникающих социально-педагогических проблем применять наиболее эффективные образовательные технологии, а также при необходимости разрабатывать новые.

Следует также отметить, что одним из достоинств технологизации является то, что образовательная технология уделяет особое внимание процессу взаимодействия между педагогом и учеником [Шуркова, 2020. С. 36], она позволяет пропорционально распределить функций между всеми участниками образовательного процесса.

Более того, возникновение и последующая разработка образовательных технологий позволяет, с одной стороны, обучающимся повысить эффективность освоения учебного материала и, с другой стороны, педагогам уделять больше внимания вопросам индивидуального и личностного роста студентов, направлять их творческое развитие [Селевко, 2006. С. 102].

Таким образом, ознакомление с основными положениями педагогической технологии позволит педагогу создать наиболее благоприятные условия взаимодействия с воспитанниками по организации их активной деятельности, которая, в свою очередь, определит их личностное развитие [Подласый, 2003. С. 16].

Однако следует обратить внимание и на тот факт, что исторически, экономически и культурно обусловленные различия накладывают свой отпечаток на процесс реформирования си-

¹ Образовательные технологии в университетах Китая [Электронный ресурс] // публичный аккаунт MOOC: официальный сайт. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/2LYVqirrf1vTTMkiWBBWFw>

² Министерство науки и технологий китайской народной республики [Электронный ресурс] // Выступление генерального секретаря ЦК КПК КНР Цзян Цзэминь: официальный сайт. URL : https://www.most.gov.cn/ztlz/qgxskjgzhy/mtbd/200410/t20041028_16544.htm

стем образования России и Китая. Так развитие теории и практики технологического подхода в названных странах имеет как схожие, так и различные черты, таким образом, нуждаясь в дальнейшем детальном изучении и анализе.

Так, анализ первоисточников и практического опыта организации образовательного процесса в вузах России и Китая обусловил вывод о том, что на сегодняшний день технологический подход принят как в России, так и в Китае, однако степень и уровень его освоения являются различным.

На этом основании я смогла выделить (как минимум) три уровня освоения технологического подхода вузами, а именно:

- высокий уровень;
- средний уровень;
- начальный уровень.

К высокому уровню относятся вузы, в которых осуществляется комплексное освоение и применение технологического подхода ко всей деятельности вуза.

Примером такого вуза в России на сегодняшний день является Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Так, в НИУ ВШЭ активно происходит переход от традиционных технологий, унаследованных от индустриальной экономики, к перспективным образовательным технологиям, отвечающим задачам инновационного развития.

В указанном вузе новые образовательные технологии внедряются в трех сферах, а именно:

- структуры учебных программ;
- организации учебного времени;
- контроля качества образовательных результатов.

Как показал анализ Программы развития НИУ ВШЭ, важнейшим компонентом развития для них становится создание, импорт, внедрение новых образовательных технологий — стандартизованных и тиражируемых алгоритмов организации образовательного процесса. Также являясь одним из ведущих вузов России, задачу технологизации образовательного процесса НИУ ВШЭ видит не только в том, чтобы модернизировать собственный образовательный процесс, но и содействовать распространению новых образовательных технологий в университетах России.⁵

К среднему уровню я отнесла вузы, в которых наблюдается использование технологий широкого спектра действия, применение устойчивых, общепризнанных блоков образовательных технологий.

Примером такого вуза в России является Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ).

В письме Минобразования РФ от 27.11.2002 № 14-55-996 ин/15 «Об активизации самостоятельной работы студентов вузов» отмечается, что главная задача вузов состоит в подготовке квалифицированного, компетентного, ответственного, свободно владеющего своей профессией, готового к постоянному профессиональному росту специалиста [Васенёв, 2007. С. 24], что в свою очередь невозможно без повышения роли самостоятельной работы студентов над учебным материалом, без усиления ответственности преподавателей за развитие навыков самостоятельной работы, за стимулирование профессионального роста студентов, воспитание их творческой активности и инициативы.

Таким образом, для повышения роли самостоятельной работы студентов СПбГУ, в вузе требуется провести необходимую реорганизацию учебного процесса, модернизацию учеб-

⁵ Программа развития НИУ ВШЭ до 2030 года [Электронный ресурс] // НИУ ВШЭ: официальный сайт. — URL: <https://www.hse.ru/prog2030/>

но-методической документации, следует разработать и внедрить новые дидактические подходы для глубокого самостоятельного освоения учебного материала.⁴

Так, в СПбГУ особое внимание уделяется научно-методической и учебно-методической работе преподавателя, связанной с разработкой методических материалов, которые смогут обеспечить в будущем реализацию соответствующих образовательных технологий, в том числе с созданием РПУД и учебных изданий, являющихся частью учебно-методического комплекса дисциплины (УМКД).⁵

В рамках программы развития СПбГУ придает большое значение разработке новых образовательных технологий, которые переосмысляются и внедряются в образовательный процесс вуза наряду с новыми подходами, методами и формами обучения и воспитания, нормативными документами, оборудованием, программным и методическим обеспечением.

К начальному уровню относятся вузы, в которых происходит освоение отдельных образовательных технологий, наблюдаются частные случаи их успешного применения на фоне традиционной организации образовательного процесса. Примером такого вуза в России может служить Федеральное государственное казённое военное образовательное учреждение высшего образования (Академия ФСО России г. Орёл), в котором на сегодняшний день активно используются профессионально-ориентированные технологии, технологический подход реализуется в рамках подготовки к будущей профессии, применяется комплекс технологий, направленных на профессиональное становление учащихся.

Так, в ходе специально проведенного исследования нами выявлено, что в настоящее время в Академии ФСО России активно применяется технологический подход к обучению инженерной графике курсантов указанного вуза. В частности, особую группу педагогических технологий составляют профессионально ориентированные технологии, разрабатываемые для учреждений профессионального образования. Вместе с формированием профессиональной деятельности обучающихся они позволяют обеспечить направленность на развитие творческой личности специалиста, создание условий для профессионально-личностного самоопределения курсанта: развития профессионально-ценностных ориентаций, становления профессиональной позиции, формирования потребности и готовности к профессионально-личностному самосовершенствованию.⁶

С учетом вышеизложенного, можно констатировать, что на сегодняшний день в России широко применяется технологический подход, налицо убежденность вузов в его значимости, в тоже время практика показывает, что высшие учебные заведения по-разному применяют его на практике.

Исследовательская работа позволила также выявить, что в России сегодня технологизация образовательного процесса приобретает статус одного из ведущих принципов организации деятельности вуза в целом. На осмыслении этого процесса формируется так называемый технологический подход, демонстрирующий новый взгляд на образовательный процесс, на его предназначение и на его возможности.

Так, технологический подход сегодня комплексно охватывает все сферы деятельности вуза, технологизируется деятельность всех субъектов образовательного процесса, а именно: деятельность студентов, преподавателей и администрации, появляются теоретические иссле-

⁴ Программа развития СПбГУ на 2021–2030 годы [Электронный ресурс] // СПбГУ: официальный сайт. — URL: <https://spbu.ru/openuniversity/documents/programma-razvitiya-spbgu-na-2021-2030-gody>

⁵ Программа развития СПбГУ на 2021–2030 годы [Электронный ресурс] // СПбГУ: официальный сайт. — URL: <https://spbu.ru/openuniversity/documents/programma-razvitiya-spbgu-na-2021-2030-gody>

⁶ Программа развития Академии ФСО России [Электронный ресурс] // Академия ФСО: официальный сайт. URL: <https://www.uchebo.ru/uz/18561/programs>

дования, посвященные изучению технологического подхода как перспективного методологического ориентира [Толстова, 2016. С. 131].

Детально изучив программы развития китайских вузов, я пришел к выводу о том, что на сегодняшний день в КНР, несмотря на масштабные технологические изменения в сфере образования, большинство вузов, понимая значимость и перспективность технологизации, все еще склоняется к освоению отдельных образовательных технологий, а не их комплексов, наблюдаются частные случаи их успешного применения на фоне традиционной организации образовательного процесса, что соответствует выявленному мной на примере российских вузов, начальному уровню освоения технологического подхода. Более того, сам термин «технологический подход» все еще не находит должного отражения в педагогических трудах китайских исследователей, а значит, теория технологического подхода, в отличие от России, развита слабо.

Вместе с тем, имеются примеры удачной технологизации образовательного процесса в вузах КНР. Среди них:

Тяньцзиньский университет (天津大学 Tiānjīn dàxué);

Педагогический университет провинции Шэньси (陝西師範大學 Shǎnxī shīfàn dàxué);

Китайский университет связи (中國傳媒大學 Zhōngguó chuánméi dàxué);

Тяньцзиньский университет твердо следует основным задачам идеологической и политической работы Китая в сфере образования и способствует скоординированному построению системы образования в целом. В вузе проводятся активные исследования во многих областях, была разработана новая модель обучения для всестороннего морального, интеллектуального, физического и эстетического развития будущего специалиста.

Тяньцзиньский университет сформировал комбинацию передовых образовательных концепций, научных и разумных методов обучения и сильного образовательного бренда. Названный университет целиком и полностью сосредоточен на оптимизации системы обучения, в полном объеме внедряя широкомасштабное обучение и активно персонализируя методы обучения в соответствии с потребностями роста талантов. Он кардинально видоизменил традиционное профессиональное обучение, укрепил математическую базу, и полностью сосредоточился на улучшении общего качества обучения.

Необходимо обратить внимание и на то, что данный университет стремится предоставить студентам как можно больше пространства и выбора для самостоятельного развития, особое внимание уделяется именно вопросам индивидуального и личностного роста студентов, их творческому развитию, с этой целью всесторонне развивается широкомасштабное обучение, повсеместно внедряются новые механизмы и различные способы обучения талантов, поддерживается углубленное сотрудничество между университетами и предприятиями, а именно была внедрена модель управления «университет-кооперация».

Педагогический университет провинции Шэньси в своем развитии опирается на следующую учебную концепцию: «интеграция дисциплин и всесторонних инноваций», в сочетании с новыми характеристиками развития гуманитарных и социальных наук в эпоху новой технологической революции.

На базе вышеупомянутого университета открыт «экспериментальный класс гуманитарных наук». Обучение в экспериментальном классе основывается на продвинутых концепциях и новых способах обучения, улучшенной системе учебных программ и междисциплинарной интеграции, обмена высококвалифицированными преподавателями и открытости.

Руководство университета уделяет большое внимание изучению передового опыта университетов в стране и за рубежом, интегрированному развитию каждого учебного звена. Университет всецело пытается воспитать высококвалифицированных и конкурентоспособных специалистов, с этой целью в процессе обучения активно используются образовательные технологии, которые способны помочь талантливым студентам достичь высоких запланирован-

ных результатов. Университет и в дальнейшем будет стремиться развивать творческие таланты, что в свою очередь невозможно без интеграции науки и техники.

Китайский университет связи *中国传媒大学* продолжает активно развивать сетевое взаимодействие между отечественными и международными университетами, чтобы внедрять передовые образовательные ресурсы и развивать разностороннее общение и сотрудничество.

Так, университет уделяет особое внимание исследованию академических и технологических инноваций, в нем был создан ряд открытых и международных высококлассных академических платформ, объединяющих ученых и исследовательские группы высокого уровня из разных отраслей науки.

Примечательно, что названный китайский университет, как и большинство российских вузов, ставит учащихся в центр образовательного процесса, и в этом мы видим гуманистический аспект технологизации, объединяющий названный процесс в высшем образовании стран-соседей. С помощью шести концепций «формирование ценностей, просвещение мыслей, возбуждение любопытства, стимулирование потенциала, изучение знаний и индивидуального развития» университет стремится воспитать специалиста, которому присуще чувства долга перед семьей и страной, который имеет глобальную грамотность и способность к интеграции знаний. Обладая способностью интегрировать инновации, такой специалист в будущем может стать лидером в области науки и техники, в различных сферах социально-экономического развития, а также инновационным и ведущим молодым специалистом в своей области.

С учетом вышеизложенного, можно констатировать, что правительство Китая, непосредственное руководство ведущих китайских вузов осознает важность технологизации образовательного процесса, и, также как руководство страны и системы образования России, стремиться внедрить различные аспекты технологизации в практику работы вузов.

Более того дальнейшее развитие, укрепление статуса университета мирового класса и вместе с этим возможность гарантированно воспитать высококвалифицированного специалиста, способного являться лидером не только в своей стране, но и на мировой сцене все больше связывают с внедрением образовательных технологий в высшие учебные заведения, с дальнейшей реорганизацией образовательной системы и содействием повышения качества образования в стране.

Вместе с тем, как показало проведенное исследование, становление технологического подхода в Китае имеет свой специфический индивидуальный путь становления, связанный, прежде всего, с технизацией образования, приоритетным применением в образовательном процессе вузов в общем спектре образовательных технологий информационно-коммуникационной составляющей.

Необходимо обратить внимание и на то, что, несмотря на все трудности модернизации, китайская система образования характеризуется сбалансированным развитием, его высоким качеством и с каждым годом все увереннее занимает лидирующие позиции в мировой системе образования⁷.

Итак, можно сделать вывод о том, что технологизация высшего образования в России и Китае имеет как общие, так и отличительные черты. В России акцент сделан не только на всеобщем применении образовательных технологий, но и на теоретическом обосновании технологического подхода и его возможностей в повышении эффективности деятельности вузов. Причем степень технологизации в вузах России различна: от комплексного технологического обеспечения всей жизнедеятельности университета, до внедрения комплексов техноло-

⁷ Образовательные технологии в университетах Китая [Электронный ресурс] // публичный аккаунт MOOC: официальный сайт. — URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/2LYVqirrf1vTTMklWBBWFw>

гий в тех или иных сферах и даже отдельных образовательных технологий в практику работы вузов.

В КНР акцент сделан непосредственно на практику. Технологии, в первую очередь, информационно-коммуникативные, стали неотъемлемой частью образовательной деятельности вузов. Отталкиваясь от процесса технизации, китайские педагоги осуществляют более масштабный процесс технологизации, связанную с применением широкого спектра различных образовательных технологий. Акцент при этом, так же, как и в России, сделан на гуманитарную составляющую, в центре процесса — студент с его потребностями и возможностями.

Таким образом, страны объединяет понимание высокой значимости технологизации высшего образования и вместе с тем её гуманитарного аспекта. Но, если Россия, наряду с широким применением технологического подхода, разрабатывает и обосновывает теоретически пути его комплексного, системного использования на практике, то для Китая, скорее, характерно внимание к отдельным, показавшим свою состоятельность и эффективность образовательным технологиям. В этом состоит общее и особенное в осмыслении и внедрении технологического подхода в образовательную практику вузов стран-соседей.

Список литературы

Васенёв Ю. Б. Организация и управление учебным процессом вуза при переходе на ФГОС ВПО нового поколения: Учебное пособие / Ю. Б. Васенёв. Санкт-Петербург: Издательство СПб. 2007. С. 24.

Дэн Сяопин. Строительство социализма с китайской спецификой / С. Дэн. М.: Палей, 1997. С. 137.

Кагерманьян В. С. Технологии обучения в системе научно-технического образования: Обзорная информация / В. С. Кагерманьян, М. Г. Гарунов, Н. А. Маркова. М.: НИИВО, 1995. С. 52.

Подласый И. П. Где помогут технологии? / И. П. Подласый // Школьные технологии. — 2003. № 3. С. 16.

Родионова О. Ю. Исследование феномена технологического подхода к организации образования в России и Китае: актуальность и перспективы / О. Ю. Родионова, Е. Л. Федотова // 2017. № 11. С. 294.

Селевко Г. К. Энциклопедия образовательных технологий: В 2 т. Т. 1 / Г. К. Селевко. М.: НИИ школьных технологий, 2006. С. 102.

Сенчагов В. К. Стратегия развития России: ориентиры и ограничения / В. К. Сенчагов // Вопросы экономики. 2008. № 2. С. 119–130.

Су Цзюньянъ. Основные формы и тенденции развития системы инспектирования и оценки школ в Китае / Цзюньянъ Су // Педагогика. 2011. № 1. С. 94–102.

Толстова О. С. Педагогические технологии: учебное пособие / О. С. Толстова. Кинель: РИО СГСХА, 2016. Ч. 1. С. 131.

Министерство науки и технологий китайской народной республики [Электронный ресурс] // Выступление генерального секретаря ЦК КПК КНР Цзян Цзэминь: официальный сайт. URL: https://www.most.gov.cn/ztlz/qgxskskjgzh/mtbd/200410/t20041028_16544.htm (дата обращения: 5.02.2021).

Щуркова Н. Е. Педагогические технологии: учебное пособие для вузов. 3-е изд., испр. и доп. / Н. Е. Щуркова. М.: Издательство Юрайт, 2020. Серия: Авторский учебник. С. 36.

Программа развития НИУ ВШЭ до 2030 года [Электронный ресурс] // НИУ ВШЭ: официальный сайт. URL: <https://www.hse.ru/prog2030/> (дата обращения: 24.10.2021).

Программа развития СПбГУ на 2021–2030 годы [Электронный ресурс] // СПбГУ: официальный сайт. URL: <https://spbu.ru/openuniversity/documents/programma-razvitiya-spbgu-na-2021-2030-gody> (дата обращения: 12.10.2021).

Программа развития Академии ФСО России [Электронный ресурс] // Академия ФСО: официальный сайт. URL: <https://www.ucheba.ru/uz/18561/programs> (дата обращения: 24.10.2021).

Образовательные технологии в университетах Китая [Электронный ресурс] // публичный аккаунт MOOC: официальный сайт. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/2LYVqirrf1vTTMkIWBBWFw> (дата обращения: 18.10.2021).

ФОТОГАЛЕРЕЯ

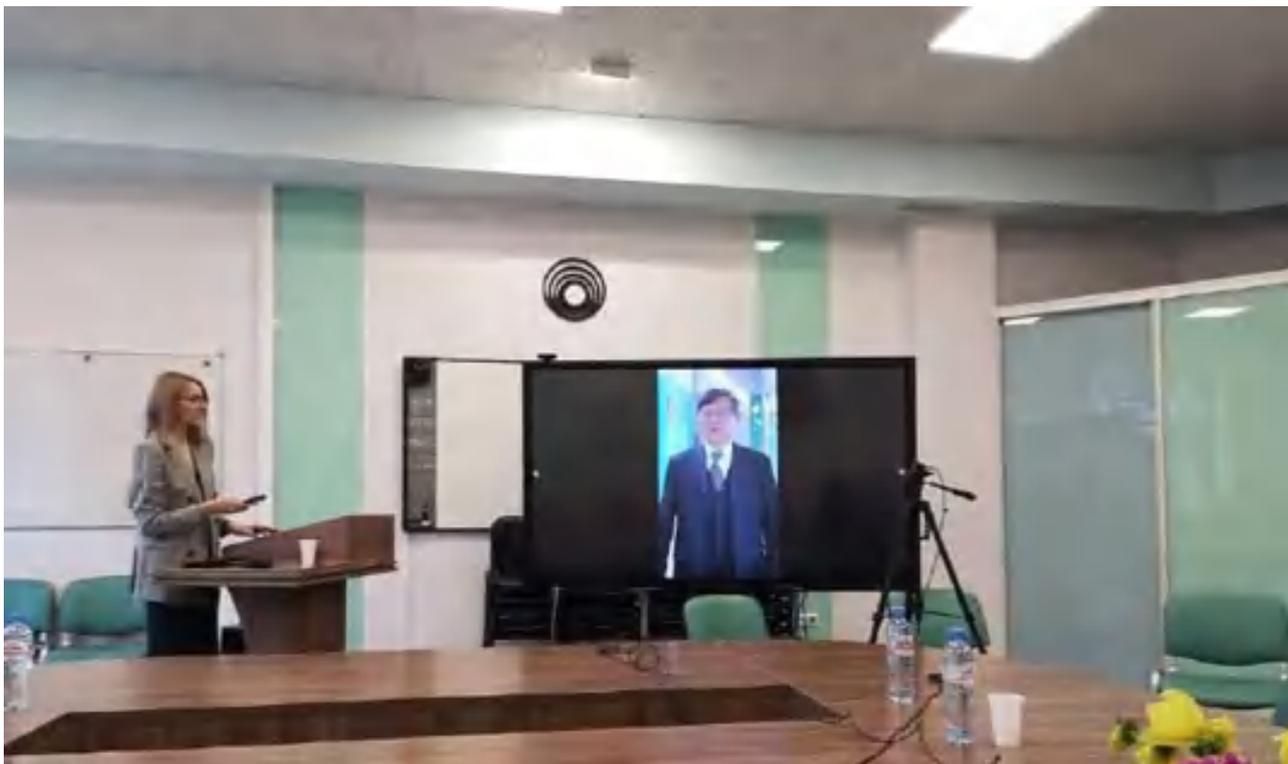
(фото А. Речкаловой, А. Герстла, Е. Войтишек)

Приветственное слово участникам конференции от директора ГИ проф. А. С. Зуева и зав. кафедрой востоковедения проф. Е. Э. Войтишек

Музыкальное приветствие гостям конференции.
Маленькая ночная серенада Моцарта в исполнении Академквинтета

Видеообращение к участникам конференции от проф. Ричарда Траппла (Венский университет), вице-президента Ассоциации EPU

Выступление профессора С. А. Комиссарова

Выступление проф. Цзягу Рихтер (Венский университет, Австрия) и В. В. Круглова (МГИМО, Москва) с презентацией нового учебника

Эмоциональное выступление аспиранта Мартина Мандла (Венский университет, Австрия)

Поздравления участников конференции проф. Е. Э. Войтишек
в связи с 30-летием ее педагогической деятельности

Участники конференции с профессором А. М. Карапетьянцем (МГИМО, Москва)
на кафедре востоковедения

Открытая лекция проф. Альфреда Герстла для студентов каф. востоковедения

Делегация НГУ с депутатами Государственного Собрания Эл Курултай Республики Алтай в Национальном музее им. А. В. Анохина в Горно-Алтайске

Проф. Альфред Герстл рассматривает петроглифы Каракола

Проф. А. В. Запорожченко знакомит гостей с петроглифами Колбакташа

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

Gerstl A.....	36	Кутафьева Н. В.....	142
Philippov A. V.....	67	Малинина Е. Е.	124
Varenov A. V.	84	Маслов А. А.	25
Wallenböck U.....	102	Победоносцева-Кая А. О.....	118
Ziehaus S.....	59	Подалко П. Э.	11
		Подалко П. Э.	74
Ахметов В. В.....	90	Пожилов И. Е.	41
Войтишек Е. Э.	14, 20	Рассолова Д. В.....	95
Глазунов Д. А.	110	Речкалова А. А.	6
Запорожченко А. В.	20	Родионова О. Ю.	157
Зинченко А. В.....	131	Симонова Е. В.....	148
Кирпичёнок А. И.	118	Филиппов С. И.	52
Кирюхина Л. В.....	153	Фролова Е. Л.	137
Комиссаров С. А.	6	Шишикин В. Г.....	46
Кузовков М. А.	55	Шмакова А. С.....	6

Научное издание

Международный научный форум «Наследие»

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ, МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И КУЛЬТУР СТРАН ВОСТОКА**

Материалы IV Международной научной конференции

27–28 сентября 2021 г.

Верстка *А. С. Терешкиной*
Обложка *Е. В. Неклюдовой*

Подписано в печать 20.12.2021 г.
Формат 60 × 84 1/8. Уч.-изд. л. 21,75. Усл. печ. л. 20,3.
Заказ № 263.

Издательско-полиграфический центр НГУ
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2.

ISBN 978-5-4437-1268-0

9 785443 171268 0